

РОЗАМУНДА ПИЛЧЕР СЕНТЯБРЬ

Красивая, завораживающая история...
Она обязательно коснется
ваших сердечных струн.

Prima

Розамунда Пилчер
Сентябрь

«Азбука-Аттикус»

1990

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Пилчер Р.

Сентябрь / Р. Пилчер — «Азбука-Аттикус», 1990

ISBN 978-5-389-15980-8

Восьмидесятые годы двадцатого столетия. В маленьком шотландском поместье ожидается большое событие – сентябрьский бал в честь совершеннолетия дочери хозяев. На торжество должно съехаться множество гостей. У каждого из них своя история жизни – со взлетами и падениями, любовью и предательством, недоразумениями и недоговоренностями, семейными праздниками и семейными тайнами. И все эти истории неспешно разворачиваются на фоне прекрасных, незабываемых пейзажей Шотландии. Очарование шотландской осени пленяет сердце и заставляет задуматься о прошлом; приходит пора, когда вопросы, заданные много лет назад, требуют настоящего ответа...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-15980-8

© Пилчер Р., 1990
© Азбука-Аттикус, 1990

Содержание

Май	6
1	6
2	11
3	18
Июнь	29
1	29
2	37
3	43
4	47
5	53
6	57
7	65
8	67
Август	71
1	71
2	76
3	79
4	84
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Розамунда Пилчер

Сентябрь

Rosamunde Pilcher

September

Copyright © 1990 by Robin Pilcher, Mark Pilcher, Fiona Pilcher and Philippa

Imrie

© И. П. Архангельская (наследник), перевод, 2018

© Ю. И. Жукова, перевод, 2018

© И. М. Бернштейн (наследник), перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

Май

1

Вторник, 3 мая

В начале мая в Шотландию наконец-то пришло лето. Слишком долго противилась зима, все цеплялась за землю своими ледяными пальцами. Весь апрель дули пронзительные северо-западные ветры, срывая лепестки с диких примул, иссушая ранние нарциссы, отчего их нежные золотистые венчики жухли и становились коричневыми. Вершины холмов покрылись ледяной коркой, в лощинах лежал глубокий снег, и фермеры, потеряв всякую надежду на свежую траву, вывозили на голые пастбища остатки сена и сгружали его под укрытие каменных изгородей, чтобы подкормить голодных овец.

Даже дикие гуси, к концу марта обычно улетающие на свои арктические гнездовья, медлили с отлетом. Последние стаи улетали в середине апреля, из дальней выси еле слышалась их перекличка, а косяки казались плывущей в воздухе паутиной.

Но вот за одну ночь капризная природа смягчилась к Горной Шотландии. Задул южный ветер, неся с собой ласковое тепло, которым вся остальная страна наслаждалась уже несколько недель. Зазеленели луга и пашни, очнулись истерзанные колючими ветрами дикие вишни, осмелели и раскинули ветви в белом уборе. И тут же расцвели красками сады в усадьбах – желтым цветом зацвел зимний жасмин, потянулись к солнцу лиловые крокусы, засинели махровые грозди гиацинтов.

Однако погода не меняла установившегося в жизни Вайолет Эрд порядка. Светило солнышко или лил дождь, каждое утро Вайолет Эрд отправлялась в деревню в магазин миссис Ишхак купить две пинты молока, номер «Таймс» и кое-какие продукты, необходимые для поддержания жизни пожилой одинокой дамы. Разве только в разгар зимы, когда наметало высокие сугробы, а по льду становилось опасно ходить, Вайолет, памятуя о том, что мужество начинается с осторожности, воздерживалась от этого путешествия.

Прогулка была не из легких. Добрых полмили крутого спуска по дороге, протянувшейся меж полей, которые когда-то были луговыми угодьями в Крое, поместье Арчи Балмерино; потом, на обратном пути, эти полмили оборачивались крутым подъемом. У Вайолет была машина, и она прекрасно могла бы прокатиться в деревню на ней, однако твердо верила: уж коли подкралась к тебе старость, берегись: стоит только начать пользоваться автомобилем для близких поездок, и ты пропала, собственные ноги перестанут тебе служить.

В долгие зимние месяцы Вайолет перед выходом основательно утеплялась. Обувалась в ботинки на толстой подошве, надевала шерстяные свитеры, непродуваемую куртку, шарф, перчатки, натягивала на уши теплую шерстяную шапку. Но сегодня она вышла в твидовой юбке и вязаном шерстяном жакете, с непокрытой головой. Светило солнышко, и от этого настроение у Вайолет было отличное, она чувствовала себя молодой и сильной, а поскольку сегодня она не напялила сто одежек, ей припомнилось детство: как приятно было стянуть с себя черные шерстяные чулки и подставить голые ноги прохладному ветерку.

В магазине собралось довольно много народу, и Вайолет пришлось подождать. Но она и не возражала, можно пока что поболтать с другими покупателями – а все они были ее знакомые, – подивиться на погоду, справиться у того-другого о здоровье матушки, полюбоваться на

малыша, который заимел карманные денежки и вот никак не может решиться, какой же паке-тик леденцов предпочесть. Он не торопится. Миссис Ишхак с улыбкой ждет. Но вот наконец малыш сделал выбор, миссис Ишхак кладет его покупку в бумажный пакетик и берет у него деньги.

– Не ешь все сразу, а то испортишь зубки, – предостерегает его она и поворачивается к Вайолет: – Доброе утро, миссис Эрд.

– Доброе утро, миссис Ишхак. До чего же приятный денек. Я глазам своим не поверила. Смотрю, солнышко светит.

Обычно миссис Ишхак, которую судьба занесла в эти северные края из солнечной Малави, облаченная в шерстяной вязаный жакет, с парафиновым обогревателем под прилавком, сжималась в комочек, едва только удалялись покупатели. Сегодня она явно повеселела.

– Надеюсь, холода не вернуться.

– Я тоже надеюсь. Наконец-то пришло лето. Спасибо, спасибо за молоко и газету. Эди просила еще купить полироль для мебели и бумажные салфетки. И прихватчу-ка я полдюжины яиц.

– Не слишком ли тяжелая получилась корзина? Я могу прислать все с мистером Ишхаком.

– Спасибо большое, я справлюсь.

– Вы много ходите.

Вайолет улыбнулась:

– Но ведь это мне только на пользу.

И она с корзиной на руке пустилась в обратный путь в Пенниберн. Вниз по мостовой, мимо приземистых коттеджей с залитыми солнцем окошками и распахнутыми настежь дверями, чтобы в них свободно лился теплый, светлый воздух, и дальше в ворота усадьбы. Отсюда дорога снова пошла вверх. Дорога была их частная, построенная лордом Балмерино, и вела к заднему фасаду большого дома, а Пенниберн стоял на полпути, чуть в сторонке от дороги. К нему шла обрамленная буками прямая подъездная аллея. Какое это было облегчение – дойти до поворота и знать, что теперь уже не придется тащиться в гору. Корзина вроде бы потяжелела. Вайолет перехватила ее другой рукой и погрузилась в раздумья, чем же ей теперь заняться. Это был день, когда к ней приходила помогать Эди, а значит, ей самой нужно поработать в саду. Она совсем его запустила – все время было так холодно. Газон стоял унылый и замшелый. Надо бы прорыхлить его, чтобы вдохнул свежего воздуха, а розы подкормить компостом, она его приготовила, теперь оставалось только погрузить в тачку и разбросать по новой клумбе. Все это вполне приятные дела, и ей захотелось поскорее приступить к ним.

Вайолет ускорила шаг и тут-то и заметила, что перед входной дверью ее дома стоит незнакомый автомобиль. Кто-то к ней приехал, значит саду придется подождать. Гость. Какая досада! Но кто же это? С кем ей придется сидеть и разговаривать, вместо того чтобы поработать в саду?

Автомобиль – небольшой чистенький «рено» – ничего не сообщил ей о своем владельце или владелице. Вайолет вошла в дом через заднюю дверь, ведущую в кухню. Эди стояла у крана и наполняла водой чайник.

Вайолет водрузила корзину на стол.

– Кто? – беззвучно спросила она, предостерегающе приложив палец к губам.

Эди ответила так же неслышно:

– Миссис Стейнтон. Из Коррихила.

– Давно приехала?

– Только что. Я сказала ей, чтобы подождала. Она в гостиной. Как видно, хочет с вами о чем-то поговорить. – Эди повысила голос. – Делаю вам кофе, сейчас принесу.

Деваться было некуда, Вайолет направилась в гостиную. У окна залитой солнечным светом комнаты стояла Верена Стейнтон и смотрела на сад. Услышав шаги, она обернулась.

– Ах, Вайолет, тысяча извинений – явилась так неожиданно-негаданно! Я сказала Эди, что загляну в другой раз, но она заверила меня, что вы вот-вот вернетесь из деревни.

Верене еще не было и сорока. Высокая, стройная, всегда безукоризненно одетая. Это и поставило ее несколько особняком в местном обществе – здешние дамы в большинстве своем занимались хозяйством и не слишком заботились о своей внешности, на это у них не хватало времени. Верена и ее муж Энгус поселились в Коррихиле не так давно, лет десять назад. До того они жили в Лондоне, Энгус работал биржевым маклером, но, нажив порядочное состояние и порядком устав от вечной гонки и суеты, приобрел Коррихил, поместье в десяти милях от Страткроя, переехал в него вместе с женой и дочерью Кэти и стал подыскивать более спокойную работу. Кончилось тем, что он принял на себя руководство компанией в Релкирке, которая торговала лесом и пришла в упадок. Энгус превратил ее в процветающее и прибыльное предприятие.

Что же касается Верены, то она тоже не сидела без дела и занялась туристским бизнесом. В летние месяцы туристическое бюро «Туры по Шотландии» доставляло в шотландскую глубинку автобусы с американскими туристами и устраивало их на постой в качестве платных гостей в респектабельные частные дома, специально подобранные для этой цели. Изабел тоже включилась в это дело. Надо сказать, это был нелегкий труд. Вайолет просто не представляла себе более утомительного способа добывания денег.

Однако для местной общины Стейнтонь оказались ценным приобретением – добрые, приветливые, гостеприимные, они, не жалея ни сил, ни времени, охотно включались в организацию всяких праздников, спортивных состязаний и различных благотворительных мероприятий, пополнявших денежный фонд общины.

Но и зная все это, Вайолет никак не могла догадаться, что привело к ней Верену сегодня.

– Рада, что вы набрались терпения и дождались меня. Ужасно обидно было бы разминуться. Эди готовит нам кофе.

– Мне бы следовало предварительно позвонить, но я ехала в Релкирк, и уже по дороге мне вдруг пришло в голову, что лучше заглянуть к вам, вдруг да застану дома. Я не нарушила ваши планы?

– Нисколько, – не моргнув глазом заверила ее Вайолет. – Устраивайтесь поудобнее. К сожалению, мы сегодня еще не растапливали камин.

– И хорошо, что не затопили – в такой день камин ни к чему. Какое счастье снова увидеть солнышко!

Верена села на диван, скрестив длинные, стройные ноги. Вайолет куда менее грациозно опустилась в свое любимое широкое кресло.

Она решила сразу перейти к делу:

– Эди сказала, вы хотели со мной о чем-то переговорить...

– Мне вдруг пришло в голову, что именно вы можете мне помочь...

У Вайолет упало сердце: неужели опять какая-то ярмарка, закладка сада или благотворительный концерт и Верена попросит сейчас вязать колпаки на чайники, продавать билеты или выступать на открытии?

– Помочь?... – слабым голосом переспросила Вайолет.

– Собственно, помощи тут особой не нужно, скорее мне нужен совет. Видите ли, я хочу устроить бал.

– Бал?

– Да. Для Кэти. Ей исполняется двадцать один год.

– Но что же я могу вам посоветовать? Я уж и не припомню, когда занималась подобными делами. Наверное, вам стоит посоветоваться с кем-то помоложе. К примеру, с Пегги Фергюсон-Кромби или с Изабел.

– Я подумала... подумала, что у вас больше опыта. Вы живете здесь дольше всех моих знакомых, и мне важно знать, одобрите ли вы мою идею.

Вайолет почувствовала некоторое замешательство; появление Эди с подносом в руках было как нельзя кстати. Эди поставила поднос на высокий столик сбоку от камина.

– Может, подать печенье? – спросила она.

– Нет, Эди, ничего больше не надо. Спасибо.

Эди удалилась. Немного погодя наверху загудел пылесос. Вайолет разлила кофе по чашкам.

– Вы сказали «бал». Что вы имеете в виду?

– Танцы, конечно. Знаете, рилы и прочие шотландские народные танцы.

Да, Вайолет знала.

– Танцы под магнитофон, в холле?

– Нет, не так. Я хочу устроить настоящий бал, с размахом. Раскинуть шатер на лужайке...

– А Энгус не побоится вылететь в трубу?

Верена оставила вопрос без внимания.

– ...и пригласить настоящий оркестр. Холл мы, конечно, тоже используем, там можно будет посидеть. И гостиную. И, я уверена, для своих лондонских друзей Кэти захочет устроить современные танцы под магнитофон. Надо подумать, какую комнату им отвести. Наверное, столовую. Соорудим там пещеру, грот...

Пещеры, гроты... Значит, Верена уже все спланировала. Она ведь прекрасный организатор.

– Так вы уже столько всего напридумывали, – заметила Вайолет.

– Кэти пригласит уйму своих друзей... придется устраивать всех на ночлег...

– Сама-то Кэти знает о вашей затее?

– Нет. Вы первая, кому я говорю.

– А если она не захочет водить хороводы и отплясывать кадрили?

– Уверена, она будет в восторге. Ей бы только повеселиться.

Да, конечно, Кэти будет в восторге, в этом Вайолет не сомневалась.

– Когда же вы предполагаете это устроить?

– Думаю, в сентябре. Самое лучшее время. В сентябре начинается охота, съезжаются все наши охотники; и еще не кончатся студенческие каникулы. Шестнадцатое сентября – вот, наверное, самый подходящий день. Еще и потому, что школьники уже разъедутся по своим пансионатам.

– Но сейчас ведь только май. До сентября еще очень далеко.

– Да, но назначить день и начать приготовления никогда не рано. Я смогу сделать заказ на шатер, договориться с поставщиками провизии, напечатать приглашения... – Верене пришла в голову еще одна блестящая идея: – Что, если вдоль подъездной аллеи развесить китайские фонарики? Как вы считаете, Вайолет?

«Грандиозные планы», – подумала Вайолет.

– Но вы представляете, сколько на все это понадобится сил и времени? – сказала она.

– По-моему, ничего особенного. Американское нашествие уже кончится – в конце августа туристский сезон закрывается, и я целиком сосредоточусь на празднике. Хорошо ведь я придумала? Ну признайте, Вайолет! К тому же я сразу отдам все светские долги. Пригласим всех, кто принимал нас, а мы так и не собрались устроить ответный прием. Включая Барвеллов.

– Барвеллов я, кажется, не знаю.

– Нет, и не можете знать. Он коллега Энгуса по службе. Мы дважды у них обедали. Умирали со скуки. А их так и не пригласили... ни разу. Не могли собраться с духом и принести в жертву кого-то из наших друзей, – с довольным видом сообщила Верена. – Да, многим мы задолжали, что и говорить. Когда я напому об этом Энгусу, он не станет чинить препятствия, подписывая чеки.

Вайолет даже чуточку пожалела Энгуса.

– А кого еще пригласите?

– Всех! Миллбурнов и Фергюсон-Кромби, Бьюкенен-Райтов и старушку леди Уэстердейл. И Стаффордов. Все дети у них подросли, так что тоже получают приглашения. Из Гемпшира приедут Мидлтоны, из Глостершира – Луарды. Мы составили список. Я приколю на кухне, на доске для заметок, длинный листок и, как припомню кого-то еще, тут же туда впишу. И вы, Вайолет, конечно же, тоже получите приглашение. И Эдмунд с Вирджинией, и Алекса. И чету Балмерино приглашу. Изабел наверняка даст обед...

И вдруг вся эта затея показалась Вайолет очень славной. Мысли ее обратились к прошлому, и одно за другим поплыли воспоминания.

– Вы должны послать приглашение Пандоре, – неожиданно для себя сказала она. И тут же растерялась: что это она брякнула?

– Пандоре?

– Сестре Арчи Балмерино. Понимаете, раньше, бывало, стоило кому-то подумать о празднике, как тут же, автоматически, приходила мысль о Пандоре. Но конечно, вы-то ее даже не знаете.

– Нет, знаю, слышана о ней. К кому ни придешь в гости, почему-то за столом непременно заходит разговор о Пандоре. Вы считаете, она примет приглашение? Насколько я понимаю, она не была дома уже более двадцати лет.

– Да, верно. Что это мне взбрело в голову? А впрочем, почему бы и не попытаться. Какой был бы приятный сюрприз для бедного Арчи. Если нашу странницу каким-то чудом занесет в Крой, танцы будут до утра.

– Значит, Вайолет, вы меня одобряете? Значит, в сентябре – бал!

– Одобряю. Вы прекрасно придумали, лишь бы хватило у вас сил да денег. А мы теперь будем жить в предвкушении праздника.

– Но пока что никому ни слова – я должна обработать Энгуса.

– Никому ни слова.

Верена весело улыбнулась, и ей пришла в голову еще одна счастливая мысль.

– И я куплю себе новое вечернее платье.

У Вайолет подобных проблем не было.

– Я надену мое черное бархатное, – сказала она.

2

Четверг, 12 мая

Ночи стали короткими, и сон так и не пришел. Скоро рассвет. Он надеялся, что наконец-то выспится – устал и измучился ужасно. Три дня не по сезону жаркого Нью-Йорка совершенно вымотали его, три дня, до отказа заполненные деловыми встречами за завтраком и за обедом, бесконечные обсуждения и споры во второй половине дня; слишком много кока-колы и черного кофе, каждый день приемы, сидение допоздна в ресторанах и ни плотка свежего воздуха.

Наконец дело было сделано, хотя успех дался ему нелегко. Харви Клейн оказался крепким орешком, и он не сразу убедил его, что предлагает единственный реальный путь завоевания английского рынка. Но в конце концов Клейн одобрил его творческие замыслы, включая график работ, выставки и фотографии. Ноэль возвращался в Лондон с контрактом в кармане. Он уложил чемодан, сделал последние телефонные звонки, засунул в портфель документы и калькулятор, поговорил с Харви Клейном – тот позвонил, чтобы попрощаться, спустился вниз, расплатился за номер, остановил такси и поехал в аэропорт имени Кеннеди.

Вечерний Нью-Йорк, как всегда, являл собой сказочное зрелище – в мерцающем небе поблескивали огнями небоскребы, по шоссе магистральям текли реки светящихся автомобильных фар. Этот город щедро предлагал тебе уйму развлечений, что только душе угодно.

В прежние свои приезды Ноэль развлекался вовсю, однако на этот раз он не смог принять ни одного приглашения. Обидно уезжать, не вкусив всех удовольствий, такое чувство, что тебя выпроваживают, когда веселье еще в самом разгаре.

Такси подвезло его к терминалу «Бритиш эйрвейз». Он покорно встал в очередь, прошел контроль, освободился от лишнего багажа, снова встал в очередь – его вместе с портфелем просветили рентгеновскими лучами – и наконец-то вошел в зал отправления. Купил бутылку беспопытного шотландского виски в ларьке, «Ньюсуик» и «Эдвертайзинг эйдж»¹ в книжном киоске. Отыскал свободное кресло, плюхнулся в него и стал ждать, когда объявят посадку.

Щедротами фирмы «Уэнборн и Уайнбург» он летел клубным классом и, слава богу, мог хотя бы вытянуть свои длинные ноги, к тому же он попросил место у окна. Ноэль снял пиджак, устроился поудобнее. Очень хотелось пить. Вдруг ему повезет и никто не займет соседнее кресло, мелькнуло в голове, однако надежда тут же угасла: появился уважаемый толстяк в синем, в узкую полоску, костюме, аккуратно разместил в верхнем отделении всевозможные пакеты и свертки и, отдуваясь, погрузился в кресло рядом с Ноэлем.

Господин занял довольно много места. В салоне было прохладно, но от соседа тянуло жаром. Он вытащил из кармана шелковый платок, промокнул лоб, стал устраиваться поудобнее и ненароком – довольно больно – ткнул Ноэля локтем.

– Ах, извините! Похоже, самолет набит битком.

Разговаривать Ноэлю не хотелось. Он улыбнулся, кивнул в ответ и демонстративно развернул «Эдвертайзинг эйдж».

Они взлетели. Подали коктейли, затем разнесли обед. Ноэль не был голоден, но отобедал, поскольку больше нечем было себя занять. Огромный «Боинг-747», равномерно гудя, летел над Атлантикой. Стюардессы унесли подносы, начали показывать фильм. Ноэль успел посмотреть его в Лондоне, поэтому попросил принести ему виски с содовой и стал медленно его потягивать. Свет в салоне притушили, пассажиры потянулись за подушками и пледами. Толстяк в

¹ «Новости недели» и «Век рекламы». – Здесь и далее примеч. перев.

соседнем кресле сложил руки на пузе и моментально захрапел. Ноэль закрыл глаза, но под веки словно набился песок, и он снова раскрыл их. В голове крутились разные мысли – мозг его три дня работал на бешеной скорости и теперь никак не мог остановиться. Нет, ему не уснуть.

Казалось бы, он должен торжествовать: заключил прекрасный контракт, причем, можно сказать, прошил все шовчики и возвращается домой победителем. Кстати, о названии «Седло и стремя». Чем чаще повторяешь это название, тем глупее оно звучит. Впрочем, сами изделия отнюдь не глупые. Чрезвычайно важные не только для Ноэля, но и для «Уэнборн и Уайнбург».

«Седло и стремя». Компания вела свою родословную из Колорадо. Несколько лет назад там начали производить высококачественные кожаные изделия для местных ранчо. Седла, сапоги, сапоги для верховой езды, отмеченные престижной торговой маркой: подкова с буквой «S» посередине.

Компания с первых же шагов хорошо себя зарекомендовала и вскоре одержала верх над всеми соперниками. Ассортимент начал расширяться, в скором времени компания уже производила и более изящные вещи: чемоданы и саквояжи, дамские сумочки, несесеры, туфли и сапоги. Все изделия ручной отделки и из превосходной кожи. Пожалуй, теперь ее фирменный знак соперничал лишь с маркой «Гуччи» или «Феррагамо», и цены были соответствующие. Слава фирмы росла, и с некоторых пор стало считаться хорошим тоном привезти из поездки в Штаты сумку или ремень фирмы «Седло и стремя».

А потом прошел слух, что «Седло и стремя» продвигается на британский рынок и устанавливает связь с некоторыми тщательно отобранными лондонскими магазинами. Начальник Ноэля, Чарльз Уайнбург, случайно услышал об этом на одном из званых обедов. На следующее утро Ноэль, вице-президент фирмы и директор отдела рекламы, был приглашен на утренний брифинг.

– Я хочу их заполучить, Ноэль. Пока только горстка людей в нашей стране слышали о «Седле и стремях», компании понадобится хорошая реклама. Мы начинаем действовать первыми, и, если ввезем их в Англию, они будут у нас в руках. Вчера ночью я звонил в Нью-Йорк и разговаривал с президентом компании Харви Клейном. Он готов с нами встретиться, но хочет, чтобы мы продемонстрировали всю рекламу. В вашем распоряжении две недели. Свяжитесь с Департаментом искусств, постарайтесь разработать что-то вместе с ними. И бога ради, найдите фотографа, у которого мужчина выглядел бы как мужчина, а не как манекен в витрине магазина. Отыщите настоящего игрока в поло. Если он то, что надо, и будет на высоте, я за ценой не постою...

Вот уже девять лет Ноэль Килинг работал на фирму «Уэнборн и Уайнбург». Девять лет – немалый срок для рекламного дела, а Ноэль продолжал работать все в той же фирме и время от времени сам удивлялся, что ему по-прежнему сопутствует успех. Его коллеги-ровесники давно уже ушли кто куда, кто-то в другую компанию, кто-то даже открыл собственное агентство. А Ноэль оставался все в той же фирме.

Постоянство это объяснялось главным образом обстоятельствами его личной жизни. Если вспомнить, через год или два после поступления в фирму «Уэнборн и Уайнбург» Ноэль всерьез подумывал о перемене места работы. Его одолевало беспокойство, он чувствовал неудовлетворенность, работа его не очень-то увлекала. И он предавался радужным мечтам: вообще бросить рекламу и завести какое-то собственное дело, допустим заняться продажей земли или товаров широкого потребления. В голове его рождались грандиозные планы, только вот денег не было, и он вынужден был смириться с тем, что есть. Порой им овладевало отчаяние – столько упущенных возможностей!

А потом, четыре года тому назад, все переменилось, и довольно драматичным образом. Ноэлю минуло тридцать, он все еще оставался холостяком, одна подружка сменяла другую, его

это вполне устраивало, и непохоже было, что он вообще когда-либо изменит свой образ жизни. Но тут вдруг умерла его мать, и впервые в распоряжении Ноэля оказались деньги.

Умерла она неожиданно, и это было таким ударом, что какое-то время он никак не мог поверить, что она навсегда ушла из его жизни. Он любил ее, хотя и не предавался сентиментальности и не демонстрировал свою привязанность, но, если сформулировать более точно, мать была для него не только постоянным источником пищи насущной, не только снабжала его чистой одеждой, предоставляла теплую постель, но и, когда он просил, оказывала моральную поддержку. Он уважал мать за то, что она твердо стояла на страже собственной независимости, и высоко ценил ее неукоснительное правило: никогда, ни в какой форме не посягать на его, Ноэля, личную жизнь. Однако многое в ее поведении его просто бесило. Самое худшее было то, что она вечно окружала себя какими-то неудачниками и просто любителями пожить за чужой счет. Каждый встречный-поперечный становился ее другом. А Ноэль всех их называл приживалами. Она не обращала ровно никакого внимания на его циничные замечания, и, словно мотыльки на огонь, к ее очагу слетались одинокие старые девы и вдовы, нищие художники и безработные актеры. Всем им она старалась помочь, и Ноэль считал, что это так же глупо, как и эгоистично с ее стороны, поскольку свободных денег в семье не было, их не хватало даже, как считал Ноэль, на самое необходимое.

Эта бездумная щедрость отразилась и в ее завещании. Большая сумма денег была оставлена совершенно чужому парню, не имеющему никакого отношения к их семье... Почему-то она пригрела его и почему-то захотела ему так щедро помочь.

Для Ноэля это был жестокий удар. Чувства его были глубоко уязвлены, понес значительный ущерб и его карман. Он никак не мог забыть об этом бессмысленном даре, но что толку было сожалеть и злиться – мать ушла. Он не мог высказать ей свое мнение по этому поводу, обвинить ее в предательстве, потребовать объяснений. Она ушла, она была вне досягаемости. Она где-то там, за бездонной пропастью или за рекой, которую не переплыть, на солнечной поляне или под сенью деревьев – как там ей представлялось Царство Небесное? – ей не страшен его гнев, и ее ничуть не трогают его упреки и притязания. Она, быть может, втайне подсмеивается над своим сыном, и глаза у нее лукаво поблескивают.

Тогда он отвернулся от семьи – собственно, ему некого было огорчать, кроме двух сестер, и сосредоточился на работе – единственной устойчивой части своей жизни. К собственному удивлению, а также к удивлению своего начальства, он обнаружил – и как раз вовремя, – что работа в рекламе, оказывается, ему очень интересна и он делает ее отличнейшим образом. К тому времени, когда все формальности с оставленным матерью наследством были завершены и его доля благополучно положена в банк, юношеские фантазии о том, как он вдруг разбогатеет, пустившись в крупную игру или придумав что-то совершенно необыкновенное, перестали занимать Ноэля. Одно дело манипулировать чьими-то чужими деньгами, и совершенно другое – пускаться в авантюры с собственными. Он заботился о своем банковском счете, словно о ребенке малом, и ему даже в голову не приходило подвергать его хотя бы малейшему риску. Позволил он себе лишь один расход – купил автомобиль и осторожно начал устраиваться в своей новой жизни...

Юность кончилась, теперь текла повседневная жизнь со всеми ее трудностями. Мало-помалу Ноэль принял ее условия, а также понял, что его последняя обида на мать постепенно отступает. Что толку в запоздалых сожалениях, они ничего не дают. Да и надо быть справедливым: он тоже что-то получил, причем не так уж мало. К тому же горе его было неподдельно, ему очень недоставало матери. В последние годы, с тех пор как она уединилась в своем новом доме в Глостершире, он редко с ней виделся, но все же она всегда была там – на другом конце телефонного провода либо в конце долгого пути, когда вдруг почувствуешь, что не в состоянии ни минуты больше переносить раскаленные улицы летнего Лондона. И не имело ровно никакого значения, приедешь ты на уик-энд один или с друзьями. Место в доме матери нахо-

дилось для всех, всех ждал радушный прием и вкусная еда, все было легко и приятно, и тебя не заставляли стричь газон или копать грядки.

В камине потрескивали поленья, цветы в вазах источали нежнейший аромат, гости могли насладиться горячей ванной, их ждали мягкие постели, отличные вина и приятная беседа.

Все ушло. Дом и сад проданы чужим людям. И вкусный аромат кухни, и приятное чувство, что кто-то о тебе заботится и тебе не надо ни о чем думать, – все ушло. Ушло с единственным на свете человеком, с которым тебе не надо было играть и притворяться. Ну да, она злила его своими причудами, но вот ее не стало, и в жизни его, в самой ее сердцевине, теперь точно дыра с рваными краями, и он должен признать – к этому не так легко привыкнуть.

Ноэль вздохнул. Кажется, все это было давным-давно. В другом мире. Он допил виски и устремил взгляд в темное окошко. Когда ему было четыре года, вспомнил Ноэль, он заболел корью, с вечера его мучила бессонница, и казалось, ночь тянется бесконечно, минута длится целый час, а до рассвета – вечность.

Вот и теперь, тридцать лет спустя, он ждал рассвета. Небо посветлело, и из-под облака на лжегоризонте выскользнуло солнце, окрасив все вокруг в такой ярко-розовый цвет, что стало больно глазам. Исполненный чувства благодарности, Ноэль смотрел сквозь окошечко самолета на рассвет: хорошо, что он прогнал ночь и наступил новый день и не нужно больше стараться заснуть. Вокруг него зашевелились в своих креслах люди. Стюардессы разносили апельсиновый сок и горячие влажные полотенца. Ноэль приложил полотенце к лицу и почувствовал сквозь него щетину на подбородке. Кое-кто из пассажиров, достав несессер, отправился в туалет бриться. Ноэль не двинулся с места – он побреется дома.

Что он и сделал три часа спустя. Усталый, грязный, в мятom костюме, он расплатился с шофером и вылез из такси. Утро было прохладное, моросил мелкий дождичек – райское блаженство после Нью-Йорка. В Пембрук-Гарденс зеленели деревья, блестели мокрые мостовые. Ноэль поглубже вдохнул свежего воздуха и с минуту постоял. Хорошо бы провести сегодняшний день дома. Прийти в себя, поспать немножко, потом отправиться на долгую прогулку. Увы, это не для него. Дел сегодня по горло. И председатель фирмы ждет. Ноэль подхватил чемодан, спустился по ступенькам и отворил дверь своей квартиры.

Она называлась «квартира с садом», поскольку в глубине ее балконная дверь вела в крошечное патио – частичку большого сада, примыкавшего к дому. По вечерам патио было освещено солнцем, но в этот ранний час садик лежал в тени, а на одном из шезлонгов, свернувшись уютным клубочком, дремал соседский кот; небось сладко проспал здесь всю ночь.

Квартирка небольшая, но комнаты просторные. Гостиная и спальня, маленькая кухня и ванная. Гости, остававшиеся на ночь, спали на диване, который при необходимости раскладывался в двуспальную кровать. Приходящая прислуга миссис Маспретт, судя по всему, побывала здесь совсем недавно – квартира блестела чистотой, хотя было душно.

Ноэль распахнул балконную дверь и согнал с шезлонга кота. Затем прошел в спальню, раскрыв чемодан и вынул из него несессер. Разделся. Мятая, пропотевшая одежда так и осталась лежать кучкой на полу. Он направился в ванную, почистил зубы, принял горячий душ, побрился. Теперь он жаждал кружку черного кофе. Босой, в банном халате, он прошлепал на кухню, наполнил чайник, поставил на газ и отмерил кофе в свой французский кофейник. Аромат был восхитительный, у Ноэля даже потеплело на сердце. Пока кофе фильтровался, Ноэль собрал почту и, сев за кухонный столик, перебрал конверты. Кажется, ничего срочного. Но что это за яркая открытка с видом Гибралтара? Он перевернул ее. Опуштена она была в Лондоне, а подписана женой Хьюго Пеннингтона, старого школьного друга Ноэля. Они живут в Челси.

Ноэль!

*Пыталась тебе дозвониться, но никакого ответа. Если не сообщишь нам, что тринадцатого занят, ждем тебя к ужину. От половины седьмого до восьми. Смокинг не обязателен.
С приветом, Делия*

Ноэль вздохнул. Тринадцатого! «Если не сообщишь нам...» А впрочем, не надо будет вечером думать, где бы поесть. Да и веселее, чем смотреть телевизор. Он бросил открытку на стол, не без усилия поднялся и налил себе кофе.

Весь день Ноэль провел в офисе и за отчетами и совещаниями совсем потерял представление о том, что творится за стенами дома. Выйдя наконец в час пик на свет божий и ползя в потоке машин со скоростью змеи, страдающей тяжелой формой артрита, он обратил внимание на то, что утреннего дождя нет и в помине. Веял легкий ветерок, и майский вечер сиял свежестью. Прежняя усталость прошла, Ноэль был в том прекрасном настроении, когда все легко и ясно. О том, чтобы пораньше лечь спать, и речи быть не могло, сон был где-то далеко-далеко, как сама смерть. Вместо того чтобы залечь на боковую, Ноэль еще раз принял душ, переоделся и выпил полстаканчика виски с содовой, а потом пешком отправился в Челси. Свежий воздух и ходьба пойдут на пользу, он нагуляет аппетит, а еда, надо надеяться, его ждет вкуснейшая. Ноэль уже и не помнил, когда он в последний раз сажился за стол и ел что-то, кроме сэндвичей.

Хорошо, что он решил пройтись пешком. Ноэль не спеша шагал по тихим зеленым улицам, мимо фешенебельных особняков, по стенам которых вилась глициния, а за оградой распускала свои роскошные цветы магнолия. Выйдя на Бромптон-роуд, он перешел на другую сторону и свернул на Уолтон-стрит. Здесь Ноэль умерил шаг, то и дело останавливаясь перед изысканными витринами. В художественной галерее продавались эстампы со спортивными и охотничьими сюжетами: мчалась лисья охота, скользили по Темзе восьмерки, на картинах маслом неслись по снегу с фазаном в зубах верные лабрадоры. Он мечтал приобрести Торнбурна и долго стоял, любуясь его картиной. Может, завтра позвонить и справиться о цене... Ноэль двинулся дальше.

Когда он дошел до Овингтон-стрит, на часах было без двадцати пяти восемь. Вдоль тротуаров выстроились в ряд машины обитателей квартала, а по середине улицы гоняли на велосипедах подростки. Дом Пеннингтонов стоял в глубине квартала. Ноэль был уже почти у цели, когда на тротуаре появилась девушка, она шла ему навстречу с белым шотландским терьером на поводке. Судя по всему, к почтовому ящику, поскольку в руках держала конверт. Ноэль скользнул по ней взглядом. Синие джинсы, серый свитер и волосы цвета абрикосового джема. Невысокая и не сказать, чтобы очень тоненькая. Решительно не в его вкусе. И все же, когда она прошла мимо, он оглянулся: что-то в ней было знакомое, но где он мог ее встречать? Может, на какой-то вечеринке? Волосы у нее, конечно, приметные.

Прогулка все же несколько утомила его, и очень хотелось пить. Вот сейчас он и попьет. Ноэль забыл о девушке, поднялся по ступенькам, нажал кнопку звонка и взялся за ручку двери с готовым приветствием на устах: «Привет, Делия! Вот и я».

Но дверь не открылась. Странно. Делия знает, что он вот-вот явится, обычно она оставляла дверь на задвижке. Ноэль снова позвонил. И подождал.

Тишина. Они должны быть там, говорил себе Ноэль, но уже знал, что никто не отзовется на звонок, что Пеннингтонов, чтоб им пусто было, нет дома.

– Послушайте...

Ноэль отвернулся от негостеприимной двери. Внизу, на тротуаре, стояла та самая девушка с собакой, они возвращались от почтового ящика.

– Да?

– Вы к Пеннингтонам?

- Они пригласили меня к ужину.
- Но их нет. Я видела, как они уезжали.

Ноэль хмуро молчал. Подтвердилось то, что он уже и сам знал. В дурацкое он попал положение, ничего не скажешь. Настроение у него стало преотвратное, и его раздражение неизбежно обратилось на девушку. Обычная история, когда тебе сообщают что-нибудь неприятное. Наверное, средневековым гонцам приходилось несладко, подумал он. Того гляди лишишься головы или тебя засунут вместо ядра в какую-нибудь чудовищную катапульту.

Хоть бы она ушла поскорее. Но девушка не уходила. «А, чтоб тебя!» – мысленно выругался Ноэль. Потом, смирившись, сунул руки в карманы и спустился к ней.

- Ужасно глупо, когда такое случается, – сочувственно сказала она.
- Понять не могу, в чем дело.
- Еще хуже, когда приходишь не в тот вечер и оказывается, что хозяева вовсе тебя не ждут, – бодрым тоном продолжала девушка, как видно решив его утешить. – Однажды я так и пришла, ужасно было неловко. Перепутала дни.

Ноэля это не смягчило.

- Вы, наверное, думаете, что и я перепутал дни? – сухо спросил он.
- Так часто бывает.
- Но не на сей раз. Я только сегодня утром получил открытку. Тринадцатого.
- Но сегодня двенадцатое, – сказала она.
- Нет, – твердо ответил он. – Сегодня тринадцатое.
- Прошу прощения, но сегодня все-таки двенадцатое. Четверг, двенадцатое мая. – В голосе ее звучало глубочайшее сожаление, как будто именно она была повинна во всей этой путанице. – Тринадцатое завтра.

Он не сразу сообразил. Ну да, вторник, среда... Боже мой, она права! Дни набегали один на другой, и в какой-то момент он сбился со счета. Вот глупость! Он так растерялся, что пустился вдруг в объяснения:

- Понимаете, у меня были очень трудные дни, работал как сумасшедший. И эти перелеты... Я был в Нью-Йорке. Вернулся сегодня утром. Джетлаг² – страшная штука, в голове все сместилось.

Она сочувственно смотрела на него. Пес обнюхал брючину Ноэля, и тот предусмотрительно шагнул в сторону – как бы песик не надумал совершить что-то еще. Волосы девушки в вечернем солнечном свете были потрясающие. Глаза серые с зелеными крапинками, нежная кожа и румянец во всю щеку.

Где-то он ее видел... Ноэль сосредоточенно сдвинул брови:

- Мы не встречались с вами раньше?

Она улыбнулась:

- Встречались. С полгода назад. На коктейле у Хатуэйев, на Линкольн-стрит. Но там была уйма народу, вряд ли вы могли меня запомнить.

Нет, он не помнил. Она была не из тех девушек, которых он замечал и за которыми склонен был приударить или просто поболтать с ними. К тому же на тот коктейль он пришел с Ванессой и занимался тем, что ходил за ней по пятам, чтобы она не улизнула ужинать с кем-нибудь другим.

- Ах вот как! Приношу извинения. Как мило с вашей стороны, что вы меня запомнили.
- На самом-то деле мы встречались дважды. Вы ведь работаете в фирме «Уэнборн и Уайнбург», не так ли? Месяца полтора назад я готовила для них ланч. Но наверное, вы меня даже не заметили: я была в белом халате и разносила подносы с закусками. Никто не смотрит на поваров и официанток. Признаться, чувствуешь себя странно – словно ты невидимка.

² Джетлаг – нарушение суточного ритма организма, связанное с перелетом через несколько часовых поясов.

Совершенно точное наблюдение. Еще больше смягчившись, он спросил, как ее зовут.

– Алекса Эрд.

– А я Ноэль Килинг.

– Ваше имя я знаю. Запомнила еще с коктейля у Хатуэйев, а на ланче я раскладывала карточки с именами.

Ноэль постарался припомнить этот ланч. Еда была превосходная: копченая семга, отлично зажаренное филе, кресс-салат и лимонное мороженое. Он сглотнул слюну. И почувствовал, что зверски голоден.

– На кого же вы работаете?

– Ни на кого, сама по себе. Свободный художник.

В голосе ее слышались горделивые нотки. Ноэль надеялся, что она не пустится сейчас в подробный рассказ о своей карьере, – он бы не выдержал. Ему хотелось есть, но еще больше – пить. Надо немедленно найти какой-то предлог, извиниться и избавиться от нее. Он уже открыл рот, но Алекса опередила его:

– А не хотите ли чего-нибудь выпить вместе со мной?...

Приглашение было столь неожиданным, что Ноэль ответил не сразу. Он взглянул на Алексу, встретил ее смятенный взгляд и понял, что на самом-то деле она ужасно застенчива и ей стоило немалых усилий отважиться на такое предложение. Да и не ясно было, куда она его приглашает – в ближайший бар или в какую-то чердачную комнатенку, где она обитает со своими подругами, одна из которых наверняка только что помыла голову.

Как бы не напороться на какую-нибудь чушь... Он был осторожен.

– И куда же вы меня зовете?

– Я живу через два дома от Пеннингтонов. А судя по вашему виду, хороший коктейль вам не повредит.

Ноэль перестал осторожничать.

– Не повредит, – согласился он. – Хуже нет, чем явиться не вовремя, да еще знать, что ты сам в этом и виноват.

Не самый тактичный ответ, но она не обратила внимания.

– Вы очень добры, – поспешил поправиться он. – Спасибо за приглашение.

3

Дом был очень похож на дом Пеннингтонов, только парадная дверь не черная, а темно-синяя, и сбоку в кадке рос благородный лавр. Алекса отперла дверь, и Ноэль вошел в прихожую. Алекса нагнулась отстегнуть поводок у пса, который тут же принялся жадно лакать воду из круглой миски, что стояла у самой двери. На миске была надпись: «Для собак».

– Установил себе ритуал – сразу бросается пить. Верно, ему кажется, что он ужасно долго гулял.

– Как его зовут?

– Ларри.

Пес шумно лакал воду, заполняя тишину; Ноэль же, быть может, впервые в жизни не знал, что сказать, – он был застигнут врасплох. Неизвестно, чего он ожидал, но наверняка не того, что увидел. Все здесь свидетельствовало о спокойном достатке и хорошем вкусе хозяев. Богатый лондонский дом, хотя и небольшой. Узкий коридор, крутая лестница, отполированные до блеска перила. Медово-золотистые ковры на полу и на стене, пристенный антикварный столик, на котором стояла цветущая розовая азалия, овальное зеркало в резной раме. Но что поразило его больше всего, так это запах. Запах, от которого защемило сердце – такой знакомый! – полировки, яблок и, похоже, свежесваренного кофе. И еще, быть может, засушенных лепестков роз. Аромат юности, пробуждавший ностальгию, запах дома, который мать создала для своих детей.

Но кто встревожил его память? Кто она – эта Алекса Эрд? Можно бы завести легкий разговор и выяснить это, но с чего начать? Ноэлю ничего не приходило в голову. И, может, к лучшему. Посмотрим, что обнаружится дальше, вполне возможно, что Алекса снимает тут всего лишь спальню-гостиную или крохотную квартиру под самой крышей. Но вот она положила собачий поводок на столик и любезным тоном хозяйки пригласила его в комнату, куда вела открытая дверь:

– Входите, пожалуйста...

Дом и правда был двойником пеннингтоновского, но куда красивее и богаче. Длинная узкая комната тянулась от передней его стены до задней. В той части, которая выходила на улицу, была гостиная – скорее, это можно было назвать салоном, такая дорогая и солидная стояла тут мебель; вторая половина служила столовой. Отсюда дверь выходила на балкон с коваными железными перилами, на полу стояли керамические горшки с цветущими маргаритками.

Обшивка, гардины, ковры – все было выдержано в золотистых и красноватых тонах. Гардины свисали тяжелыми складками, на диванах и стульях чехлы из вошеного ситца в деревенском стиле, на диванах подушки с ручной вышивкой. Ниши украшал сине-белый фарфор, пузатое бюро было раскрыто, стопка писем и бумаг свидетельствовала о деловитости его хозяйки.

Элегантно, респектабельно – и все это никак не вязалось с самой обыкновенной и не столь уж привлекательной девицей в джинсах и свитере.

Ноэль кашлянул.

– Какая очаровательная комната, – сказал он.

– Да, красивая. Рада, что вам нравится. Однако представляю, как вы устали. Джетлаг – это убийца. Мой отец не выносит ночных полетов и летает из Нью-Йорка только на «конкордах».

На собственной территории она чувствовала себя более уверенно и уже не казалась слишком застенчивой.

– Мне уже лучше, спасибо.

– Что будете пить?

– Виски у вас найдется?

– Конечно. Что предпочитаете – «Граус» или «Хейг»?

Вот это удача!

– «Граус»!

– Со льдом?

– Если есть...

– Я спущусь за ним на кухню. Если вы не в силах ждать, прошу вас... вон там стаканы и все остальное. Я сию минуту вернусь...

Он услышал, как она сказала что-то песику и легко сбежала по лестнице вниз. В доме стояла тишина. Похоже, собака отправилась следом за хозяйкой. Сейчас он нальет себе виски. Бутылки и графины стояли на серванте такой красоты, что невозможно было не позавидовать его владельцу.

Над сервантом висели очень недурные картины – все те же мирные пейзажи и сельские домики на фоне зеленых лесов. Взгляд Ноэля остановился на серебряном фазане в центре овального стола и прекрасных грузинских серебряных подносах. Он подошел к окну и заглянул вниз – небольшой мощеный внутренний дворик, по кирпичной стене выются розы, высокая клумба с поздними желтофиолями. Белый кованый железный столик и такие же четыре стула, и сразу представляется летний вечер – ужин под открытым небом, прохладное вино.

Да, надо скорее выпить. На серванте ровным рядом стояли шесть стаканов. Ноэль взял бутылку «Грауса», налил в стакан, добавил содовой и возвратился в другой конец комнаты. Точно любопытный кот, он продолжал обследовать территорию. Отодвинул тюлевую занавеску, бросил взгляд на улицу, потом шагнул к книжному шкафу и стал читать названия книг. Кто же все-таки хозяин этого восхитительного дома? Романы, биографии, книги по садоводству... вот еще одна – как выращивать розы.

Надо поразмыслить... Сопоставив одно с другим, Ноэль пришел к совершенно определенному выводу: дом на Овингтон-стрит принадлежит родителям Алексы. Отец занимается каким-то бизнесом – судя по тому, что летает на «Конкорде», довольно престижным, настолько престижным, что может позволить себе брать в поездки жену. В данный момент они в Нью-Йорке. Когда все дела будут сделаны и конференция закончится, они, надо полагать, слетают на недельку на Барбадос или на Виргинские острова понежиться под солнцем и восстановить силы... Все встало на свои места.

Ну а Алекса, куда их нет, смотрит за домом, чтобы не залезли воры. Теперь ясно, почему она в доме одна и так щедра по части виски – оно отцовское. Когда родители возвратятся – загорелые, с кучей подарков, – Алекса вернется в свою хижину, в квартиру, которую она делит с подругой, либо в коттедж в Уондсуорт или в Клэпем.

Любопытство Ноэля было отчасти удовлетворено, и он продолжал осмотр. Сине-белый фарфор оказался дрезденским. Возле одного из кресел стояла корзинка с клубками яркой шерсти и начатым гобеленом. На бюро фотографии. Свадьбы, дамы с младенцами на руках, пикники с расставленными на скатерти термосами и сидящими сбоку собаками. Ни одного знакомого лица. Одна из фотографий привлекла его внимание, и он взял ее, чтобы рассмотреть поближе. Большой дом в эдвардианском стиле, сплошь увитый зеленью. Оранжерея по одну сторону, высокие окна в переплетах и мансардные окошки под крышей. Широкие ступени ведут к парадной двери, она распахнута, и два охотничьих спаниеля послушно позируют фотографу. За домом зимние деревья, церковный шпиль, а еще дальше – крутой холм. Родовое загородное поместье.

Она возвращалась. Он услышал ее легкие шаги по ступенькам, осторожно поставил фотографию на место и повернулся к двери. В руках у Алексы был поднос, на котором стояли ведерко со льдом, бокал, открытая бутылка белого вина и тарелка с солеными орешками.

– Отлично, вы уже выпили. – Она поставила поднос на столик за диваном, отодвинув стопку лежавших там журналов. Верный терьер уселся у ее ног. – К сожалению, кроме орешков, ничего не нашлось.

– А больше в данную минуту мне ничего и не надо. – Ноэль поднял бокал.

– Бедняжка! – Она бросила в его бокал кубики льда.

– Я все никак не могу поверить, что оказался полным идиотом – так все перепутать! – сказал он.

Алекса налила себе вина:

– Зря вы себя корите. Со всяким может случиться. Лучше попробуйте повернуть все это иначе: завтра вас ждет приятный вечер, а за ночь вы хорошо отдохнете и будете в прекрасной форме. Но почему вы стоите? Вот это кресло самое удобное.

Оно и правда было удобным. Какое блаженство! Наконец-то он вытянул свои уставшие ноги и, утонув в мягких подушках, поднес бокал ко рту. Алекса села в кресло напротив него, спиной к окну. Ларри немедленно вскочил к ней на колени, свернулся клубочком и закрыл глаза.

– Вы долго пробыли в Нью-Йорке?

– Три дня.

– Любите туда летать?

– В общем-то, да, но возвращаюсь всегда совершенно измученный.

– А что вы там делаете?

Он рассказал о «Седле и стремях» и Харви Клейне.

– У меня есть их ремень, отец привез в прошлом году. Очень красивый, плотный и мягкий.

– Ну вот, скоро вы сможете покупать такие и в Лондоне, если вас не остановит цена.

– А кто будет их рекламировать?

– Это моя работа. Я директор рекламного отдела.

– Звучит внушительно. И наверное, это у вас хорошо получается. Вам нравится ваша работа?

Ноэль подумал:

– Надо полагать, она не получалась бы, если бы не нравилась.

– Как это верно! Ничего нет хуже, чем не любить свою работу.

– А вам нравится готовить?

– Очень. Я ужасно люблю готовить. И слава богу, потому что только это и умею. В школе я, увы, не блистала. Кое-как сдала экзамены. Отец настаивал, чтобы я пошла в секретари или окончила курсы дизайнеров, но в конце концов я убедила его, что это будет абсолютно бесполезная трата времени и денег, и он позволил мне стать поварихой.

– Вы прошли какой-то курс?

– Да, я могу приготовить что угодно. Самые экзотические блюда.

– Работаете самостоятельно?

– Начинала с агентства. Потом мы стали работать парами, но одной интереснее. У меня теперь собственный небольшой бизнес: не только директорские ланчи, но и званые обеды в частных домах, свадебные приемы, иногда я просто заполняю едой чей-то холодильник. У меня мини-фургончик, и я на нем разъезжаю.

– Вы готовите здесь?

– Большую часть блюд. Сложнее всего частные обеды, потому что тогда приходится готовить на чужой кухне, а там, как в потемках, никогда не знаешь, где что лежит. Мои острые ножи я всегда вожу с собой.

– Звучит страшновато!

Она рассмеялась:

– Чтобы резать овощи, а не гостей, конечно. Ваш бокал пуст. Хотите еще?

Оказывается, он допил виски и не прочь был повторить, но встать не успел – Алекса опередила его. Осторожно спустив Ларри на пол, она взяла у Ноэля стакан и пошла к серванту. Звякнул стакан, плеснулась содовая. Мирные, успокоительные звуки. Вечерний ветерок шевелил тюлевые занавески на раскрытых окнах. На улице завелась и отъехала машина, юных велосипедистов, как видно, уже позвали домой и уложили в постель. Неудавшийся обед отступил куда-то в прошлое и уже не имел никакого значения. Ноэль чувствовал себя как путник, который долго плелся по безводной пустыне и вдруг совершенно неожиданно очутился в цветущем, окаймленном пальмами оазисе.

В его руку снова скользнул прохладный бокал.

– Мне всегда очень нравилась ваша улица, по-моему, она одна из самых приятных в Лондоне.

Алекса вернулась в свое кресло и уютно устроилась в нем, поджав под себя ноги.

– А где живете вы?

– В Пембрук-Гардене.

– Тоже приятный район. Вы живете один?

Вопрос прозвучал несколько неожиданно, но Ноэля позабавила прямота его собеседницы. Она, очевидно, помнит прием у Хатуэйев и его упорное ухаживание за ослепительной Ванессой.

– Большую часть времени, – с улыбкой ответил он.

Уклончивость ответа прошла мимо ее внимания.

– У вас там квартира? – продолжала она.

– Да, в цокольном этаже. Солнца там мало, но я провожу в ней не так-то много времени.

На уик-энды стараюсь уезжать из Лондона.

– У вас есть загородный дом?

– Нет, но зато есть удобные друзья.

– А братья и сестры?

– Две сестры. Одна живет в Лондоне, другая в Глостершире.

– Наверное, вы гостите у той, что в Глостершире?

– Нет, если только это не какое-то особое событие.

«Пожалуй, достаточно вопросов с ее стороны, – решил Ноэль, – пора меняться ролями».

– А вы на уик-энды ездите домой?

– Нет, чаще всего работаю. Люди предпочитают давать ужины в субботу вечером, а обеды в воскресенье. Да и вряд ли стоит ехать в Шотландию всего лишь на уик-энд.

– Вы имеете в виду... Вы живете в Шотландии?

– Нет. Я живу здесь. Но моя семья живет в Релкиркшире.

Я живу здесь. Ноэль смолк. Собственно, он всего лишь строил догадки. Неужели пошел по ложному следу?

– Я думал, ваш отец... понимаете, мне показалось...

– Он работает в Эдинбурге, в «Сэнфорд Каббен». Директор их шотландского отделения.

«Сэнфорд Каббен» – крупнейшая международная трастовая компания. Ноэль отверг прежнюю версию.

– Понимаю. А я-то решил, что он работает в Лондоне.

– И улетел в Нью-Йорк? Он летает по всему миру – в Токио, Гонконг. Его очень часто нет дома.

– Вы с ним редко видитесь?

– Только когда он проезжает через Лондон. В этом доме он не останавливается – у компании есть квартира, но он всегда звонит и, если позволяет время, приглашает пообедать с ним

в «Конноте» или в «Кларидже». Для меня это всегда большое событие – приобретаю там уйму знаний по части всяких деликатесов.

– Что ж, и ради этого стоит сходить в «Кларидж».

Здесь он не останавливается...

– Но в таком случае кто же владелец этого дома?

Алекса безмятежно улыбнулась.

– Я! – сказала она.

– Вы?... – Ноэль не мог сдержать удивления. Ларри успел снова забраться к ней на колени. Алекса поглаживала его по голове. – И давно вы тут живете?

– Скоро пять лет. Это был дом моей бабушки. Матери моей мамы. Мы с бабушкой были большие друзья. Половину моих школьных каникул я проводила с ней. К тому времени, как я приехала в Лондон учиться на кулинарных курсах, умер дед и она жила одна, поэтому я поселилась у нее. А потом, в прошлом году, умерла и она и оставила дом мне.

– Наверное, она вас очень любила...

– Я ее обожала. Мои были не очень-то довольны – я имею в виду, когда я поселилась у нее. Папа это не одобрил. Бабушку он тоже очень любил, но считал, что я должна начать самостоятельную жизнь. Завести себе друзей моего возраста, снять квартиру вместе с какой-нибудь подружкой. Но я вовсе не рвалась к самостоятельности. Я ужасно ленивая, а бабушка Черитон... – она осеклась и посмотрела на Ноэля, который смотрел на нее. Он ничего не сказал, и она продолжала рассказывать все тем же непринужденным, легким тоном, – ...с каждым годом все старела, было бы жестоко бросить ее.

Она смолкла. Только тогда Ноэль переспросил:

– Черитон?

Алекса вздохнула:

– Да. – Голос ее звучал так обреченно, что можно было подумать, она признается в тяжком преступлении.

– Редкая фамилия.

– Да.

– И довольно известная.

– Да.

– Сэр Родни Черитон?...

– Это мой дедушка. Я не намеревалась сообщать вам, это выскользнуло случайно.

Так вот в чем дело! Загадка разрешилась. Все нашло объяснение: деньги, богатый дом, мебель, картины... Сэр Черитон, ныне покойный, был основателем финансовой империи, раскинувшей свои владения по всему миру; в шестидесятые и семидесятые годы его имя не сходило со страниц «Файненшл таймс». Значит, дом этот был домом леди Черитон, а симпатичная маленькая кулинарка, точно школьница уютно устроившаяся в кресле напротив, ее внучка.

Ноэль не мог скрыть своего изумления:

– Кто бы мог подумать!

– Обычно я не сообщаю людям, кто мой дед. Никакой особой гордости за него я не испытываю.

– Но вы должны испытывать! Он был финансовый гений.

– Это вовсе не значит, что я не люблю его. Он был всегда добр ко мне. Но все эти банки и компании, которые сливались и становились все больше и больше... Я бы предпочла, чтобы они становились все меньше и меньше. Я люблю маленькие лавочки на углу, где мясник называет тебя по имени. Мне не по себе от мысли, что людей заглатывают какие-то чудовища – их уже просто не видно или их выбрасывают на улицу.

– Но вряд ли мы можем вернуться в прошлое.

– Это я понимаю. Мой отец говорит то же самое. Но у меня сердце разрывается, когда сносят целый ряд нормальных человеческих домов и вместо них вздымается ввысь еще одна кошмарная административная громада с черными окнами, словно гигантский инкубатор. Потому я и люблю Шотландию. Страткрой, деревня, в которой мы живем, совсем не меняется. Ну разве что миссис Мактагарт решила, что больше уже не может стоять за прилавком, и удалилась на покой и ее лавочку купила пакистанская семья. Их фамилия Ишхак, очень славные люди, женщины у них одеваются в красивые яркие шелка. А вы были когда-нибудь в Шотландии?

– В Сазерленде, рыбачил на Ойкеле.

– Хотите посмотреть на наш дом?

Он не признался, что уже хорошо его рассмотрел.

– Хочу.

Алекса в очередной раз спустила пса на пол и встала. Ларри с недовольным видом уселся на каминном коврик – ему явно надоели эти вставания. Алекса взяла фотографию и вручила ее Ноэлю.

Выдержав приличную паузу, он сказал:

– Красивый дом. Наверное, в нем очень приятно жить.

– Вы угадали. А это спаниели моего отца.

– Как фамилия вашего отца?

– Эрд. Эдмунд Эрд.

Алекса поставила фотографию на место. Взгляд ее скользнул по циферблату золотых часов, стоявших посередине каминной полки.

– Однако уже девятый час.

– Боже мой! – Ноэль сверился со своими часами. – Да, верно. Мне пора идти.

– А надо ли вам уходить? Я хочу сказать – я могу что-нибудь приготовить и накормить вас ужином.

Против такого предложения трудно было устоять. Ноэль из вежливости начал было отказываться, но в голосе его не было твердости.

– Могу поручиться – дома у вас никакой еды нет. Вы ведь только что прилетели из Нью-Йорка. А для меня приготовить что-нибудь вкусное – одно удовольствие.

По выражению лица Алексы Ноэль понял, что ей хочется, чтобы он остался. Да и у него уже давно сосало под ложечкой.

– У меня в запасе отбивные из молодого барашка.

Это решило дело.

– Что может быть вкуснее бараньих отбивных! – сказал Ноэль.

Алекса просияла:

– Прекрасно! Я не простила бы себе, если бы вы ушли от меня с пустым желудком, – вот так гостеприимная хозяйка! Посидите здесь или пойдете со мной на кухню и посмотрите, как я готовлю?

Если он не встанет с этого кресла, то уснет. К тому же ему хотелось разглядеть дом во всех подробностях. Ноэль поднялся с кресла:

– Пойду посмотрю, как вы колдуете.

Кухню Алексы он представлял себе заранее: не ультрасовременная, нет, но очень уютная, с какими-то неожиданными вещами. Кажется, что ее не планировали заранее, она сама собой обустроилась с годами. Пол выложен плиткой, но в двух-трех местах постелены циновки; светлые буфеты из простого дерева. Под окном, в которое виднеются кусочек улицы и ступеньки крыльца, – широкая фаянсовая раковина. Стена за ней выложена сине-белым кафелем, и такой же кафель в простенке между буфетами. Свидетельства профессии хозяйки были налицо: шеренга медных кастрюль, внушительная разделочная доска, выдвижная мраморная,

для раскатывания теста. Пучки трав, подвешенные к полкам, вязанки лука и свежая петрушка в кружке дополняли картину.

Алекса надела поверх толстого свитера большой синий с белой каемкой фартук, как у мясника, завязала сзади тесемки и стала совсем бесформенной, только обтянутая синими джинсами попка выглядывала из-под фартука.

Ноэль спросил, не потребуется ли его помощь.

– В общем-то, нет. – Она уже включила гриль. – Разве что откупорите бутылку вина. Вы будете пить вино?

– А где оно стоит?

– Вон там... – она повела головой, руки были заняты, – бутылки стоят на полу. Холодной кладовки у меня нет, за морозильником самое холодное место.

Ноэль отправился вглубь кухни. Там под арочным сводом было подсобное помещение. Чем оно служило раньше, неизвестно, вполне возможно, небольшой буфетной, но сейчас здесь стояло несколько сияющих белизной электроприборов: посудомоечная машина, стиральная машина, высокий холодильник и большая морозильная камера. Наполовину застекленная дверь в задней стене вела в садик. Возле двери стояли пара резиновых сапог и длинный деревянный ящик с садовым инвентарем, на крюке висели старый плащ и выгоревшая шляпа. Точно в деревенском доме.

Ноэль нашел за морозильником стеллаж с винами и, присев на корточки, подробно его рассмотрел. Неплохой подбор. Он взял бутылку божоле и вернулся на кухню.

– Как вы отнесетесь к этому?

Алекса взглянула на бутылку:

– Отлично. Достаточно выдержанное. Штопор в ящике буфета. Если вы откупорите его сейчас, оно успеет надышаться.

Ноэль нашел штопор и вытащил пробку. Она вышла мягко и чисто, и он поставил открытую бутылку на стол. Больше делать ему было нечего, он сел к столу и взялся за свой стакан с виски – он его еще не допил.

Алекса вынула из холодильника отбивные, подобрала все нужное для салата, достала батон хлеба. Отбивные она уложила на решетку гриля, взяла кувшинчик с соусом. Все это она проделывала ловко, не затрачивая особых усилий. «Она мастер своего дела, поэтому так легки и уверенны ее движения», – подумал Ноэль.

– У вас вид заправского повара, – сказал он.

– А я и есть заправский повар.

– И садовод вы такой же?

– Почему вы спросили?

– Заметил садовые принадлежности у двери в садик.

– Сад я люблю, но он такой маленький, что садоводом меня не назовешь. А вот в Балнеде сад огромный, там всегда дел хватает.

– В Балнеде?

– Так называется наш дом в Шотландии.

– Моя мать была просто одержима садом, – неожиданно для себя сообщил Ноэль. Обычно, если ему не задавали прямых вопросов, он не рассказывал о матери. – Беспрестанно что-то вскапывала, возила навоз в тачке.

– А теперь она уже не занимается садом?

– Она умерла. Четыре года назад.

– Ах, примите мои соболезнования. А где у нее был сад?

– В Глостершире. Она купила там дом и два акра заросшей бурьяном земли. К тому времени, когда она умерла, пустошь эта преобразилась. Сад был такой замечательный, что не стыдно было демонстрировать его гостям...

Алекса заулыбалась. Отбивные жарились, хлеб и тарелки подогревались.

– Мне кажется, ваша мама очень похожа на мою вторую бабушку, Ви. Она живет в Страт-
крое. Вообще-то, она Вайолет, но все мы зовем ее Ви. Моя мама тоже умерла. Погибла в авто-
мобильной аварии, когда мне было шесть лет.

– Теперь моя очередь выражать соболезнования.

– Я ее не забыла, конечно. Но в памяти остались лишь какие-то отдельные картины. Помню, как она приходила поцеловать меня на ночь, перед тем как уйти в гости. Какие-то воздушные наряды, меха и чудный аромат духов.

– Так рано потерять мать...

– Но все в моей жизни наладилось, могло получиться гораздо хуже. У меня была заме-
чательная няня, Эди Финдхорн. Когда мама погибла, мы уехали в Шотландию и я жила у Ви,
в Балнеде. Мне, можно сказать, повезло.

– Отец снова женился?

– Да. Десять лет тому назад. Его жену зовут Вирджиния. Она намного его моложе.

– Злая мачеха?

– Вовсе нет, она очень милая. Мне она как сестра. И очень красивая. И у меня теперь
есть брат Генри. Ему уже почти восемь.

Алекса занялась салатом. Острым ножом что-то резала на полоски и рубила на кусочки.
Ноэль смотрел на ее руки, загорелые, ловкие, ногти коротко острижены, без маникюра. Что-то
было в них надежное, в этих руках. Он стал припоминать, когда в последний раз сидел вот так
на кухне, голодный, в предвкушении вкусного ужина и вина, мирно наблюдая, как женщина
готовит для него еду, – и не припомнил.

Дело в том, что его никогда не привлекали женщины, которые любят хозяйничать. Его
подружками обычно были манекенщицы или молодые актрисы с большими амбициями, но с
пустой головой. Внешне они были похожи одна на другую: Ноэль любил девушек молодень-
ких, тоненьких, с маленькой грудью и длинными ногами. Ему было с ними весело, не говоря
уж о любовных утехах, но в доме от них не было никакого проку. К тому же почти все они,
даже самые тоненькие, соблюдали диету и, хотя в ресторане пожирали одно за другим доро-
гие блюда, у себя в квартире или у Ноэля не давали себе труда приготовить хотя бы самую
простую закуску, им это было неинтересно. «Ах, милый, это такая скука! Да я и не голодна.
Давай съедем по яблоку».

Время от времени в жизни Ноэля появлялась девица, которая решала провести остаток
жизни только с ним одним. И тогда она старалась вовсю, может быть, даже слишком. Обеды
наедине при свете газового камина, уик-энды с охотой и рыбалкой. Однако Ноэля хватало
ненадолго – свободу он ценил превыше всего, а потому давал задний ход, и очередная вос-
пылавшая к нему нежными чувствами девица после мучительного периода безуспешных теле-
фонных звонков и слезных обвинений находила себе другого поклонника и выходила замуж
за него. Так Ноэль достиг тридцати четырех лет и все еще оставался холостяком. А вот кто
же он – победитель или проигравший? Сейчас, сидя над пустым стаканом, он не смог бы на
это ответить.

Алекса заправляла салат: превосходное зеленое оливковое масло, немного винного
уксуса, какие-то травки. От их аромата у Ноэля слюнки потекли. Покончив с салатом, она
начала накрывать на стол: скатерть в красную клетку, рюмки, солонка, деревянные мельнички
для перца, керамическая масленка. Достав из буфета вилки и ножи, она дала их Ноэлю, а он
разложил по местам. Настало время разливать вино, что Ноэль и сделал.

Алекса, все еще в фартуке, в бесформенном свитере, с раскрасневшимися щеками, под-
няла свой бокал.

– За «Седло и стремя»! – сказала она.

Почему-то это его растрогало:

– И за вас, Алекса. Спасибо.

Предвкушения голодного Ноэля сбылись – еда была без затей, но превосходная. Сочные, мягкие отбивные, свежайший салат, теплый хлеб, соус, приправы, и все это запивалось отличным вином. Урчание у него в желудке прекратилось, он почувствовал себя куда лучше.

– Не помню, когда я так вкусно ел.

– Самая обыкновенная еда.

– Но как приготовлена! – Ноэль положил себе еще салата. – Дайте мне знать, когда вам понадобятся рекомендации.

– А для себя самого вы когда-нибудь готовите?

– Не умею. Яичницу с беконом еще могу поджарить, а так покупаю всякие гастрономические изыски от «Маркс энд Спенсер» и разогреваю на плите. Когда эти изыски уже в горло не идут, провожу вечер с моей сестрой Оливией, которая живет в Лондоне. Но она столь же беспомощна на кухне, сколь и я, и мы обычно ограничиваемся тем, что едим нечто экзотическое – перепелиные яйца или икру. Вкусно, конечно, но не очень-то ими насытишься.

– Ваша сестра замужем?

– Нет. Она – деловая женщина.

– И чем же она занимается?

– Она главный редактор журнала «Венера».

– Ого! – Алекса улыбнулась. – Какие у нас с вами знатные родственники.

Поглотив все, что было на столе, Ноэль не отказался от сыра и белого винограда. Они допили остаток вина, и Алекса предложила кофе.

За окном в синеватых сумерках зажглись уличные фонари. Их свет проникал на кухню, но тени все сгущались. Ноэль не мог справиться с зевотой и извинился.

– Вот видите, доказательство, что мне уже пора домой, налицо.

– Только сначала выпейте кофе. Вам ведь надо продержаться на ногах, пока вы не доберетесь до постели. Знаете что, поднимайтесь-ка наверх и устраивайтесь там поудобнее. Я принесу кофе, а потом вызову такси.

«Да, пожалуй, так будет лучше всего», – подумал Ноэль.

– Хорошо, – согласился он.

Но даже выговорить одно это слово оказалось делом нелегким. Он чувствовал, с каким трудом шевельнулся язык и нужным образом сложились губы. Либо он перепил, либо просто валится с ног от усталости, ведь почти не спал со вчерашнего дня. Кофе – это хорошо. Ноэль оперся руками о стол и встал. Подняться по кухонной лестнице и дойти до гостиной было тяжелым испытанием. Он то и дело спотыкался, но все же удержал равновесие и не шлепнулся.

Наверху его ждали тихие сумерки гостиной. Полоски света, проникавшего с улицы, ложились на каминную решетку, сверкали огоньками на подвесках большой люстры. Жаль было нарушать этот сумеречный покой, и Ноэль не повернул выключатель. В кресле, где он прежде сидел, спал пес. Ноэль опустился на диван. Пес проснулся, поднял голову и поглядел на Ноэля, а тот уставился на него. Пес раздвоился и превратился в двух псов. «Я пьян, – решил Ноэль, – и не спал целую вечность. Но сейчас засыпать нельзя. Сейчас я не сплю», – заверил он себя.

Он и не спал, а дремал. Спал и бодрствовал одновременно. Мерно гудели моторы, он летел над Атлантикой, в кресле рядом с ним мирно похрапывал сосед, его начальник приказывал ему отправиться в Эдинбург и продать кожаные изделия человеку по имени Эдмунд Эрд. Слышались чьи-то голоса, кто-то звал кого-то, на улице мальчишки гоняли на велосипедах. Нет, это была не улица, а чей-то сад. Тесная комнатуха под островерхой крышей, он смотрит в маленькое оконце. К стеклу приникла веточка жимолости. Его бывшая комната в доме матери в Глостершире. Внизу на лужайке идет игра. Дети и взрослые играют в крокет.

А может, в лапту? Или в бейсбол? Но вот они поглядели наверх и увидели его лицо за стеклом. «Спускайся! – кричат они ему. – Иди к нам!» Ему приятно, что его зовут. До чего же хорошо быть дома! Он выходит из своей комнатки, спускается по лестнице в сад, но игра уже кончилась и все куда-то исчезли. Ну и ладно, его это несколько не огорчает. Он растянулся на траве и смотрит в ясное голубое небо. Все хорошо, ничего плохого не случилось, ничего не произошло. Он один, но скоро кто-нибудь сюда придет. Он может подождать.

Но что это за звук?... Тикают часы. Ноэль открыл глаза. Уже не светят уличные фонари, темнота рассеялась. Это не сад и не дом его матери, а какая-то незнакомая комната. Где он? Он лежит на диване, накрытый пледом. Бахрома пледа щекотала подбородок, и он откинул плед в сторону. Взглянув вверх, он увидел хрустальные подвески люстры и только тогда все вспомнил. Он повернул голову: в кресле у окна сидела девушка, в утреннем свете, проникавшем через незашторенное окно, рыжели ее волосы. Он пошевелился. Девушка молчала. Тогда он позвал:

– Алекса!

– Да... – Она проснулась.

– Который теперь час?

– Немного больше семи.

– Семи утра?

– Да.

– Выходит, я проспал здесь всю ночь? – Ноэль повернулся, вытянул свои длинные ноги.

– Когда я принесла кофе, вы уже спали. Хотела разбудить вас, но потом решила, что не стоит.

Ноэль поморгал, чтобы проснуться окончательно. Джинсы и свитер Алекса сменила на белый махровый халат, сверху накинула плед, из-под него торчали ее босые ноги.

– Вы провели тут всю ночь?

– Угу.

– Надо было вам нормально лечь в постель.

– Не хотелось оставлять вас здесь одного. Я подумала: вы проснетесь и решите, что вам надо немедленно уходить, а найти такси ночью довольно трудно. Я даже постелила вам постель в комнате для гостей, но потом решила: лучше не будить.

Сон еще стоял у него перед глазами. Он лежал на траве в саду, в Глостершире. Кто-то шел к нему, он чувствовал это, знал. Не мать – Пенелопа умерла. Кто-то другой. Потом сон померк и осталась одна Алекса.

К своему удивлению, чувствовал он себя прекрасно: бодрым, полным сил.

– Давно пора мне двигаться домой, – решительно заявил он.

– Вызвать такси?

– Нет, пройду пешком. Это полезно – прогуляться поутру.

– Да, утро чудесное. Может быть, сначала легкий завтрак?

– Спасибо, не хочу, вы меня так замечательно накормили вчера.

Он откинул плед и сел, провел пятерней по волосам. Алекса не предприняла никаких попыток задержать его. Она проводила его по коридору и растворила дверь в жемчужное майское утро. Вдалеке уже слышался шум городского транспорта, но на дереве пела птица, воздух был чист и прозрачен. Ноэлю почудилось, что пахнет сиренью.

– До свидания, Ноэль.

Он обернулся.

– Я позвоню вам, – сказал он.

– Это вовсе не обязательно.

– Вы так считаете?

– Не думайте, что вы чем-то мне обязаны.

– Вы очень славная. – Ноэль наклонился и поцеловал Алексу в персиковую щеку. – Спасибо!

– Мне это доставило удовольствие.

Ноэль пробежал по ступенькам и бодро зашагал по тротуару. Дойдя до поворота, он оглянулся. Алекса ушла, синяя дверь была закрыта. Но дом с лавровым деревцем на крыльце словно смотрел ему вслед.

Ноэль улыбнулся и пошагал дальше.

Июнь

1

Вторник, 7 июня

Изабел ехала на своем микроавтобусе в Коррихил. Дорога не дальняя, всего-то десять миль. Было четыре часа пополудни, начало июня, деревья уже покрылись пышной зеленью, а поля дружными всходами, но лето, можно сказать, еще не наступило. Не то чтобы было очень холодно, но моросил мелкий холодный дождь, и дворники она включила, едва отъехала от Кроя. Над холмами висели тяжелые облака, и все окрест тонуло в сумерках. Изабел посочувствовала американским туристам – ехать в такую даль, чтобы полюбоваться красотами Шотландии, а красот этих и не разглядеть.

Самой ей погода была не помехой. Она столько колесила по этим дорогам, что иной раз ей казалось: отпусти она руль, и машина, точно верный надежный конь, прекрасно доедет сама до Коррихила и обратно.

Вот и знакомая развилка, она почти приехала. Изабел свернула на узкую, обсаженную боярышником дорогу, которая шла вверх по склону холма. Сгущался туман. Изабел предусмотрительно включила фары. Вскоре справа появилась высокая каменная ограда поместья Коррихил. Машина въехала в большие ворота с двумя сторожками по обе стороны и, подпрыгивая на выбоинах, покатила меж старых буков. Газоны по сторонам подъездной аллеи заросли травой; весной здесь сплошными широкими полосами цвели желтые нарциссы, отчего газоны казались золотыми. Но нарциссы давно отцвели, от бывшего их великолепия остались лишь сморщенные головки и пожухлые листья. Придет день, садовник подстрижет газон, и нарциссы вовсе исчезнут до следующей весны.

Изабел не первый раз с грустью подумала о том, что с годами забот прибавляется, а время летит все быстрее и быстрее, каждый следующий месяц грубо сталкивает с пути предыдущий, годы слетают с календаря и исчезают в прошлом. Когда-то у тебя была уйма времени, можно было постоять, посидеть, просто полюбоваться нарциссами. Или в погожий летний денек вдруг бросить хлопоты по хозяйству, выйти из дома и подняться на гору послушать жаворонков, резвящихся под солнцем. Или взять да поехать в Релкирк, закупить всяких мелочей, позавтракать с подружкой в баре, где так тепло и уютно, мирно жужжат голоса и пахнет кофе и всякими деликатесами, какие ты никогда не готовишь для себя дома.

Почему она лишилась всех этих удовольствий?

Подъездная аллея пошла прямее, под колесами зашуршал гравий. Из тумана выплыл дом. Машин перед ним не было. Это означало, что другие хозяйки уже забрали своих гостей и уехали. Значит, Верена ждет ее и, может быть, сердится.

Изабел выключила мотор и вышла под холодную морось. За распахнутой настежь входной дверью открывалась широкая, выложенная плиткой площадка, уставленная дорогами чемоданами и сумками. В дом вела внутренняя стеклянная дверь – на сей раз багажа было больше, чем обычно. Огромные чемоданы, портпледы, дорожные сумки, сумки для гольфа, коробки, свертки, пакеты с логотипами больших магазинов. И на всех вещах желтые бирки «Туры по Шотландии».

Изабел прочла имена на бирках: «М-р Джо Хардвик. М-р Арнольд Франко. М-с Майра Хардвик. М-с Сьюзен Франко». На чемоданах затейливые монограммы, с ручек сумок для гольфа свисают бирки с названиями престижных клубов.

«Ну вот, начинается!» – вздохнула Изабел и отворила внутреннюю дверь.

Прихожая в Коррихиле была громадная, обшитая дубовыми панелями, широкая лестница с резными перилами вела на верхние этажи. Пол застлан коврами, тут и самые простые и очень дорогие; посередине стол, на котором вперемешку стоят и лежат горшок с геранью, собачий поводок, поднос для писем, массивная, в кожаном переплете книга для гостей.

– Верена?!

Вдалеке хлопнула дверь, в коридоре, ведущем в кухню, послышались шаги. В прихожей появилась Верена Стейнтон, высокая, стройная, элегантная. Верена была из тех женщин, которые всегда элегантны, и до того у них все подобрано в тон, что кажется, они тратят на это уйму времени. Иной раз это даже раздражает – так все продумано: юбка, блузка, кашемировый кардиган, туфли – изысканная гамма цветов, и все очень красиво. Ну а если говорить о прическе, то Верене, в отличие от большинства женщин, была не страшна самая сырая погода, прическа выглядела так, будто Верена только что вышла из-под сушилки. Увы, относительно собственной внешности Изабел не питала никаких иллюзий. Приземистая и крепкая, как шотландский пони, краснощекая, с загрубевшими от работы руками, она давно перестала беспокоиться о своих туалетах. Однако, глядя сейчас на Верену, она пожалела, что не сменила свои вельветовые брюки и стеганую, болотного цвета куртку на что-нибудь более пристойное.

– Надеюсь, я не опоздала?

– Нет. Вы последняя, но не опоздали. Ваши гости готовы и ждут в гостиной. Чета Хардвик и чета Франко. Судя по их виду – покрепче, чем наши обычные клиенты.

Изабел вздохнула с облегчением: может быть, мужчины сами потащат свои сумки с клюшками...

– А где же Арчи? Вы приехали одна?

– Он на церковном собрании в Балнеде.

– Вы справитесь без него?

– Конечно.

– Должна вам сказать, кое-что переменялось в их расписании, я вам сейчас объясню. Пойдемте-ка сначала в библиотеку.

Изабел покорно последовала за Вереной, ее дело было выполнять все указания. Библиотека в Коррихиле была поменьше других комнат и уютно пахла чем-то мужским – табаком, камином, старыми книгами и старыми собаками. Запах псины исходил от старого лабрадора, который дремал на своей подушке возле потухшего камина. Он поднял голову, увидел двух дам, снисходительно моргнул и снова погрузился в дремоту.

– Дело в том... – начала Верена, но зазвонил телефон. – Извините, я отвечу.

Она подошла к столу и подняла трубку.

– Алло, у телефона Верена Стейнтон. – Голос ее изменился: – Мистер Абберли? Спасибо, что позвонили.

Верена подвинула стул, села, взяла ручку и листок бумаги. «Вот досада, похоже, она приготовилась к долгому разговору, – уныло подумала Изабел, – а я-то хотела поскорее вернуться».

– Да-да, прекрасно. Ну а еще нам потребуется ваш самый большой шатер, я бы хотела бледно-желтого цвета в белую полосу. С настилом для танцев.

Изабел наострила уши и перестала сокрушаться по поводу задержки.

– Дата? Мы наметили на шестнадцатое сентября. Это пятница. Да, мне кажется, лучше вам подъехать, и мы все обсудим подробно. Хорошо бы на следующей неделе. В среду утром? Отлично, значит, мы увидимся. До свидания, мистер Абберли.

Верена положила трубку и с довольным видом откинулась на спинку стула:

– Ну вот, начало положено.

– Что это вы задумали?

– Понимаете ли, мы с Энгусом давно это обсуждали и наконец-то решили осуществить.

В этом году Кэти исполняется двадцать один год, мы хотим дать бал в ее честь.

– Боже милостивый, вы такие богатые?

– Не такие уж богатые, но это большое событие, и мы стольким людям задолжали – сами в гости ходим, а к себе не приглашаем, ну вот и уьем всех зайцев сразу.

– Но сентябрь еще так далеко, сейчас только начало июня.

– Чем раньше начнешь, тем лучше дело сделаешь. Вы же знаете, что тут творится в сентябре.

Изабел знала. Шотландский сезон: толпы охотников устремляются с юга на север на отстрел гусей. В каждом доме приемы, танцы, состязания в крокет, шотландские игры и прочая, и прочая, а завершается все неделей «охотничьих балов», после чего все валяется с ног.

– Без шатра нам не обойтись. В доме будет просто очень тесно. Да еще Кэти настаивает на том, чтобы какой-то угол отвели под ночной клуб – для ее лондонских хипяг. Им нужен интим. Далее: мне надо отыскать хороший деревенский оркестр и хорошего поставщика. Теперь хоть не надо беспокоиться о шатре, и то хорошо. Естественно, мы всем разошлем приглашения. – Верена бросила взгляд на Изабел: – Надеюсь, Люсилла сумеет выкроить время и приедет.

Трудно было не позавидовать Верене – сидит тут и придумывает бал для своей дочери и при этом знает, что дочь будет рядом, поможет ей и сполна насладится своим балом. Ее Люсилла и Кэти учились в одной школе и дружили потому, что дружили их родители. Но Люсилла была на два года моложе и совсем другая по характеру. Когда девочки кончили школу, их пути разошлись.

У Кэти все шло как положено: год в Швейцарии, затем секретарские курсы в Лондоне. По окончании курсов она нашла себе хорошую работу в каком-то благотворительном фонде и поселилась в небольшом доме вместе с тремя подружками из респектабельных семейств. Пройдет еще какое-то время – долго ждать не придется, – и она, без всякого сомнения, обручится с блестящим молодым человеком по имени Найджел, Джереми или Кристофер, ее фотография появится на обложке «Кантри лайф»³, а дальше свадьба по всем правилам, роскошное белое платье, стайка девочек – подружки невесты и свадебный гимн.

Изабел не жалела, что Люсилла не похожа на Кэти, но иногда, вот как сейчас, ей хотелось, чтобы ее любимая фантазерка-дочь была чуточку более обыкновенной. Но Люсилла с раннего детства проявляла яркую индивидуальность и бунтарские черты характера, хотя и не агрессивные. Позднее проявились и ее политические пристрастия – она определенно примыкала к левому крылу, и едва появлялся повод, как тут же активно включалась в любое действие. Она была против ядерного оружия, охоты на лис, отстрела детенышей тюленей, урезывания студенческих грантов и много против чего еще. Заботило ее положение бездомных, она выступала за оказание помощи беднякам, наркоманам и несчастным, погибающим от СПИДа.

С ранних лет Люсилла увлекалась рисованием и с годами делала все большие успехи. Безусловно, она была одаренной натурой; после шести месяцев, проведенных в Париже, где она работала, чтобы оплачивать жилье и питание, она поступила в Академию искусств в Эдинбурге. Друзьями там она обзавелась самыми необычайными и время от времени привозила их погостить в Крой. Выглядели они престранно, но Люсилла умудрялась перещегоолять и их: она могла надеть на вечернее кружевное платье мужской твидовый пиджак, а на ноги башмаки со шнуровкой.

³ Журнал «Сельская жизнь».

После окончания учебы Люсилла осталась в Эдинбурге, но с заработками у нее ничего не получалось. Никто не был склонен покупать ее непонятные картины, и ни одна галерея не выражала желания их выставить. Жила она в мансарде в доме на Индия-стрит, а зарабатывала себе на жизнь тем, что ходила убирать чужие дома. Это оказалось довольно выгодным делом – скопив на билет, закинув за спину рюкзак и прихватив футляр с холстами, она снова уехала в Париж и поселилась у супружеской четы, с которой познакомилась в дороге. Все это очень тревожило Изабел.

Захочет она приехать или нет? Изабел, конечно, может написать на адрес почтового отделения, который ей сообщила дочь: «Дорогая Люсилла, навести нас в сентябре – ты приглашена на бал к Кэти Стейнтон». Только вряд ли Люсилла обратит внимание на это приглашение. Она не очень-то жалуется торжественные приемы и чинные разговоры с уважаемыми молодыми людьми. «Знаешь, мамочка, они такие правильные, что взвоешь от тоски. И волосы у них у всех словно твидовые».

Ужасно с ней трудно. Но она и добрая, ласковая, смешная, полная любви. Изабел по ней ужасно скучала.

– Не знаю. Не уверена, что она приедет, – вздохнув, сказала Изабел.

– Как жаль, дорогая, – сочувственно сказала Верена, отчего Изабел не стало легче. – Но я все равно пришлю ей приглашение. Кэти будет счастлива повидать ее.

«Так ли уж счастлива?» – подумала про себя Изабел, а вслух сказала:

– Вы этот бал пока что держите в секрете или можно о нем говорить?

– Нет, конечно, это не секрет. Чем больше людей узнают о нем, тем лучше. Может быть, в подмогу нам они дадут в эти дни обеды...

– Я дам обед.

– Вы святая! – обрадовалась Верена.

Они могли бы и дальше строить планы, но Верена вдруг вспомнила о более срочном деле:

– Боже мой, я и забыла о бедных американцах! Они, наверное, ума не приложат, куда это мы подевались. Сейчас я вам все объясню... – Верена отыскивала на столе отпечатанные на машинке инструкции. – Вот слушайте: мужчины, и тот и другой, большую часть времени проводят за гольфом, и завтра они ни в коем случае не хотят им пожертвовать, так что в Глэмис не поедут. Я договорилась о машине; утром, в девять часов, их заберут из Кроя и отвезут в Глениглес. Та же машина по окончании игры доставит их к обеду обратно в Крой, но обе дамы хотят посмотреть Глэмисский замок, и если вы привезете их сюда к десяти утра, они присоединятся к общей экскурсии.

Изабел молча кивнула. Только бы ничего не забыть. Верена работает очень четко, и к тому же она босс. Центральное агентство «Туры по Шотландии» находилось в Эдинбурге, Верена была местным координатором. Это она каждую неделю звонила Изабел с сообщением, сколько гостей ей ожидать (однако не более шести, поскольку большее количество негде разместить), а также предупреждала об особенностях характера гостей и их причудах, если таковые имелись.

Туры начинались в мае и продолжались до конца августа. Каждый длился неделю и проходил по заведенному порядку: сначала Эдинбург – осмотр города и окрестностей, на это отводилось два дня. Во вторник автобус доставлял туристов в Релкирк, где они долго и терпеливо осматривали Старую кирху, местный замок и гуляли по Национальному парку. Затем американцев доставляли в Коррихил, где их встречала Верена, а затем разбирали по домам местные хозяйки. Среда отводилась на замок Глэмис и поездку в Питлохри, чтобы полюбоваться на шотландские пейзажи; в четверг туристы снова садились в автобус и ехали смотреть Горную Шотландию, а по пути заезжали в Дисайд и Инвернесс. В пятницу возвращались в Эдинбург, а в субботу улетали домой, в аэропорт Кеннеди.

К концу недели они уже еле ноги таскали, в этом Изабел была уверена.

Изабел втянула в этот бизнес Верена пять лет назад. Она объяснила условия и дала Изабел рекламный буклет агентства.

Вы будете гостями в частных домах, где вдохнете аромат старины, а также приобретете друзей из старинных семей, которые живут в них и по сей пору...

Что касается поместья Балмерино, то оно вряд ли соответствовало такой рекламе. Не обманут ли они ожидания американцев?

– Мы не из древнего рода, – пояснила она Верене.

– Достаточно древнего.

– И Крой вряд ли можно отнести к историческим достопримечательностям.

– Отчасти можно. К тому же у вас много спален, а это куда более существенное обстоятельство. И главное – думайте о том, сколько вы заработаете.

Именно этот довод убедил Изабел. Предложение Верены пришлось как нельзя кстати – дела у них в Балмерино шли неважно. Отец Арчи, второй лорд Балмерино, очень милый и столь же непрактичный человек, умер, оставив поместье в полном беспорядке. Его неожиданная кончина повлекла за собой тяжелые последствия для семьи: похоронные расходы и всевозможные уплаты поглотили большую часть наследства. Перед молодыми супругами Балмерино возникло немало проблем: из каких доходов они смогут оплатить высшее образование Люсиллы и Хэмиша, двух своих детей; на что им содержать огромный и неудобный дом; как осилить обработку земли, как содержать в порядке хозяйство. Арчи в то время служил в армии. В девятнадцать лет он записался в Королевский полк шотландских горцев. Он пошел в армию просто потому, что не знал, чем еще заняться, и хотя вполне был доволен своей жизнью в полку, честолюбием он не отличался и точно знал, что никогда не станет генералом.

Первым делом они решили не сдаваться и сохранить Крой. Планы строились самые оптимистичные: Арчи уволится из армии и, поскольку он достаточно молод, найдет себе какую-нибудь работу. Но срок его службы в армии в те дни еще не истек, и он вместе с полком отправился в Северную Ирландию.

Четыре месяца спустя полк возвратился домой, но Арчи вернулся в Крой только через восемь месяцев, а еще через восемь дней Изабел поняла: несмотря на то что его выпустили из госпиталя, пока ни о какой работе для него не может быть и речи. Долгими бессонными ночами она пыталась осмыслить их положение.

Помогли друзья, и в первую очередь Эдмунд Эрд. Поняв всю серьезность положения, он вмешался и взял все под свой контроль. Это Эдмунд сдал в аренду приусадебную ферму и позаботился об охотничьем уголье. Вместе с егерем Гордоном Гиллоком он проследил, чтобы выжгли вереск и привели уголье в порядок, а потом при его посредничестве оно было сдано в аренду клубу бизнесменов с юга, с правом на охоту для него и для Арчи.

Изабел вздохнула с облегчением – хоть часть забот свалилась с ее плеч, но проблему доходов это не разрешило. Кое-что от наследства все-таки осталось, но деньги были вложены в ценные бумаги. Это все, что Арчи мог теперь завещать своим детям. У Изабел тоже были кое-какие деньги, к сожалению небольшие. И вместе с военной пенсией Арчи и с шестидесятипроцентной надбавкой за инвалидность все равно получалось мало. Каждодневные расходы на хозяйство, на еду и одежду держали Изабел в постоянной тревоге, так что предложением Верены нельзя было пренебречь.

«Ах, перестаньте, Изабел, вы прекрасно справитесь».

Изабел знала, что справится. Она привыкла вести большой дом и принимать гостей. Когда был жив отец Арчи, в охотничий сезон и на праздник их дом был просто набит гостями. Во время школьных каникул Крой наполнялся друзьями Люсиллы и Хэмиша, а на Рождество и Пасху к ним съезжались все соседи.

Не так все страшно – речь идет только о четырех летних месяцах и всего лишь о двух днях в неделю. Есть и положительный момент – Арчи это может поднять настроение, взбодрить, ему волей-неволей придется развлекать гостей, значит, и сам он немного развлечется, а он в этом очень нуждается.

О чем Изабел не подумала и сообразила только потом – принимать друзей или туристов за плату далеко не одно и то же. Это было огорчительное открытие. Платным гостям не возражишь, не позволишь прийти на кухню помочь чистить картошку или готовить салат, вечером не посидишь просто так, молча, в гостиной. Туристы платят – вот в чем завыка. А это означает, что гостеприимство должно быть на высшем уровне, все должно быть безукоризненно. Тур стоит недешево, и клиенты должны получить за свои доллары все сполна.

В сопроводительных инструкциях сообщалось: при каждой спальне обязательна ванная, желательно смежная со спальней; в комнатах должно быть центральное отопление, на кроватях – одеяла с электрическим подогревом; желательно также иметь в комнатах дополнительное отопление, лучше всего обычный дровяной камин, а за неимением такового – электрический или газовый.

Изабел эти наставления раздражали: за кого их принимают? Она не помнит, чтобы хоть раз она не поставила свежие цветы в комнату любого своего гостя или гостьи.

Относительно завтраков также были специальные указания: завтрак должен быть здоровым и сытным, апельсиновый сок, кофе или чай обязательны. Вечером гостям полагалось предложить коктейли, к обеду подать вино. Обед сервируется по всем правилам: свечи, хрусталь, столовое серебро, обязательны по крайней мере три блюда, затем кофе и беседа. По доброй воле хозяев, хотя это и не обязательно, могут быть предложены и другие развлечения: немного музыки, игра на волынке...

Заморские гости ждали в гостиной Верены.

– Извините, мы задержались, но необходимо было решить кое-какие вопросы, – как нечто само собой разумеющееся и не подлежащее обсуждению сообщила Верена. – Вот и ваша хозяйка приехала, знакомьтесь. Сейчас она отвезет вас в Крой.

Гостиная в Коррихиле была большая, светлая, в пастельных тонах. Обычно ею не пользовались, но сегодня по случаю ненастной погоды горели поленья в камине, и вокруг него в креслах и на диване сидели американцы и смотрели по телевизору соревнования в крокет. Они с улыбкой поднялись, один из мужчин выключил телевизор.

– Знакомьтесь: мистер и миссис Хардвик, мистер и миссис Франко. Ваша хозяйка на два предстоящих дня – леди Балмерино.

Пожимая руки, Изабел поняла, что имела в виду Верена, сказав, что на этой неделе гости выдались покрепче, чем обычно. Шотландский тур по какой-то причине привлекал туристов преклонного возраста, и иногда это были не просто старики, но и довольно слабые здоровьем люди: иные страдали одышкой и не сказать, чтобы твердо держались на ногах. Эти же две супружеские пары едва перевалили за средний возраст.

– Боюсь, я немного опоздала, – почему-то сказала Изабел, хотя точно знала, что приехала вовремя. – Но мы можем отправиться, как только вы будете готовы.

Они уже были готовы. Дамы взяли в руки свои сумки и роскошные новые плащи, и вся компания двинулась к выходу. Изабел поспешила открыть заднюю дверцу своего микроавтобуса, и едва открыла, как мужчины притащили большие чемоданы и помогли ей погрузить их. (Еще одна неожиданность, обычно им с Вереной приходилось делать это самим.) Когда все вещи были погружены, американцы попрощались с Вереной.

– Но дам я увижу завтра, – сказала она. – И надеюсь, вы вполне насладитесь гольфом и вам понравится Глениглес.

Но вот все четверо уселись в машину. Изабел заняла свое место за рулем, и они уехали.

- Приношу извинения за погоду. Лето у нас еще не начиналось.
- О, это совершенно не важно. Жаль только, что вам пришлось в такой день ехать за нами. Надеюсь, это не слишком тяжело?
- Нисколько. Это моя работа.
- Далеко ли ехать до вашего дома, леди Балмерино?
- Около десяти миль. И прошу вас, зовите меня Изабел.
- С удовольствием. А я Сьюзен, мой муж – Арнольд, а Хардвики – Джо и Майра.
- Десять миль – порядочное расстояние, – заметил один из мужчин.
- Да, немалое. Обычно меня сопровождает муж, но сегодня ему пришлось пойти на собрание. К чаю он вернется домой, и вы познакомитесь с ним.
- Лорд Балмерино занимается бизнесом?
- Нет, это не деловая встреча. Нашей церкви надо собрать немного денег, совсем небольшую сумму. Может, не стоило бы и беспокоиться, но церковь эту строил дед моего мужа, и потому муж чувствует за нее ответственность.

Снова пошел дождь. Закачались по ветровому стеклу дворники. Может, хоть разговором отвлечь американцев от этой унылой картины.

- Вы впервые в Шотландии?

Дамы наперебой принялись рассказывать. Их мужья бывали здесь и раньше, приезжали поиграть в гольф, а жены сопровождают их в первый раз. Им все очень нравится, а в Эдинбурге они чего только не накупили. Ну да, дождь, можно сказать, не перестает, но их это не волнует. Они купили себе отличные плащи, и обе решили, что дождь придает Эдинбургу особый колорит: город кажется таким древним и романтичным, им так и чудится, что по Ройял-Майл⁴ едут рядышком Мария Стюарт и граф Босуэл⁵.

Когда они закончили рассказ о своих романтических видениях, Изабел справилась, из какой части Штатов они приехали.

- Город Рай, штат Нью-Йорк.
- Он на море?
- Да, конечно. Наши дети купаются каждый уик-энд.

Изабел представила себе этих детей: загорелые, обветренные, пышущие здоровьем от витаминов и свежего апельсинового сока, они скользят по ярко-синему морю на белоснежной яхте. Над ними голубое небо и сияет солнце. И потому можно на любой день назначать теннисные матчи и пикники, устраивать вечерние приемы в саду, жарить барашка на вертеле и наверняка знать, что никакого дождя не будет.

Таким было лето в ее юности. Куда подевались те долгие дни, полные света и аромата роз, когда они забегали домой только чтобы поесть, а иной раз пренебрегали и едой. Река, сад, теннис, чаепития в тени деревьев, потому что пить чай в доме было жарко. Она вспомнила пикники на вересковых полянах, жаворонков в небе, мерцающий в лучах солнца вереск, такой сухой, что разжигать костер они не решались. Что случилось с ее миром? Какая космическая катастрофа превратила те сияющие дни в нескончаемый мрак и уныние?

Ну да, дело не только в погоде, но из-за погоды все кажется еще хуже, чем есть. Арчи ноги лишился, а должен занимать любезными разговорами совершенно незнакомых ему людей, потому что они платят деньги за то, что спят в наших спальнях. И никакого отдыха, и не на что купить новую одежду, и вечная забота, как выгадать деньги, чтобы заплатить за школу, где учится Хэмиш, и беспокойство за Люсиллу. Она так по ней скучает...

Изабел вдруг услышала свой голос:

- Ну что это за жизнь!

⁴ *Ройял-Майл* – Королевская Миля, название главной улицы Эдинбурга.

⁵ *Граф Босуэл* – возлюбленный Марии Стюарт, королевы Шотландии с 1561 по 1567 год.

Наступило молчание, – видно, ее спутники были несколько озадачены ее горьким восклицанием. Затем одна из дам сказала:

– Простите, я не поняла...

– Я говорю о дожде... Мы так устали от этих дождей. Лета у нас просто нет.

2

На левом берегу реки Крой возвышалась старинная пресвитерианская церковь, государственная церковь Шотландии – массивная, величественная и почитаемая. Дорога к ней вела через горбатый каменный мост. Окрестности ласкали глаз: к реке полого спускались церковные угодья; здесь на выгоне каждый сентябрь проводились Страткроевские игры. На осененном исполинским буком церковном дворе теснились обветшалые могильные плиты, заросшая тропинка между ними вела к дому пастора. Дом тоже был прочный, внушительных размеров, построенный в расчете на большую пасторскую семью – прежде они и были большие, – и сад, где росли корявые, но обильно плодоносящие деревья, а под прикрытием высокой каменной стены пышно разрослись кусты роз. Все здесь дышало вечностью, покоем, благочестием.

А на другой стороне моста, в тени своей соперницы, словно бедная родственница, жалась к земле маленькая епископальная церквушка. Между дорогой и церквушкой пролежала полоса газона, который преподобный Джулиан Глоксби собственноручно подстригал каждую неделю. Вверх по склону к его дому тянулась узкая дорожка. И церковь, и дом священника были выкрашены в белый цвет. Церковь была одноглавая, с небольшим колоколом, главный вход прикрывал деревянный навес. Внутри все так же скромно и непритязательно: ни скамей с резными спинками, ни массивных дверей, никаких исторических реликвий. К алтарю вела вытертая дорожка, орган заменяла старая фисгармония. В церкви всегда слегка тянуло сыростью.

И церковь, и дом священника были построены первым лордом Балмерино на рубеже веков и подарены епархии вместе с небольшой суммой денег, предназначенной на покрытие церковных нужд. Деньги эти были давно истрачены, прихожан было немного, и церковный совет никак не мог свести концы с концами.

Когда выяснилось, что надо менять электропроводку, потому что она не просто обветшала, а стала пожароопасной, преподобный Джулиан Глоксби и вовсе пришел в уныние. Это стало последней каплей, переполнившей чашу. Но Арчи Балмерино собрал свое слабосильное войско – попечительский совет, посетил епископа и добился денежного пособия. Увы, и его не хватило, надо было каким-то образом еще раздобыть денег. Выдвигались разные проекты, однако после тщательного обсуждения все они отпадали. В конце концов решено было прибегнуть к старому испытанному способу добывания денег – устроить церковную распродажу. Ее назначили на июль. В здании деревенской управы установят ларек, где будут продаваться подержанные вещи, на лотках выставят июльские плоды и овощи; еще один ларек будет торговать вышивками, гобеленами и всякими занятными старинными вещичками, ну и, конечно, будут угощать чаем.

В тот пасмурный июньский день в доме Эдмунда и Вирджинии Эрд собрался организационный комитет. В половине пятого совещание закончилось, все проблемы были решены. Оставалось напечатать яркие плакатики-объявления, взять напрокат несколько лотков и организовать лотерею.

Священник, миссис Глоксби и Тодди Бьюкенен – председатель административного совета Страткроя разъехались по домам. Дермот Ханикомб на совещании не смог присутствовать – был занят в своей антикварной лавке. Ему заочно поручили торговлю всякой мелочью в ларьке «Белый слон».

Теперь они остались втроем. Вирджиния и ее свекровь Вайолет сидели в одном конце длинного, красного дерева стола, Арчи Балмерино – в другом. Как только участники совещания удалились, Вирджиния отправилась на кухню готовить чай и вскоре принесла на подносе три кружки, коричневый чайник, кувшинчик с молоком и сахар. После долгих обсуждений приятно было глотнуть ароматного чая и поболтать в дружеском кругу.

Их все еще занимал благотворительный базар.

– Надеюсь, Дермот не обидится, что его поставили на распродажу всякого хлама. Может, мне позвонить ему и дать возможность отказаться? – Арчи всегда проявлял деликатность и старался не оказывать давления на других людей.

Вайолет успокоила его:

– Нисколько не обидится. Он любит это дело. Наоборот, наверное, обиделся бы, если бы мы поручили этот ларек кому-нибудь другому. К тому же он назначит каждой вещи подходящую цену...

Вайолет, высокая, крупная, крепкая женщина, хотя ей было уже за семьдесят, предпочитала удобную и уютную одежду. На ней был жакет, который она явно носила уже не первый год, юбка и спортивные башмаки на ногах. Волосы у нее были седые, она закалывала их небольшим пучком на затылке, а длинная верхняя губа и широко расставленные глаза придавали сходство с добродушной овцой. Но некрасивой или лишенной вкуса женщиной ее никак нельзя было назвать. Было в ней что-то привлекательное и значительное, а умные глаза в данный момент весело шурились.

– ...даже фарфоровым собачкам с костью в зубах и настольным лампам, сооруженным из бутылок из-под виски и облепленных ракушками.

Вирджиния рассмеялась:

– Может быть, он и себе выберет какую-нибудь диковинку за двадцать пять пенсов, а на следующий день продаст ее в своей антикварной лавке за баснословную цену.

Она откинулась на спинку стула и с ленцой, точно юная девчонка, вытянула вперед ноги. В свои тридцать с небольшим Вирджиния Эрд была так же стройна, как и в тот день, когда вышла замуж за Эдмунда. Несмотря на официальное заседание церковного совета, она была в своей обычной униформе: джинсы, синий свитер, на ногах начищенные мокасины. Она была хорошенькая блондинка, этакая милая кошечка, но ничем бы особенно не выделялась, если бы не ее огромные сапфировые глаза. Такие глаза делают их обладательницу красавицей. У нее была прекрасная смуглая кожа, косметикой она не пользовалась вовсе, и лишь тонкие морщинки в уголках глаз выдавали ее истинный возраст.

Скрестив кисти рук, Вирджиния сплела свои тонкие пальцы, будто делая какое-то специальное упражнение.

– На Изабел мы возложим чаепитие. – Вирджиния повернулась к Арчи: – Кстати, почему она не пришла сегодня?

– Да я же сказал... А может, тебя в это время не было в столовой? Ей надо было ехать в Коррихил, забирать очередную партию гостей.

– Ну да, как я сама не догадалась. Извини.

– Эти туристы напомнили мне вот о чем... – Вайолет протянула свою кружку. – Налейка мне еще немного. Ты ведь знаешь, какая я чаевница, могу пить и пить, пока чай не польется у меня из ушей... Так вот, вчера я ездила в Релкирк и встретила там Верену Стейнтон, она мне сказала, что я уже могу не держать ее затею в секрете. Они с Энгусом намереваются дать в сентябре бал в честь совершеннолетия Кэти.

– Но почему это держалось в секрете? В чем дело? – несколько настороженно поинтересовалась Вирджиния.

– Ну, понимаешь, она мне сообщила об этом недели две назад, но попросила до тех пор, пока она не обсудит все с Энгусом, никому ничего не сообщать. Как видно, она его уговорила.

– Молодчина! Это она чудно придумала. А что это будет? Просто немного попрыгают или настоящий бал?

– Все честь по чести, как бывало когда-то. Шатер, китайские фонарики, все разодеты в пух и прах.

– Потрясающе! – Как Вайолет и предвидела, Вирджиния пришла в восторг. – И за билет платить не надо, и у меня будет хороший предлог купить себе новое вечернее платье. Надо

будет помочь Верене расселить гостей. А мне проследить, чтобы Эдмунд не наметил на эту неделю какую-нибудь деловую поездку, например в Токио.

– Где он сейчас? – спросила ее свекровь.

– Всего лишь в Эдинбурге. Вернется к шести.

– А где Генри? Он ведь уже должен бы вернуться из школы?

– Зашел к Эди, он любит посидеть у нее, попить чайку.

– Может, он ее и развлечет немного.

Вирджиния удивленно нахмурилась – обычно это Эди развлекала Генри.

– Что случилось?

Вайолет бросила взгляд на Арчи:

– Помнишь двоюродную сестру Эди – Лотти Карстерс? Она какое-то время была горничной в Страткрое. В тот год, когда вы с Изабел поженились.

– Еще бы не помнить! – На лице Арчи отразился ужас. – Жуткая женщина. Чего только она не вытворяла – перебила чуть ли не весь наш рокингемский сервиз, и к тому же она, похоже, шпионила за нами – оказывалась вдруг в самых неожиданных местах. Я понять не мог, что заставило мою мать нанять ее.

– Думаю, обстоятельства. Очень хлопотное было лето, и без помощницы ей было не обойтись. Лотти проработала месяца четыре, не больше, и вернулась к себе в Туллочард, к своим престарелым родителям. Замуж она так и не вышла...

– Неудивительно.

– ...ну а потом родители умерли, и она осталась одна. И как видно, странности ее все усиливались. В конце концов она стала агрессивной, и тогда ее увезли в ближайшую психлечебницу. Ближе родственников, чем Эди, у нее нет. Эди навещала ее каждую неделю. А теперь доктора сказали, что состояние Лотти улучшилось настолько, что можно забрать ее домой. Но одной ей жить нельзя. По крайней мере, еще какое-то время.

– Неужели Эди хочет взять ее?

– Она говорит, что это ее долг. Больше у Лотти никого нет. И вы знаете Эди, она – сама доброта. Она чувствует ответственность за семью. Говорит, кровь не вода, ну и прочие глупости.

– Тяжелый случай, – сухо заметил Арчи. – Хуже не придумаешь. Когда она должна забрать ее?

– Точно не знаю, – Вайолет пожала плечами, – то ли в следующем месяце, то ли в августе.

– Неужели Лотти насовсем поселится у Эди? – Вирджиния пришла в ужас от одного лишь предположения.

– Будем надеяться, что нет. Будем надеяться, что это временная мера.

– Где Эди ее поместит? У нее ведь всего две маленькие комнаты.

– Не знаю, я ее не спрашивала.

– И когда же она об этом сообщила?

– Сегодня утром. Когда пылесосила ковер в столовой. Мне показалось, что она чем-то расстроена, и я спросила ее, что случилось.

– Бедняжка Эди, ей можно только посочувствовать.

– Эди – святая, – сказал Арчи.

– Это верно. – Вайолет допила чай, бросила взгляд на часы и начала собирать свои вещи: большую сумку, бумаги, очки. – Приятно было тебя навестить, дорогая. И спасибо за чудесный чай. А теперь мне пора домой.

– И мне тоже, – сказал Арчи. – Поеду продолжать пить чай, теперь с американцами.

– Смотри не захлебнись. Кто к вам прибыл на сей раз?

– Понятия не имею. Надеюсь, что не древние старцы. На прошлой неделе один старикан чуть не отправился на тот свет – такая у него разыгралась ангина. Слава богу, выкарабкался.

– Однако это большая ответственность.

– Да нет, не так все страшно. Хуже всего с теми, кто дал зарок не пить и глотка виски себе не позволяет. Тоска смертельная эти баптисты, ведь под апельсиновый сок не разговоришься. Вы на машине, Ви, или вас подкинуть?

– Пешком пришла. Под горку-то бодро шагала, а вот обратно будет труднее, так что спасибо, подкинь.

– Тогда едем.

Арчи сложил свои записи и тяжело поднялся. Удостоверился, что все в порядке, стоит твердо, и пошел по мягкому ковру. Прихрамывал он совсем немного, и это было чудом, потому что вместо правой ноги от самого бедра шел протез.

Он приехал на совещание, оторвавшись от садовых работ, и извинился за свой вид, но никто и внимания не обратил на то, как он одет. Да он, пожалуй, и всегда был так одет: бесформенные вельветовые брюки, клетчатая рубашка с залатанным воротником, потертый твидовый пиджак, который он называл садовым, хотя ни один уважающий себя садовник не надел бы такой пиджак.

Вирджиния откинула назад волосы и тоже поднялась на ноги. То же самое сделала и Вайолет, но медленно, принаравливаясь к движениям Арчи. Она вовсе не спешила уйти, но даже если бы и спешила, никогда бы этого не показала – она очень любила и жалела Арчи. Помнила его мальчишкой, юношей – он был такой заводила, помнила солдатом. Вечно он шутил, смеялся. Он любил жизнь и всех заражал этой любовью и весельем. И все время был в движении: играл в теннис, на полковых балах затанцовывал своих партнерш так, что те просили пощады, на охоте шел впереди всех, с легкостью перешагивал через кусты вереска своими длинными ногами. Никто не мог поспеть за ним...

Тогда он был Арчи Блэр, теперь – лорд Балмерино. Лорд и лэрд⁶. Слишком роскошные титулы для худого как палка мужчины на протезе. В его черной шевелюре сквозила седина, в глубоко посаженных, затененных густыми бровями глазах затаилась печаль.

– Ты готова? – спросил он, подойдя к Ви.

– Да, все собрала.

– Тогда поехали... – Он шагнул к двери и вдруг замер. – А, боже мой, забыл у тебя спросить, Вирджиния! Эдмунд не оставил для меня конверта? Я вчера ему звонил. Это важное дело. Кое-какие документы из управления лесным хозяйством.

Вайолет насторожилась:

– Надеюсь, ты не собираешься сажать елки?

– Нет, они намереваются проложить дорогу в объезд вересковых пустошей.

– Он мне ничего не сказал. – Вирджиния покачала головой. – Может, забыл. Пойдемте поищем на столе в библиотеке.

– Хорошо. Мне бы хотелось взять его с собой.

Они не спеша вышли в большой, обитый сосновыми панелями холл; массивная лестница с резными перилами вела на верхнюю площадку. Мебель в холле была не особо примечательная; дубовый резной сундук, раздвижной стол, старая, отжившая свой век кушетка. На ней любили спать собаки, но сейчас их не было.

– Дальше я с вами не пойду, подожду здесь, – заявила Вайолет и величаво опустилась на собачью кушетку.

– Мы скоро.

Вирджиния с Арчи ушли. Вайолет проводила их глазами: они прошли по широкому коридору, что вел к библиотеке; дальше по коридору следовала гостиная, а еще дальше за стеклянной дверью дышала влагой и теплом оранжерея.

⁶ Лэрд – помещик, владелец наследственного имени.

Побудет немного одна, наедине со своим старым домом, подумала Вайолет. Она так хорошо и так давно знает этот дом – он всегда с ней. Скрип ступеньки, запахи – все так знакомо. В холле гуляет сквознячок, но сквозняков она не боится. Теперь это не ее дом, теперь это дом Вирджинии. Но он остался таким же, каким был, – похоже, за долгие годы он приобрел свои привычки, свой вкус и не собирается их менять. У него сильный характер. Может быть, потому, что в нем так много происходило событий. Может быть, потому, что он был приютом, тихой пристанью для одной большой семьи.

Не то чтобы Балнед очень стар. На самом деле он на несколько лет моложе Вайолет и был построен ее отцом, тогда уже сэром Гектором Айкенсайдом, человеком богатым. Ей всегда казалось, что дом немного похож на сэра Гектора. Такой же большой, радушный и щедрый и в то же время очень скромный. В те годы, когда новоявленные богатеи сооружали поражающие своим уродством гигантские замки, окруженные зубчатыми стенами и увенчанные башенками, сэр Гектор предпочел менее шикарные, но куда более важные сооружения.

Центральное отопление, надежный водопровод и канализационная система, много ванных комнат, полные солнечного света кухни, чтобы слугам (а их тогда было трое) удобно было работать. И с того самого дня, когда строительство наконец-то завершилось, дом вполне органично вписался в пейзаж.

Сложенный из местного камня, Балнед стоял на южной стороне Кроя, задней стеной повернувшись к деревне и реке, и словно улыбался всеми своими окнами, любуясь открывавшейся перед ним картиной – такой домашней и в то же время прекрасной.

Сад в поместье был огромный, полный плодоносящих деревьев и всевозможных кустарников. Ландшафтным архитектором выступал самолично сэр Гектор – это была его страсть, – а потому по традиционным газонам лились потоки неведомых в здешних местах трав, желтых нарциссов и колокольчиков. Благоухающими купами красовались коралловые и желтые азалии, между кустами усыпанных алыми и багряно-красными цветами рододендронов вились чисто выкошенные тропинки, словно зазывая куда-то вдаль.

За садом, отделенное от него невысокой каменной стеной, примерно на акр раскинулось пастбище для горных пони, а за ним снова шла каменная ограда и начинались уголья соседа-овцевода. Еще дальше виднелись холмы. Они поднимались все выше и выше, навстречу небу. Вечные и бесконечно меняющиеся, как меняются времена года и свет: то в снежном убранстве, то лилово-розовые от цветущего вереска, то зеленые от весенних папоротников. И по ним белые прочерки летящих чаек... Холмы были прекрасны.

Всегда прекрасны.

Вайолет все это знала – Балнед был домом ее детства и, значит, ее миром. Она выросла в этих стенах, играла одна в свои игры в этом волшебном саду, ловила руками форель в реке, трусила на своем упрямом шотландском пони через деревню к холмам Кроя. А в двадцать два отсюда, из Балнеда, выходила замуж.

Она помнила, как на заднем сиденье папиного величественного «роллс-ройса» ехала к епископальной церкви – до нее было рукой подать – и рядом с ней, в цилиндре, сидел сэр Гектор. По случаю торжественного события «роллс-ройс» был украшен белыми шелковыми лентами. Эти ленты как-то принижали его достоинство, и Вайолет казалось, что он выглядит так же нелепо, как она сама – крупная девица, затянутая в жутко неудобное атласное платье; унаследованные от бабушки старинные лимерикские кружева окружали туманной дымкой ее вполне заурядное лицо. В Балнед они возвращались в том же роскошном автомобиле, но она почему-то перестала чувствовать, как тесно ее свадебное платье, – наверное, потому, что ее наполняло торжество: наконец-то она стала женой Джорди Эрда!

С тех пор она время от времени – и подолгу – жила в Балнеде, пока не покинула его навсегда десять лет назад, когда поженились Эдмунд и Вирджиния. Он привез Вирджинию в Балнед, и Вайолет поняла, что пришло ей время откланяться и позволить старому дому приветство-

вать молодую хозяйку. Вайолет передала собственность Эдмунду и купила у Арчи Балмерино заброшенный коттедж садовника. Коттедж стал называться Пенниберн, и здесь, на земле поместья Крой, Вайолет обустроила свой новый дом. Ремонт и работы по благоустройству длились целый год, и весь этот год она была счастлива. А в саду еще много чего предстояло сделать.

«Я счастливая женщина», – сказала себе Вайолет.

Сидя на провонявшей псиной кушетке, она огляделась по сторонам. Потертый турецкий ковер, тут и там старая мебель, которую она знала всю свою жизнь. Приятно, когда вещи не слишком меняются. Когда Эдмунд женился во второй раз, Вайолет решила, что невестка все обновит. Новая метла чисто метет, вот она и выметет пропылившуюся старину. Вайолет было даже интересно, что получится у молодой, бодрой, как дыхание свежего ветра, жены Эдварда. Но Вирджиния изменила только большую спальню, освежила гостиную – покрасила в более светлый цвет и превратила старую кладовку в подсобное помещение, где теперь мирно урчали морозильники, стиральные, сушильные и прочие замечательные машины, и на том остановилась. Вайолет это понравилось, но и несколько озадачило. В чем дело? Денег у Эдмунда достаточно, странно, что Вирджинию устраивают потертые ковры, выцветшие бархатные портьеры и старые эдвардианские обои.

Возможно, переменам помешало рождение Генри. Вирджиния стала совсем другой, она потеряла интерес к чему-либо, кроме своего обожаемого сына. Для Вайолет это явилось неожиданностью. Она и не представляла, что невестка окажется такой сумасшедшей матерью. Вайолет втайне беспокоило это безмерное обожание, да к тому же Эдмунд так часто уезжал и оставлял мать наедине с сыном. Можно было только удивляться, что, несмотря на такое воспитание, малыш просто прелесть. Правда, ему не хватает самостоятельности, он во всем полагается на мать, но он не капризный, не избалованный. Чудный мальчик...

– Извини, Ви, мы заставили тебя ждать.

От неожиданности Вайолет вздрогнула. Она повернула голову – к ней шли Арчи и Вирджиния. Арчи с победным видом помахивал конвертом:

– ...Не сразу его нашли. Пойдемте, подвезу вас до дома.

3

Генри Эрд, восьми лет от роду, с важным видом взялся за дверной молоток – маленького медного эльфа – и постучал в дверь одного из одноэтажных коттеджей, что стояли по обе стороны главной улицы Страткроу. Коттедж Эди выглядел приятнее, чем другие, его камышовая крыша зеленела пятнами мха, а между мостовой и фасадом тянулся узкий газон, на котором цвели незабудки. Генри услышал шаги, потом скрип отодвигаемой задвижки, и дверь растворилась.

– Ну вот, опять ты свалился на мою голову, радость моя!

Вечно она шутила, и Генри очень ее любил. Когда кто-нибудь спрашивал, кто его лучшие друзья, Эди он называл первой. Мало того что веселая, она была такая мягкая, седовласая и розовощекая, аппетитная, как теплая пшеничная лепешка.

– У тебя все благополучно?

Этот вопрос она задавала каждый день, несмотря на то что каждый день видела его в школе во время завтрака, поскольку сама и кормила ребят завтраком. Для Генри это было большим удовольствием: Эди знала, что он любит, а что нет, и урезывала ему порции форшмака с соусом карри и густого заварного крема – их он ненавидел, зато щедро накладывала на тарелку его любимые картофельное пюре и шоколадное желе.

– Полный порядок, – сказал Генри. Он прошел в гостиную и сбросил на диванчик куртку и ранец. – У нас было рисование. Нам дали задание кое-что нарисовать.

– И что же вы должны были нарисовать?

– Песню. – Он начал расстегивать ранец. Что-то его смущало, и он надеялся на Эди, – может, она разрешит его сомнения. – Понимаешь, мы пели «Лети, моя лодка, как птица над морем», а потом надо было нарисовать такую же картину. Все нарисовали лодки, в них сидят гребцы, а вдали острова, и лодки плывут к островам, а я нарисовал вот это. – Он протянул Эди слегка помятый от соседства с теннисными туфлями и пеналом рисунок. – Только мистер Маклинток почему-то засмеялся.

– Засмеялся? – Эди взяла листок, отыскала свои очки и стала разглядывать рисунок. – А он не сказал, что его рассмешило?

– Наверное, не успел. Зазвенел звонок, и урок кончился.

Эди опустилась на диванчик, и Генри сел рядом с ней. Они вместе молча рассматривали рисунок. Генри решил, что так хорошо у него никогда еще не получалось. По синему морю, рассекая волны, неся очень красивый быстроходный катер, на нос его фонтаном обрушивались белые брызги, в кильватере пенилась волна. В небе летали чайки, а на самом носу катера лежал завернутый в одеяльце младенец. Его было трудно нарисовать, потому что у младенцев такие смешные лица, нет ни носа, ни подбородка. Младенец этот вызывал тревогу – он мог соскользнуть с катера и упасть в море. Но он удержался, он не упал.

Эди ничего не сказала. Генри пояснил:

– Это быстроходный катер. А это тот мальчик, который родился, чтобы стать королем.

– Понимаю...

– Но почему же мистер Маклинток смеялся? Что тут смешного?

– Ничего смешного. Очень красивая картинка. Только, видишь ли, «Лети, моя лодка» – как поется в песне – не значит: «Лети, как быстроходный катер», а просто: «Быстро плыви, лодка». А этот малютка – красавец принц Чарли, но когда он плыл на лодке, он был уже не младенец, а взрослый молодой человек.

Все стало ясно.

– А-а, – протянул Генри, – понятно.

Эди отдала ему рисунок:

– Но все равно это хорошая картинка, и мистер Маклинток не должен был смеяться. Спрячь ее в ранец и отнеси домой, чтобы мама на нее полюбовалась, а Эди пойдет приготовить тебе чай.

Эди поднялась, положила очки обратно на камин и вышла через дверь, которая вела к кухне и ванной. Эта дверь в задней стене гостиной появилась сравнительно недавно. Когда Эди была маленькой девочкой, коттедж состоял всего из двух комнат: гостиной, которая одновременно служила и кухней, и спальни. Больше никаких помещений не было. Двухкомнатный коттедж – так это называлось. Водопровода не было, в дальнем углу сада стояла дощатая уборная. Еще более удивительно то, что в семье было пятеро детей, и значит, всего в коттедже помещалось семь человек. Родители спали на кухне, на откидной кровати, которая на день убиралась в стену, а все дети теснились в гостиной. За водой миссис Финдхорн каждый день ходила на колонку на другой конец деревни, ванну принимали раз в неделю, ею служила жестяная лохань, которую ставили на кухне перед горячей печкой.

– Но как же вы впятером помещались в этой спальне? – в полном недоумении спрашивал Генри. Хотя сейчас в ней стояли только кровать Эди и платяной шкаф, комната все равно казалась очень маленькой.

– Мы ведь не все сразу тут жили. Когда родился младший братишка, старший уже пошел работать и спал в домике на ферме вместе с другими работниками. А девочки подрастали и нанимались прислугами в богатые дома. Очень тяжело было расставаться друг с другом, но и места не было, и прокормить нас всех было тяжело, и матери нужны были деньги...

Эди много рассказывала об их житье-бытье. Как зимними вечерами они всей семьей сидели у печки и отец читал им вслух рассказы Редьярда Киплинга или «Путь паломника»⁷. А младшие девочки вязали носки для отца и братьев, но когда дело доходило до пятки, то передавали носок старшей сестре или матери, потому что вывязать пятку им было трудно.

Очень грустно было слушать ее рассказы – как они бедно жили! – но было в них и что-то теплое, уютное. Сейчас в доме Эди все стало по-другому. Генри оглядывался вокруг и представить себе не мог, как тут было когда-то. Теперь эта комнатка такая веселая и красивая: складную кровать убрали, а на полу лежат мягкие коврики. Старой печки тоже уже нет и в помине, на ее месте красуется облицованный зеленой плиткой камин, на окнах цветастые занавески, на тумбочке стоит телевизор, а на каминной полке – китайские безделушки.

Генри аккуратно положил рисунок в ранец, щелкнул застежками. «Лети, моя лодка»... Опять он неправильно понял. Он часто понимал неправильно. Вот еще одну песенку они разучивали в классе: «Спешу, моя смуглая дева, спешу». Генри самозабвенно распевал вместе со всеми ребятами, и в его воображении рисовалась эта дева: небольшого роста пакистанка, похожая на Кедиджу Ишхак, с такой же темной кожей и блестящими волосами, завязанными хвостом на затылке; дева бежала изо всех сил, и хвост летел по ветру за ее спиной.

Тогда ему все растолковывала мама.

Да и самые обыкновенные слова иногда сбивали его с толку. Люди говорили эти слова, он их слышал, но слышал именно так, как они звучали. И слово или то, что ему представлялось, когда он слышал его, застревало у него в голове. Как-то Эди рассказала ему об одной женщине, которая была «просто сражена», потому что ее дочь вышла замуж за гуляку, который был ее недостойн. Эта «сраженная» женщина долго наводила на Генри ужас и снилась ему по ночам – ему представлялось, как гуляка срубает ее ножом.

Но хуже всего было, когда он не понял бабушку, и если бы не мама, которая до всего попыталась, неизвестно, как складывались бы после этого происшествия его отношения с Ви.

Однажды он пошел после школы в Пенниберн. Дул такой сильный ветер, что было слышно, как он завывает за стенами домика. Они с Ви сидели у камина, и вдруг она встала,

⁷ «Путь паломника» – аллегорический роман английского писателя Джона Беньяна.

принесла откуда-то складную ширму и поставила ее перед стеклянной дверью, которая вела в сад. Генри спросил, зачем она это сделала, и, когда она объяснила, он пришел в такой ужас, что до конца своего визита не произнес ни единого слова. Когда мама пришла за ним, он так обрадовался, что тут же побежал за своей курткой и стал торопить маму. И чуть было не забыл поблагодарить Ви за чай.

Это был какой-то кошмар. С того дня он ни за что на свете не хотел идти в Пенниберн и в то же время понимал, что пойти туда – его долг, он должен защитить Ви. Каждый раз, когда мама предлагала навестить бабушку, он находил какой-нибудь предлог, чтобы не идти в Пенниберн, или говорил, что он лучше пойдет к Эди. Однажды вечером, когда он принимал ванну, мама завела с ним разговор. Она не сразу подошла к тому, что ее интересовало, но в конце концов спросила его, почему он не хочет навещать Ви.

– Ты ведь так любил заходить к ней. В чем дело? Что-то случилось?

Генри почувствовал облегчение – наконец-то он сможет об этом поговорить.

– Он очень страшный!

– Кто страшный?

– Он приходит из сада. Ви принесла ширму и поставила ее перед балконной дверью, но что ему стоит сбить ширму? Он может покалечить Ви. По-моему, ей нельзя больше жить в этом доме.

– Бог ты мой! Да кто же приходит из сада?

Генри очень ясно представлял себе это чудовище: огромный, горбатый, с рогами.

– Ужасный слизняк!

Вирджиния в полном недоумении смотрела на сына.

– Генри, ты в своем уме? Что это за чудовище? Откуда оно появилось в бабушкином саду?

– Но оно там! – настаивал Генри. – Она сама сказала. Она сказала: «Какой ужасный слизняк!» – и загородила дверь гостиной ширмой. Она сама мне сказала!

Оба замолчали. Генри пристально смотрел на маму, а она смотрела на него, и ее синие глаза были очень серьезны.

Наконец она сказала:

– Генри, бабушка не говорила тебе ни про какого слизняка. Она сказала «сквозняк». Из сада дует ужасный пронизывающий ветер – вот что она тебе сказала.

Сквозняк! Не слизняк, а сквозняк! И все его страхи из-за какого-то сквозняка! Каким же он себя выставил дурачком! Ну да ладно, главное, что бабушка в безопасности и никакое чудовище к ней не вползет.

– Только ты никому не рассказывай, – попросил Генри.

– Бабушке я должна объяснить, но можешь быть уверен, она никому ничего не скажет.

– Ладно, бабушке скажи. Только смотри – больше никому!

Мама пообещала сохранить все в тайне, и он, мокрый, выскочил из ванны, и мама закутала его в большое махровое полотенце, и прижала к себе, и сказала, что сейчас съест его – такой он сладкий, и они вместе спели веселую песенку, а на ужин были его любимые макароны с сыром.

Эди сварила ему сосиски, поджарила картофельные оладьи и открыла банку фасоли. Пока он, сидя за кухонным столиком, поглощал все это, Эди сидела напротив и пила чай.

«Что-то она сегодня неразговорчивая», – подумал Генри. Обычно они болтали без умолку, и он очень любил слушать про все, что происходит в их округе: кто умер и какое осталось наследство; чей сын ушел с фермы и нанялся работать в гараже в Релкирке; у кого в скором времени родится ребеночек и какое это будет радостное событие. Но сегодня Эди не сообщала ему никаких новостей. Она сидела, уперев пухлые, с ямочками, локти в стол, и смотрела в окно на узкую зеленую полосу своего палисадника.

– О чем это ты задумалась, Эди? – спросил Генри. Обычно это она задавала ему такой вопрос.

Эди тяжело вздохнула:

– Ах, Генри, не знаю, что тебе и сказать...

И ничего не сказала. Но он настаивал, и тогда она ему объяснила, почему у нее такое плохое настроение. Есть у нее двоюродная сестра, которая прежде жила в Туллочарде. Зовут ее Лотти Карстерс, и все у нее в жизни неладно. Замуж она так и не вышла. Пошла было в горничные, но скоро ее уволили – очень она все плохо делала. Покуда родители не умерли, она жила с ними, а когда осталась одна, очень странно стала себя вести, и ее забрали в лечебницу. «Это у нее был нервный срыв», – сказала Эди. Но теперь ей лучше, она выздоравливает, и скоро ее выпишут из лечебницы, и она придет жить к Эди, потому что ей, бедняжке, пойти больше некуда.

«Совсем это ни к чему, – подумал про себя Генри. – Эди только моя».

– Но у тебя ведь нет комнаты для гостей, – сказал он.

– Придется отдать ей мою спальню.

– Но где же будешь спать ты сама? – возмутился Генри.

– На раскладушке в гостиной.

И как же Эди поместится на раскладушке – она ведь такая толстенькая?

– А почему Лотти не может спать на раскладушке?

– Но она будет гостьей. И зовут ее не Лотти, а Лотти.

– И долго она будет твоей гостьей?

– Не знаю, там посмотрим.

Генри подумал:

– А ты не можешь переехать к нам? Будешь помогать маме и Ви в Пенниберне?

– Господь с тобой, Генри! Лотти ведь тоже нужно помогать.

– А она мне понравится? – Это было важно узнать.

Эди не знала, что ему ответить.

– Ах, Генри, она какая-то унылая. «У нее винтиков не хватает», – так говорил мой отец. Заглянет, бывало, к нам в дверь какой-нибудь мужчина, она такой визг поднимет, как будто ее режут. И ужасная недотепа. Когда-то – это было давно – она нанялась в горничные к старой леди Балмерино и столько дорогой посуды перебила, что ее уволили. С тех пор она уже нигде не работала.

Генри совсем расстроился.

– Ты не разрешай ей вытирать пыль, – сказал он, – а то она перебьет все твои красивые статуэтки.

– Да она не только их разобьет... – мрачно начала Эди, но не договорила, хотя Генри внимал ей с большим интересом, она улыбнулась и переменяла тему. – Хочешь еще одну лепешку или приступишь к шоколадке? – спросила она.

4

Дождь перестал. Вайолет вместе с Арчи и Вирджинией стояла на крыльце Балнеда. Сырость все еще висела в воздухе, но с запада подул свежий ветерок. Подняв голову, Вайолет ощутила на щеке его дыхание. Низкие облака медленно откатывались в сторону, открывая тут и там ярко-голубые просветы, в которые устремлялись сияющие лучи солнца. Вечер обещал быть по-настоящему летним, жаль только, что прояснилось так поздно.

Старый «лендровер» Арчи ждал их на подъездной площадке. Они попрощались с Вирджинией. Вайолет чмокнула свою невестку в щеку:

– Передай привет Эдмунду.

– Передам непременно.

Вайолет и Арчи с некоторым трудом влезли в «лендровер» – Вайолет по причине преклонного возраста, Арчи из-за ноги. Арчи включил зажигание, и они двинулись. Перед выездом на шоссе Арчи замедлил ход, но движения на шоссе не было, он развернулся и поехал по улице, которая пересекала Страткрой из конца в конец.

Вот и епископальная церковь. Мистер Глоксби занимался стрижкой газона.

– Все-то он делает сам, – заметил Арчи. – Надеюсь, мы выручим приличную сумму от распродажи. Спасибо, Ви, что вы пришли сегодня. Я боялся, что вы заняты садом и не придете.

– В такую-то погоду? Нет, в дождь меня не тянет копаться в земле, – сказала Ви. – Лучше заняться каким-нибудь другим полезным делом. Знаешь, как бывает: беспокоишься о ком-нибудь из детей или внуков, места себе не находишь и тогда устраиваешь большую разборку на кухне, скребешь пол в кладовке. К вечеру беспокойство как мучило тебя, так и мучает, но хотя бы кухня блистает чистотой.

– Но вы ведь не беспокоитесь о своих, Ви? С чего бы?

– Женщины всегда беспокоятся о своих близких.

«Лендровер» проехал мимо бензозаправочной станции (когда-то здесь была плотницкая мастерская), мимо супермаркета Ишханов. За ним стояли открытыми ворота, от которых отходила частная дорога Балмерино, ведущая к заднему двору Кроя. Арчи свернул с улицы, въехал в ворота, и дорога круто пошла в гору. Когда-то, не так уж и давно, здесь начинались угодья Кроя, на зеленых пастбищах пасся породистый скот, теперь же все окрест распахали и на полях выращивали зерновые культуры и турнепс. Всего лишь несколько раскидистых деревьев осталось среди этих полей, словно для того, чтобы напоминать, как красивы когда-то были зеленые луга и рощицы.

– Что именно вас беспокоит, Ви?

Вайолет заколебалась. Арчи можно было довериться. Он ей как родной сын. Между ним и Эдмундом всего пять лет разницы. Арчи моложе, но мальчики вместе росли, вместе проводили все время и стали закадычными друзьями.

Если в Крое не было Эдмунда, значит Арчи был в Балнеде, если же мальчиков не было ни в том ни в другом доме, это означало, что они бродят по холмам с ружьями и собаками – охотятся на зайцев и кроликов или же помогают Гордону Гиллоку выжигать вереск и поправлять скрадки. Или они на озере, а может, ловят в темных заводях форель или играют в теннис, катаются на коньках. Неразлучные друзья. Братья.

Но братьями они все же не были, и жизнь развела их. Эдмунд был очень способный мальчик, быть может куда более способный, чем его отнюдь не бесталанные родители. Что касается Арчи, то он никакой склонности к наукам не проявлял.

Эдмунд, пройдя все ступени образования, с отличием окончил Кембридж, и его, подающего надежды молодого экономиста, незамедлительно пригласили работать в престижный банк в Сити.

Арчи, отнюдь не стремившийся к скучной работе в Сити, решил податься в армию. Достигнув призывного возраста, он предстал перед комиссией и с грехом пополам прошел собеседование. Скорее всего, комиссию, состоявшую из четырех старших офицеров, подкупили его дружелюбный характер и твердая убежденность, что его предназначение – армейская жизнь, и они решили не обращать внимания на более чем скромный школьный аттестат новобранца.

Арчи прошел обучение в Санхерсте, был зачислен в Королевский шотландский полк и отправлен проходить службу в Германии. Эдмунд остался в Лондоне. Он стремительно продвигался по служебной лестнице, и это никого не удивляло. Через пять лет его переманила к себе могущественная «Сэнфорд Каббен». В положенное время Эдмунд женился, и это романтическое событие добавило еще более блеска его персоне. Вайолет вспомнила, как под руку с сэром Родни Черитоном она шла по длинному проходу церкви Святой Маргариты в Вестминстере и в какой-то момент поймала себя на мысли, что в глубине души надеется, что не аура богатства, окружавшая Каролину, прельстила ее сына.

Ну а теперь колесо фортуны сделало полный оборот, и оба снова оказались в Страткрое: Арчи в Крое, Эдмунд в Балнеде. Взрослые мужчины, все еще друзья, но не такие близкие, как прежде. Много чего случилось с обоими за эти годы, и хорошее было, и горестное. Слишком много лет утекло, точно вода под мостом. Они стали совсем разными людьми: один – очень богатый бизнесмен, второй – неудачник, еле сводящий концы с концами. Но вовсе не потому былая сердечность сменилась просто вежливыми добрососедскими отношениями.

Братских чувств друг к другу они уже не питали.

Вайолет прерывисто вздохнула.

– Не вздыхайте так, Ви. Ничего страшного ведь не случилось, правда?

– Да нет, конечно, ничего страшного.

У Арчи своих бед хватает, она не станет преувеличивать свои огорчения.

– Меня беспокоит Алекса. Мне кажется, она очень одинока. Работой она довольна, у нее очень милый дом, и леди Черитон оставила ей достаточно, чтобы она безбедно жила хоть до ста лет. Но боюсь, Алекса живет скучно, ни знакомых, ни развлечений. Мне кажется, она считает, что она слишком простая, скучная, непривлекательная для мужчин девушка. Она не уверена в себе. Когда Алекса уехала в Лондон, я очень надеялась, что она заживет самостоятельной жизнью и у нее появятся друзья – ее сверстники. Но она поселилась на Овингтон-стрит и стала чем-то вроде компаньонки для своей бабушки. Хоть бы встретила какого-нибудь симпатичного, порядочного мужчину и он женился бы на ней. Ей нужен муж, который заботился бы о ней, ей нужны дети. Алекса рождена для того, чтобы растить детей.

Арчи слушал сочувственно. Он, как и все, любил Алексу.

– Потерять мать в таком нежном возрасте... может, мы не до конца понимаем, какая это была для нее тяжелая травма, – сказал он. – Может, из-за этого она чувствовала, что не такая, как другие дети. Чувствовала свою обездоленность.

Вайолет задумалась:

– Может быть, и так. Только Каролина была не слишком заботливой и любящей матерью. Она мало времени уделяла Алексе. Девочкой занималась Эди. Это она окружала Алексу любовью и заботой, и Эди никуда не исчезла, она всегда была рядом.

– Но вам ведь нравилась Каролина...

– Да, нравилась. Отношения у нас были самые хорошие, и я считала, что Эдмунд должен быть доволен своей женой. Но она была какая-то закрытая, холодная, замкнутая. Иногда я гостила у них в Лондоне. Каролина принимала меня очень радушно, она знала, что для меня большая радость побыть с Алексой и Эди. Я и радовалась, но никогда не чувствовала себя по-настоящему дома. Знаешь, я не люблю город. Улицы, дома, машины давят на меня, и у меня начинается что-то вроде клаустрофобии. Но не только в этом было дело. Каролине не

хватало открытости, простоты. Что-то мне мешало, нельзя было просто посидеть поболтать с ней. Когда мы оставались наедине, мне каждый раз стоило неимоверных усилий поддерживать разговор, а ты ведь знаешь, при желании я могу заговорить кого угодно. Мы с ней то и дело замолкали, но не так, как бывает между друзьями, когда можно и помолчать. В эти паузы я начинала усиленно ткать свой гобелен... – Ви бросила взгляд на Арчи. – Я говорю глупости или ты понимаешь, что я пытаюсь тебе объяснить?

– Понимаю. Я плохо знал Каролину, видел ее всего несколько раз и каждый раз испытывал неловкость, не знал, куда девать руки и ноги, они словно выросли на лишнем метр.

Вайолет даже не улыбнулась в ответ на это признание, мысли ее были заняты Алексой. Она молчала.

Они уже доехали до середины подъема и приблизились к повороту на Пенниберн. Тут в ограде был проем. Ворота не было, просто прогалина в стене. «Лендровер» въехал в этот проем и сотню ярдов или около того проехал по гудронированной дороге, окаймленной зелеными полосами аккуратно подстриженного газона и буковой изгородью. В конце дороги открывался довольно просторный двор, на одной стороне которого стоял небольшой белый дом, а на другой – гараж на две машины. Двери гаража были раскрыты, там виднелась машина Ви, и немного в стороне – газонокосилка, тачка и прочий садовый инвентарь. За гаражом зеленела лужайка, где были натянуты веревки для сушки белья. Сегодня на них колыхалось под ветерком белье – утром Ви успела постирать. У входа в дом стояли две деревянные кадки с розовыми гортензиями, вдоль стен пышно разрослась лаванда.

Арчи подкатил к дому и выключил мотор, однако Вайолет не собиралась вылезать – она еще не договорила.

– Не верю, что потеря матери и есть причина неуверенности Алексы в себе. И не то, что Эдмунд женился во второй раз и у Алексы появилась мачеха. Вирджиния – само внимание и забота, она неизменно ласкова с Алексой, а рождение Генри не вызвало у девочки ничего, кроме радости. Не было ни малейшего намека на ревность.

Упоминание имени Генри снова всколыхнуло в Вайолет беспокойство.

– Вот и Генри мне жаль. Боюсь, Эдмунд намерен настоять на своем и отправить мальчика в Темплхолл, но он еще не готов к жизни в интернате. Да и Вирджиния – что будет с ней, если Генри уедет. Он – вся ее жизнь, и, если его оторвут от нее против ее воли, боюсь, она уйдет от Эдмунда. Он почти совсем не бывает дома. Целые недели проводит в Эдинбурге или где-то на другой стороне земного шара. Вряд ли это способствует семейному счастью.

– Но ведь Вирджиния знала, что так будет, когда выходила за Эдмунда. И зря вы беспокоитесь, Ви. Темплхолл – хорошая школа, и директор, Колин Хендерсон, очень приятный и добрый человек. Я вполне доверяю этой школе. И Хэмишу там нравится, он себя прекрасно чувствует.

– Хэмиш совсем другой, он уже в восемь лет мог сам о себе позаботиться.

– Это верно, – не без гордости согласился Арчи. – Он умеет за себя постоять.

Вайолет пришла в голову еще одна страшная мысль.

– А они там не бьют маленьких мальчиков?

– Боже упаси! Самое тяжелое наказание – это когда сажают на деревянный стул в холле. Почему-то самые непокорные сорванцы начинают страшиться гнева Божьего.

– Рада слышать. Это чудовищно, когда маленьких детей бьют. И глупо. Дети начинают ненавидеть и бояться тех, кто их бьет. Куда разумнее наказывать их сидением на жестком стуле, тем более если они уважают, а может, и любят учителя, который назначил им такое наказание.

– Хэмиш и провел чуть ли не весь первый свой год, сидя на этом стуле.

– Ну и озорник же он! Ах, просто невозможно обо всем этом думать! А история с Лотти... Я беспокоюсь за Эди, как она будет жить с этой сумасшедшей? Мы так привыкли к Эди, что и не думаем о ее возрасте, но она ведь уже не молодая. Выдержит ли она такую нагрузку?

– Пока еще Лотти к ней не въехала. Может быть, этого и вообще не случится.

– Но не пожелаем же мы бедняге Лотти поскорее умереть, хоть это и единственный выход.

Вайолет бросила взгляд на Арчи и, к немалому своему удивлению, увидела, что он вот-вот рассмеется.

– Знаете что, Ви? Вы нагоняете на меня ужасную тоску, так я могу впасть в депрессию.

– Ах, прости меня, пожалуйста. – Вайолет дружески шлепнула его по колену. – Я ужасная паникерша, не обращай на меня внимания. Скажи, что слышно от Люсиллы?

– В последнем письме она сообщила, что приютилась на какой-то парижской мансарде.

– Говорят, дети – это радость, но частенько они – головная боль. Ну ладно, пора мне отпустить тебя домой. Изабел уж точно ждет не дождется тебя.

– А может, поедете со мной в Крой? Еще раз попьете чайку и заодно поможете нам развлекать американцев? – В голосе Арчи сквозило уныние.

От такой перспективы у Вайолет кольнуло сердце.

– Пожалуй, я на это не гожусь, Арчи, очень устала. Или я поступаю как последняя эгоистка?

– Да нет, что вы! Просто мне вдруг пришло в голову. В иные дни совсем нет сил ублажать их разговорами да шуточками. Но это ерунда по сравнению с тем, какая забота легла на Изабел.

– Можно представить, как это тяжело! Возить их туда-сюда, готовить, кормить, стелить постели. Да еще занимать разговорами. Хоть это и всего две ночи в неделю, но, может быть, вам бросить этим заниматься и подумать о чем-нибудь другом?

– А вы можете что-нибудь придумать?

– Ну, не сразу. Но так хочется изменить вашу жизнь. Конечно, прошлого не вернешь, но иногда я думаю, как было бы хорошо, если бы в Крое было все по-прежнему. Если бы живы были твои милые родители, а вы все снова стали бы юными. Учились бы в школе, приезжали на каникулы, гоняли на машинах. И в доме голоса, смех...

Она повернулась к Арчи, но он смотрел в сторону, на лужайку, где сушились полотенца, наволочки, лифчики и шелковые панталоны Вайолет. Как будто вдруг заинтересовался этим зрелищем.

«А вы с Эдмундом по-прежнему были бы неразлучны», – мысленно добавила Вайолет, но вслух не сказала.

– И Пандора была бы здесь. Озорная чаровница Пандора. Вместе с ней дом покинул смех, у меня всегда было такое чувство...

Арчи молчал. Потом проговорил:

– Так оно и есть. – И больше не сказал ничего.

Замолчала и Вайолет. Потом, чтобы заполнить неловкую паузу, начала собирать свои вещи.

– Не буду тебя больше держать, Арчи. – Она распахнула дверцу и выбралась из машины. – Спасибо, что подвез.

– Рад был услужить, Ви.

– Передавай привет Изабел.

– Передам. До скорого.

Вайолет подождала, пока он не развернулся, и проводила взглядом его старый «лендровер». Она чувствовала себя виноватой. Надо было поехать с ним и помочь им развлекать американцев. Но теперь уже поздно сожалеть – он уехал. Вайолет пошарила в сумочке, извлекла оттуда ключ и вошла в дом.

Арчи продолжал свой путь. Подъем пошел круче. Впереди показалась купа деревьев: шотландские сосны, высокие буки. За ней и над ней поднимался в небо крутой склон с каменистыми обрывами и насыпями, поросшими утесником и папоротником. Арчи доехал до буков и

сосен, это была высшая точка дороги, отсюда она, повернув налево, пошла вниз и скоро выровнялась. Еще немного, и он въедет в буковую аллею, ведущую к дому. С холма начинал свой путь ручеек, то разливаясь маленькими озерцами, то обрушиваясь вниз водопадом, становясь все многоводнее, и вот уже не ручеек, а речка течет под горбатым каменным мостом и дальше по склону холма, а еще дальше – через сад Вайолет Эрд. Речка Пенниберн.

Под буками лежала тень. Лучи солнца зелеными зайчиками с трудом прорывались сквозь кроны деревьев. Арчи ехал под сводом густых ветвей, точно по центральному проходу грандиозного собора. Но вот проход оборвался, и впереди, на гребне холма, открылся квадратный дом; перед ним, словно припав к его стопам, расстилалась лесистая долина. Ветер сделал свое дело – порвал в клочья и рассеял облака, прогнал туман. Мирные поля и дальние холмы заливал золотистый солнечный свет.

Арчи вдруг захотелось остановить машину, побыть одному, подумать. Он эгоист, конечно. Он и так опоздал, Изабел ждет его, ей нужна его помощь. Но Арчи подавил угрызения совести и остановил машину, благо он был еще достаточно далеко от дома и оттуда не могли слышать шум мотора.

Вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь шелестом ветерка в ветвях деревьев да посвистом кроншнепов. Арчи вслушался в тишину и услышал слабое блеяние овец на дальнем лугу. И голос Вайолет: «...А вы все снова стали бы юными... приезжали бы на каникулы... И Пандора была бы здесь...»

Зря она это сказала. Лучше не тревожить память – воспоминания порой заставляют страдать.

«А вы все снова стали бы юными».

Он вспомнил Крой, каким тот был когда-то. Вспомнил, как приезжал школьником на каникулы, а потом в отпуск солдатом. Как он в открытой спортивной машине на полной скорости взлетал на холм – ветер сек ему лицо, щеки горели огнем – и с уверенностью знал, как знают только в юности, что дома все по-прежнему и все будет так, как бывало всегда, что ничего не изменилось. Он лихо подкатывал к крыльцу, скрипели тормоза, из открытой парадной двери с лаем выскакивали собаки и приветствовали его радостным визгом. А когда он входил в прихожую, навстречу ему, слышав весь этот шум и гам, уже спешили обитатели дома: мать, отец, дворецкий Харрис и повариха миссис Харрис, горничная и приходящая прислуга.

– Арчи, дорогой, добро пожаловать!

И Пандора, его младшая сестра – в ту пору ей было тринадцать или около того, но она уже была красавицей, – слетала вниз по лестнице и бросалась к нему в объятия. Ее лицо всплыло у него перед глазами: красиво изогнутые сочные губы, чуть косящий взгляд, в котором уже таилось женское коварство. Он подхватывал ее и кружил вокруг себя. И сейчас он словно ощутил легкость ее тела, услышал ее голос.

«Приехал, бродяга, и у тебя новая машина! Я видела из окна. Прокати меня, Арчи, чтоб ветер свистел в ушах! Сто миль она выжимает?»

Пандора... Арчи улыбался. С детских лет жизнь била в ней ключом, она заражала всех своей жизнерадостностью, кипучей энергией, весельем, с ней никогда не было скучно. Откуда она взялась такая? Наверное, ее подкинули эльфы – она совсем не похожа на своих родных.

Он помнил ее еще малюткой, потом девчушкой, прелестной длинноногой девчонкой-подростком. Она всегда была тоненькой и прелестной, уверенной в себе. В шестнадцать лет ей можно было дать все двадцать. Все его друзья влюблялись в нее, а если и не влюблялись, то все равно подпадали под ее обаяние и подчинялись ей беспрекословно.

Юные Блэры наслаждались жизнью. Вечеринки, охота, летом теннис. Августовские пикники на поросших вереском лиловых холмах. Он вспомнил, как однажды Пандора заявила, что умирает от жары, и, сбросив с себя всю одежду, нырнула в озеро. На застывших от изумления

зрителей она и не взглянула. И танцы чуть ли не каждый вечер. Пандора в белом шифоновом платье, с загорелыми голыми плечами, порхает от одного кавалера к другому...

Она уехала. Вот уже двадцать лет, как не была дома. В восемнадцать лет она сбежала с женатым американцем, с которым познакомилась летом, – он зачем-то приехал в Шотландию. Это случилось вскоре после свадьбы Арчи. Пандора уехала с этим американцем в Калифорнию и спустя какое-то время стала его законной женой. Событие неприятно поразило все графство, но семейство Балмерино любили и уважали. «Может быть, она вернется», – с надеждой говорили знакомые. Пандора не вернулась. Не приехала даже на похороны родителей. Она словно закружилась в бурном водовороте – одно увлечение сменялось другим, и все они быстро затухали. Разведясь со своим первым мужем, американцем, она переехала в Нью-Йорк, потом во Францию и несколько лет жила в Париже. Время от времени, отнюдь не часто, Арчи получал от нее открытку с наскоро начерканным адресом; размашистый крест внизу означал поцелуй. Теперь она живет на Мальорке, у нее там вилла, и, похоже, ее наконец прибило к берегу. Бог знает, кто теперь ее очередной спутник.

Они с Изабел давно уже перестали сокрушаться и давать Пандоре советы, однако случалось, на Арчи находила хандра и он отчаянно тосковал по сестре. Молодость кончилась, от отцовского поместья остался, в общем-то, один только дом. Дворецкий Харрис и миссис Харрис давно уже удалились на покой, из прислуги лишь одна Агнес Купер два раза в неделю поднималась к ним из деревни помогать Изабел с обедом и уборкой.

С охотничьими угодами дело обстояло не лучше. Егеря Гордон Гиллок все еще жил в своем каменном домике, сохранилась и псарня, но угоды были отданы в пользование синдикату, и жалованье егерю платил Эдмунд Эрд. Ферма тоже уплыла, а луга были распаханы под посевы зерновых и овощей. Милый старый садовник – часть детства Арчи – в конце концов умер, и нового уже не нанимали. Любимый сад старика зарос травой, кусты не обрезались, рододендроны образовали мощные заросли, а теннисный корт порос мхом. Теперь Арчи сам был садовником, иногда ему помогал Вилли Снодди, который жил в неказистом домике на конце деревни, ловил кроликов, браконьерствовал и рад был хоть изредка подзаработать деньжонок на выпивку.

А он сам? Что случилось с ним? Бывший подполковник, демобилизованный по инвалидности. Шестидесятипроцентная надбавка к пенсии, алюминиевый протез и кошмары по ночам. Но Крой все еще принадлежит ему. Спасибо Изабел, это она помогла ему выстоять. И дай бог, дом и поместье унаследует его сын Хэмиш. Да, сам он инвалид, еле сводящий концы с концами, но Крой принадлежит ему – Арчи Балмерино!

Арчи усмехнулся. Балмерино из Кроя! Так красиво звучит, и так все нелепо на самом деле. Что толку вспоминать прошлое, снова и снова искать причины своих неудач? Прошлого не вернешь. Леди Балмерино ждет его, у него есть обязанности, и он должен их исполнять.

Странно, но Арчи почему-то почувствовал себя бодрее. Он включил мотор и поехал к дому.

5

День и вправду разгулялся, и после чая Генри отправился с Эди в сад. Между двумя яблонями была натянута веревка для белья. Генри помог Эди снять белье и сложить его в корзину, они вместе встряхивали и аккуратно, чтобы не было складок, свертывали простыни. Покончив с этим делом, вернулись в дом, Эди установила гладильную доску и принялась за работу. Генри нравилось смотреть, какими гладкими и блестящими становятся под утюгом чуть влажные наволочки и скатерть, он с удовольствием вдыхал аромат свежести.

– Ты так замечательно гладишь, Эди! – сказал Генри.

– Еще бы не замечательно – я ведь столько лет этим занимаюсь.

– А сколько лет, Эди?

– Дай посчитать... – Она поставила утюг на подставку и отложила наволочку. – Сейчас мне шестьдесят восемь, а было восемнадцать, когда я пришла работать к миссис Эрд. Вот и посчитай.

Это сосчитать Генри уже умел.

– Пятьдесят лет.

– Пятьдесят лет, если загадывать наперед – это очень долго, а вот когда оглядываешься назад – пролетели в один миг. Только диву даешься, что это такое – жизнь!

– Расскажи мне про Алексу и про Лондон.

В Лондоне Генри никогда не был, а Эди там какое-то время жила.

– Господи, Генри, я тебе уже тысячу раз рассказывала.

– А мне хочется еще раз послушать. Пожалуйста, Эди!

– Ну ладно... – Эди туго загладила острую, как лезвие ножа, складку. – Когда твой папа был совсем молодой, он женился на девушке, которую звали Каролина. Свадьбу решили сыграть в Лондоне, в церкви Святой Маргариты в Вестминстере, и вот мы все поехали в Лондон и остановились в отеле под названием «Баркли». Шикарный отель, я тебе скажу. А уж свадьба какая была красивая! Десять подружек невесты, одна другой краше, все в белых платьях, точно стая лебедей. После венчания мы все поехали в другой шикарный отель, называется «Ритц», все официанты там были во фраках и такие важные, что и не разберешь, кто они – гости или официанты. И шампанское там было, и столько всяких кушаний, что я и не знала, с чего начать.

– А желе было?

– Всех цветов. Желтое, красное, зеленое. И копченая семга, и маленькие сэндвичи, такие вкусные, прямо пальчики оближешь, и замороженный виноград, обсыпанный сахаром. А платье на Каролине было из такого тонкого шелка, что казалось, она вот-вот улетит. С длинным шлейфом, а на голове бриллиантовая диадема, это ей отец подарил на свадьбу. Она была как королева.

– А она была красивая?

– Ах, Генри, все невесты прекрасны.

– Она была такая же красивая, как моя мамочка?

Но Эди не так-то легко было сбить с толку.

– Она была красивая, но по-другому: очень высокая и у нее были красивые черные волосы.

– А тебе она нравилась?

– Конечно нравилась. Разве я поехала бы в Лондон нянчить Алексу, если бы она мне не нравилась.

– Расскажи мне, как ты поехала.

Эди покончила с наволочками и взялась за синюю клетчатую скатерть.

– Это было как раз после того, как умер твой дедушка Джорди. Я тогда еще жила в Балнеде, служила у твоей бабушки Ви. Мы вдвоем с ней жили, одни во всем доме. О том, что скоро родится Алекса, мы знали – Эдмунд приезжал на похороны отца и сказал нам. «У Каролины вот-вот появится сын или дочка», – сказал он, и для бабушки Ви это было большим утешением. Дедушки Джорди уже не было с ней, но вот скоро в их семье появится новая жизнь. А потом мы узнали, что Каролина ищет для малышки няню. Твоя бабушка забеспокоилась. Она не могла допустить, чтобы какая-то чужая женщина, которая, может, толком и не знает, как обращаться с ребенком, какая-то незнакомая женщина брала на руки ее внучку и забивала ее головку всяким вздором. Попадется лентяйка, так она и не поговорит с ребенком, не почи-тает ему. У меня-то и в мыслях не было ничего такого, пока бабушка Ви меня не попросила. Ужасно мне не хотелось оставлять Балнед и Страткрой, но мы все говорили и говорили об этом и решили, что другого выхода нет. Вот я и поехала в Лондон...

– Наверное, папа был очень рад, когда тебя увидел?

– Да уж конечно. Вообще-то, меня сам Бог послал, не знаю, что бы они без меня делали. Алекса-то родилась здоровенькой, а вот Каролина после родов сильно заболела.

– Корью?

– Нет, не корью.

– Коклюшем?

– Нет, не простой болезнью, нервами она заболела. Послеродовая депрессия, так доктора говорили. Тяжелая болезнь. Ее положили в больницу, и когда она вернулась домой, то совсем ничего не могла делать, а уж о том, чтобы ухаживать за малышкой, и речи не было. Но потом ей стало немного лучше, и ее мать, леди Черитон, увезла ее на красивый остров Мадейру, и месяца через два она пришла в себя.

– А ты осталась в Лондоне совсем одна?

– Нет, не совсем одна. У меня была помощница, очень милая женщина, она приходила каждый день убирать в доме и помогать мне, и твой папа тоже мне помогал.

– А почему ты не вернулась в Шотландию и не привезла Алексу к Ви?

– Да мы уже было собрались поехать погостить, думали подгадать к свадьбе лорда и леди Балмерино... ну Арчи тогда, конечно, был еще просто Арчи Блэр, а не лорд Балмерино. Красивый молодой офицер. Каролина все еще отдыхала на Мадейре, и Эдмунд сказал, что мы втроем поедем на свадьбу и остановимся в Балнеде. Бабушка Ви, когда узнала, что мы собираемся приехать, ужасно обрадовалась. Она достала с чердака детскую кроватку, выстирала детские одеяльца, обтерла пыль со старой детской коляски. И тут вдруг у Алексы начали резаться зубки, а она была еще совсем малышкой, и очень ей пришлось худо. Плакала, бедняжка, ночи напролет, а я ничем не могла ей помочь. Так мы с ней мучились недели две, ни одной ночи спокойно не спали, и в конце концов Эдмунд решил, что никак нам нельзя отправляться в такое далекое путешествие. Он, конечно, был прав, но я чуть не плакала от огорчения, так хотелось мне съездить в Балнед.

– Ви, наверное, тоже огорчилась.

– Уж это точно.

– А папа поехал на свадьбу?

– Да, он поехал. Они с Арчи с детства дружили. Он не мог не поехать, только поехал один.

Эди закончила гладить скатерть и перешла к своей нарядной блузке. Носом утюга она старательно проглаживала сборки у плеча. Это было потруднее, чем выгладить наволочку.

– Расскажи мне про лондонский дом.

– А ты не устал от всех этих историй, мой мальчик?

– Я люблю слушать, как ты рассказываешь про этот дом.

– Ну ладно, так и быть, еще раз расскажу. Дом этот стоит в Кенсингтоне. Высокий, узкий, но очень солидный дом. Кухня в подвальном этаже, а детские – на самом верхнем. Мне каза-

лось, этой лестнице нет конца. Но дом очень красивый, и столько в нем было всяких дорогих вещей... И все время приходил кто-нибудь из знакомых, а к обеду приглашали гостей. Дамы были такие нарядные! Мы с Алексой, бывало, сядем на ступеньку на повороте лестницы и смотрим сквозь перила, как они входят через парадную дверь.

– А вас никто не замечал?

– Нет, нас они не видели. Мы как в прятки играли.

– А еще вы ходили к Букингемскому дворцу...

– Да, мы любили смотреть смену караула. А иногда садились в такси и ехали в Риджентс-парк посмотреть на львов – там очень хороший зоопарк. Когда Алекса подросла, я водила ее в школу и в танцкласс. Туда ходили и маленькие лорды, и леди, а уж как задирали нос их няньки, и не рассказать!

Маленькие лорды и леди и дом, полный дорогих вещей... «Какая интересная была у Эди жизнь!» – решил Генри.

– Наверное, ты очень горевала, когда пришлось уехать из Лондона? – спросил он.

– Ах, Генри, я горевала, потому что случилось несчастье. Потому мы и уезжали. Страшная трагедия. Ты только подумай: какой-то мужчина гонит на бешеной скорости машину и ему даже в голову не приходит, что на дороге может кто-то оказаться. И вот за какое-то мгновение Эдмунд потерял жену, а Алекса – мать. А леди Черитон своего единственного ребенка, свою единственную дочь – Каролина умерла.

Умерла. Какое страшное слово. Точно щелкнули ножницы и перерезали надвое нить, и ты знаешь, что теперь уже никогда-никогда не связать концы вместе.

– Алекса огорчилась?

– «Огорчилась» не совсем подходящее слово. Это была такая тяжкая утрата!

– Но зато вы вернулись в Шотландию.

– Да, мы вернулись. – Эди вздохнула и сложила блузку. – Мы все вернулись. Твой отец работал в Эдинбурге, а мы с Алексой поселились в Балнеде, и нам стало немного легче. Горе – оно тебя ударит, а потом отпустит, не надо нести его с собой через всю жизнь. Пройдет время, и оставь горе на обочине, а сам шагай дальше по дороге. Для Алексы началась совсем другая жизнь. Она пошла в школу в Страткрое, в ту самую, куда теперь ходишь ты, и завела дружбу с местными ребятами. А твоя бабушка Ви подарила ей велосипед и маленького шотландского пони. Про Лондон она теперь и не вспоминала, да и никто, глядя на нее, не сказал бы, что она городская девочка. Но все же, когда она подросла и смогла ездить самостоятельно, каждый раз на каникулы она ехала в Лондон навестить свою вторую бабушку. Хоть этим мы могли порадовать бедную леди Черитон.

Глаженье было закончено. Эди выключила утюг, убрала гладильную доску. Но Генри не отставал с расспросами:

– А до Алексы ты нянчила папу, да?

– Нянчила. До того самого дня, когда ему исполнилось восемь лет и он уехал в интернат.

– Я не хочу уезжать в интернат, – сказал Генри.

– Не придумывай, Генри! – твердо сказала Эди. Надо было сразу же остановить его, а то еще в слезы ударится. – Почему это ты не хочешь? Там много твоих сверстников, и там очень весело, каждый день играют в футбол, в крокет.

– Не хочу никаких сверстников, и друзей мне тоже не надо. И мне не позволят взять туда с собой Му.

Про Му Эди все было известно – это был кусок старого одеяльца Генри с детской кровати. Му жил под подушкой и помогал Генри засыпать. Без Му он не мог заснуть. Му был для него очень важен.

– Да, Му ты не сможешь взять с собой, – согласилась Эди. – Но никто не будет возражать, если ты возьмешь с собой плюшевого мишку.

– Мишка мне не помогает. Да к тому же Хэмиш Блэр говорит, что только малыши берут с собой плюшевых мишек.

– Хэмиш Блэр говорит много глупостей.

– И тебя там не будет, а кто меня накормит?

Голос у Эди смягчился. Она протянула руку и взъерошила мальчугану волосы:

– Ты мой малыш! Но всем приходится становиться старше и куда-то уезжать. Земной шар перестал бы крутиться, если бы мы все оставались на одном и том же месте. – Эди взглянула на часы. – Знаешь что, Генри, тебе пора отправляться домой. Я обещала твоей маме, что к шести ты вернешься. Пойдешь один или мне проводить тебя?

– Не провожай, – сказал Генри. – Я пойду один.

6

Эдмунду Эрду было под сорок, когда он женился второй раз, а его второй жене Вирджинии двадцать три года. Родилась она не в Шотландии, а в семье отставного офицера Девонского и Дорсетского полка. Получив в наследство большой земельный участок между Дартмуром и Атлантическим океаном, ее отец оставил службу и занялся сельским хозяйством. Большую часть года Вирджиния проводила в Девоне, но мать у нее была американка, и каждое лето мать и дочка пересекали океан, чтобы провести жаркие месяцы, июль и август, в старом семейном доме матери. Он был в Лиспорте, на южном берегу Лонг-Айленда, в поселке, смотревшем через Большой Южный залив на дюны Огненного острова.

Это был старый деревянный дом, просторный, полный воздуха. Морские бризы продували его насквозь, развевая легкие занавески и наполняя ароматом цветов. Сад был большой, от тихой, затененной деревьями улицы его отгораживал забор из штакетника. Широкие веранды были затянуты сеткой от комаров и прочей летающей нечисти. Но главная прелесть дома была в том, что прямо к нему примыкали теннисные корты, площадка для гольфа, рестораны, бары и огромный, с бирюзовой водой бассейн местного клуба. Молодежь проводила там время с утра до вечера.

Дождливый, туманный Девон отступил куда-то на край света. Здесь был совсем другой мир, сияющий и веселый. Заморские каникулы отшлифовывали Вирджинию, она явно выделялась в кругу своих английских подруг. Ее наряды, купленные на Пятой авеню, отличались изысканностью и отвечали всем последним требованиям моды. Она унаследовала протяжный выговор своей матери, что придавало особую прелесть ее голосу. Длинноногая блондинка с модной прической, она вызывала восхищение, ну а где восхищение, там и зависть, одного без другого не бывает. Вирджиния рано научилась не придавать особого значения ни тому ни другому.

Не слишком склонная к наукам, она любила спорт, загородные прогулки и прочие развлечения на свежем воздухе. На Лонг-Айленде играла в теннис, гребла и плавала, в Девоне каталась верхом на лошадях, а зимой принимала участие в охоте на лис. По мере того как она выросла, в ее свите появлялось все больше молодых людей. Те, кто хоть раз видел Вирджинию верхом на быстром скакуне, в охотничьем костюме или наблюдал, как уверенно она отбивает мячи, летая по теннисному корту в белой юбочке, которая едва прикрывала попку, теряли голову и следовали за ней неотступно. На рождественских танцах, согласно известной поговорке, кавалеры липли к ней, как к горшку с медом. Если Вирджиния была дома, телефон не умолкал ни на минуту, и все звонки адресовались ей. Отец Вирджинии роптал, но в глубине души гордился своей дочкой. Со временем он установил второй аппарат и перестал роптать.

Окончив школу, Вирджиния уехала в Лондон и выучилась печатать на электрической машинке. Скучнее работы не придумаешь, но ничего другого ей не оставалось – ни талантами, ни честолюбием она не отличалась. Она поселилась с подругой в квартире в Фулеме и брала работу с тем расчетом, чтобы иметь возможность принимать все приятные приглашения и ездить, куда ей захочется. Недостатка в поклонниках по-прежнему не было, но теперь они были другими – старше, богаче и иной раз женатые. Вирджиния позволяла им тратить на нее большие деньги, приглашать на ужины и дарить подарки. А потом, когда очередной воздыхатель совсем терял голову и становился настойчивым, она без всякого предупреждения исчезала из Лондона – провести еще одно блаженное лето в старом доме на Лонг-Айленде, погостить у друзей в Ивисе, прокатиться на яхте вдоль западного берега Шотландии или провести Рождество в Девоне.

В один из таких стремительных побегов она повстречала Эдмунда Эрда. Был сентябрь, начался сезон охоты и охотничьих балов, и школьная подруга пригласила ее погостить в их

поместье в Релкиркшире. Но еще до бала был дан грандиозный обед, и приезжие гости и местные знакомые собрались в огромной библиотеке.

Вирджиния пришла в библиотеку последней. На ней было светло-зеленое платье, такое светлое, что казалось почти белым, сильно декольтированное, скрепленное на одном плече атласной веткой зеленого плюща.

Она сразу увидела его. Он стоял спиной к камину, высокий, в черных волосах сквозит седина, точно у чернобурого лиса. Глаза их встретились, и оба не сразу отвели взгляд. Шотландский наряд был Вирджинии не в новинку, но она, пожалуй, впервые встретила мужчину, которому он был так к лицу и который так свободно держался в этом экзотическом одеянии – клетчатой юбке, узорчатых длинных носках и темно-зеленой куртке с серебряными пуговицами.

– ...Вирджиния, дорогая, я тебя заждалась!

Это была хозяйка дома.

– Скажи мне, пожалуйста, кого ты тут знаешь и кого не знаешь?

Незнакомые лица, новые имена. Она их почти не слышала. И вот наконец...

– ...А это Эдмунд Эрд. Эдмунд, это Вирджиния, она у нас гостит. Можешь не заводить с ней разговор, за обедом вы сидите рядом, тогда вдоволь наговоритесь...

Никогда прежде она не влюблялась так мгновенно и безоглядно. Романы, конечно, были. В упоительном Лиспортском клубе они с ума сходили от романов, но больше нескольких недель увлечение, как правило, не длилось. В этот вечер все было иначе, Вирджиния точно знала, что встретила того единственного человека, с которым хотела бы прожить до конца жизни. Ей не понадобилось много времени, чтобы понять: совершается чудо и Эдмунд чувствует то же, что и она.

Мир стал прекрасен. Ничто не должно им помешать. Ослепленная счастьем, она готова была, отбросив все условности, немедленно верить Эдмунду свою судьбу. Если понадобится, жить с ним в глуши, на краю света, на вершине горы, в греховной связи. Ее не остановило бы никакое препятствие.

Но Эдмунд, потеряв сердце, не терял головы. Он изложил ей свои соображения. Кроме всего прочего, он директор шотландского отделения «Сэнфорд Каббен», довольно важная персона, и средства массовой информации не обделяют его своим вниманием. Эдинбург – город небольшой, у него много друзей и сослуживцев, он дорожит их уважением и доверием. Открыто пренебречь общепринятой моралью и отдать свое имя на съедение бульварным газеткам будет не только глупо, но и опасно – это может его разорить.

К тому же он должен подумать и о своей семье.

– О твоей семье?

– Да, о семье. Я ведь уже был женат.

– Было бы странно, если бы не был.

– Моя жена погибла, ее сбил автомобиль. Но у меня есть дочь Алекса, ей десять лет. Она живет в Страткрое вместе с моей матерью.

– Я очень люблю маленьких девочек. Я буду о ней заботиться.

Но имелись и другие препятствия, надо было смотреть правде в глаза.

– Вирджиния, я на семнадцать лет старше тебя. Скажи, сорок лет – это уже старость?

– Твой возраст не имеет для меня ровно никакого значения.

– А глухая глубинка Релкиркшир для тебя что-нибудь значит?

– Я завернусь в шотландку и воткну в шляпу перо.

Эдмунд засмеялся:

– К сожалению, веселый сентябрь – это всего лишь один месяц, а зима длится бесконечно, зимой холодно и темно. Все наши друзья живут за несколько миль друг от друга. Край наш словно погружается в зимнюю спячку. Боюсь, такая жизнь тебе быстро наскучит.

– Право, мне кажется, Эдмунд, что ты просто стараешься отговорить меня.

– Ничего подобного, но ты должна знать всю правду. Я хочу, чтобы у тебя не было никаких иллюзий. Ты так молода и красива, у тебя вся жизнь впереди...

– Жизнь с тобой...

– И еще одно обстоятельство – моя работа. Она отнимает у меня уйму времени, и я часто уезжаю за границу, случается, на две-три недели.

– Но ты ведь будешь возвращаться ко мне.

Она была непреклонна, и он обожал ее. Он вздохнул:

– Ради нас обоих я хотел бы, чтобы все было по-другому. Я хотел бы снова стать молодым и не чувствовать на себе бремени ответственности. Хотел бы быть свободным и поступать, как мне хочется. Тогда мы могли бы жить вместе, у нас было бы время получше узнать друг друга. И тогда мы были бы совершенно уверены.

– Я и сейчас совершенно уверена.

Она не лукавила – у нее не было ни малейших колебаний. Он обнял ее, прижал к себе.

– Что ж, больше я не вижу никаких препятствий, – сказал он. – Я женюсь на тебе.

– Бедняжка!

– Но будешь ли ты счастлива? Больше всего на свете я хочу сделать тебя счастливой!

– Ах, Эдмунд! Мой любимый Эдмунд! Но что же такое тогда – счастье?

Два месяца спустя, в конце ноября, в Девоне, они поженились. Венчание было скромное, в маленькой церкви, где когда-то Вирджиния приняла крещение.

Началась новая жизнь. О прежней Вирджиния не сожалела. Черда романов и увлечений кончилась, Вирджиния о них и не вспоминала. Теперь она была миссис Эдмунд Эрд.

После медового месяца они уехали в Балнед, в новый дом Вирджинии, к ее новой вдруг появившейся семье – к Вайолет, Эди и Алексе. Ее прежняя жизнь не имела ничего общего с той, что ее ждала теперь, и она как могла старалась приспособиться к ней. Не могла не стараться хотя бы потому, что другие тоже старались. Вайолет без всяких разговоров переселилась в Пенниберн. Она показала, что не намерена вмешиваться в их жизнь. Эди повела себя не менее тактично. Настало время и ей наконец поселиться в деревне, в маленьком домике, где она выросла и который достался ей в наследство от матери, сказала она. Теперь она только приходила помогать, распределяя свое время между Вирджинией и Вайолет.

Эди не только помогала Вирджинии вести дом – сил у нее в ту пору было хоть отбавляй, – но и давала уйму полезных советов и много чего рассказала. Это она, ради Алексы, посвятила Вирджинию в некоторые подробности жизни Эдмунда с первой женой. Но, однажды рассказав, Эди никогда больше не возвращалась к этой теме. Прошлое кануло в прошлое. Утекла вода, как в речке под мостом. Вирджиния была ей благодарна. Эди могла бы стать ложкой дегтя в бочке меда – она ведь прожила в доме много лет, она много чего видела и слышала, – а вместо того она стала Вирджинии близкой подругой.

Отношения с Алексой наладились не так скоро. Добрая и мягкая по натуре, девочка была стеснительна и несколько замкнута. Слово «хорошенькая» к ней вряд ли подходило – она была невысокая, довольно крепкого сложения, со светло-рыжими волосами и белой кожей, какая бывает при таком цвете волос. В новой семье Алекса поначалу чувствовала себя не совсем уверенно, но очень старалась угодить мачехе. Вирджиния отвечала ей с неменьшим старанием – эта маленькая девочка была дочерью Эдмунда, а значит, играла важную роль в их совместной жизни. Матерью она ей никогда не станет, но она может быть ей сестрой. Незаметно, без нажима, она помогла Алексе высвободиться из ее раковины – разговаривала с ней, как будто они ровесницы, тщательно следила, чтобы не задеть какую-то болезненную струну. Она играла с Алексой во все ее игры, рисовала, укладывала спать ее кукол и привлекала ее к своим делам и заботам, что было и удобно, и важно – Алекса чувствовала себя нужной в доме.

Так продолжалось с полгода, но игра стоила свеч. Вирджиния была щедро вознаграждена – Алекса не только прониклась доверием к своей мачехе, она восхищалась ею.

Теперь это была дружная семья, да и друзья мужа потянулись к ней. Эдмунда любили, а он выбрал ее, и потому им все пришлось по душе – и молодость Вирджинии, и ее характер. Встретили ее со всем мыслимым радушием, особенно семейство Балмерино, но и другие тоже. Вирджиния была девушкой общительной, и у нее не замедлили появиться собственные друзья. Когда Эдмунд уезжал в деловую поездку – а он только и делал, что уезжал с самого начала их семейной жизни, – все начинали проявлять к Вирджинии усиленное внимание, приглашали ее в гости, звонили по телефону, чтобы удостовериться, что она не страдает от одиночества и не чувствует себя несчастной.

Но она не чувствовала себя несчастной. Отнюдь. Ей даже нравилось, что муж уезжает. Разлука усиливала любовь: каждый раз, когда он возвращался, она еще больше радовалась своему счастью. В его отсутствие Вирджиния заполняла дни общением с Алексой и с новыми друзьями, домашними хлопотами и считала часы, оставшиеся до возвращения Эдмунда. Из Гонконга. Из Франкфурта. Однажды он взял ее с собой в Нью-Йорк и после завершения всех дел позволил себе недельный отпуск. Они провели его в Лиспорте, и эта неделя осталась лучшим воспоминанием в ее жизни.

А потом появился Генри.

Если и могли в ее жизни быть перемены к лучшему, то Генри совершил такую перемену. С появлением сына Вирджиния почти совсем перестала ходить в гости. Она и не представляла себе, что способна на такую самоотверженную любовь. Это была совсем другая любовь, не такая, как к Эдмунду, и она пришла так неожиданно, что казалось, совершилось какое-то чудо. Прежде Вирджиния не задумывалась о том, что это такое – стать матерью, об истинном значении слова «материнство». Крохотное человеческое существо поглотило ее в полнейшее изумление.

Домашние поддразнивали ее, но она не обращала на это ни малейшего внимания. Днем она охотно делила сына с Вайолет, Эди и Алексой, но по вечерам Генри принадлежал только ей одной. Она наблюдала, как он растет, восхищаясь всеми его достижениями: вот он сделал первый шаг, произнес первое слово. Она без усталости играла с ним, рисовала ему картинки, смотрела, как Алекса, усадив братишку в старую кукольную коляску, катает его по газону. Они лежали рядышком в траве и наблюдали за муравьями, гуляли по берегу речки и швыряли камешки в быстрый желтый поток, а зимой уютно устраивались у камина, и Вирджиния читала сыну книжки.

Генри исполнилось два года, потом три, потом пять. Вирджиния отвела его в начальную школу в Страткрое. Стоя у калитки, она смотрела, как он уходит от нее по дорожке, направляясь к зданию школы. Вокруг него было полно детей, и никто не обращал на него внимания. В этот момент он показался ей совсем маленьким и беззащитным, невыносимо было видеть, как он уходит от нее.

Три года спустя он был все таким же беззащитным малышом, и желание защитить его все усиливалось. Оттого и появилось тревожное облако на горизонте – Вирджиния испытывала страх за сына.

Время от времени, разговаривая о том о сем, они с Эдмундом касались будущего Генри, и тогда Вирджиния – именно Вирджиния – уклонялась от подробного обсуждения этой темы. Однако Эдмунд точно знал ее мнение на этот счет и со временем вовсе перестал об этом говорить. Вирджиния и рада была, она не хотела начинать с ним борьбу. Прежде она никогда не противоречила мужу, наоборот, с радостью предоставляла ему решение всех важных проблем. Что и говорить, он был старше и мудрее ее, обладал куда большим жизненным опытом. Но тут было совсем другое – дело касалось Генри.

Может, если она не будет настаивать на своем, а просто пропустит мимо ушей то, что говорит Эдмунд, все устроится само собой, думала она.

Арчи и Вайолет уехали, а Вирджиния еще долго стояла перед домом, размышляя, чем бы ей теперь заняться. Собрание церковного совета разбило день надвое, но об ужине еще рано думать. Погода заметно улучшилась, вот-вот засияет солнце. Может, поработать в саду? Нет, что-то не хочется. В конце концов Вирджиния пошла в дом, собрала чашки со стола и отнесла их на кухню. Под столом, каждый в своей корзинке, дремали спаниели Эдмунда. Заслышав ее шаги, они мгновенно выскочили из корзинок и завили хвостиками в предвкушении прогулки.

– Сейчас поставлю чашки в машину, и пойдем прогуляться, – сказала им Вирджиния. Она всегда разговаривала с собаками, и иногда, как, например, сейчас, звук собственного голоса действовал на нее успокаивающе. Неслучайно старые люди часто говорят сами с собой. Можно их понять.

Собаки вертелись у Вирджинии под ногами. Она прошла в глубину кухни, сняла с крючка старую куртку, сунула ноги в резиновые сапоги, и они отправились в путь. Собаки понеслись вперед по дорожке, протянувшейся вдоль южного берега речки. Двумя милями выше по течению речку пересекал еще один мост, дорога отсюда вела к главному шоссе, а значит, и в деревню. Но Вирджиния миновала мост и пошла дальше по берегу туда, где деревья кончались и начиналась пустошь, – вдаль к холмам уходили мили вереска, травы и папоротника-орляка. Далеко на склоне холма паслись овцы. Вокруг стояла тишина, лишь вода струилась в реке.

Она подошла к плотине; вода переливалась через стену, а позади нее образовалась глубокая заводь. Любимое местечко Генри, он тут купался. Вирджиния села на траву – на том месте, где они летом устраивали пикник. Собаки обожали речку. Они стояли по брюхо в воде и лакали с такой жадностью, точно не пили целый век. Вдоволь напившись, они вышли на берег, и отряхиваться им захотелось только у ног хозяйки. Послеполуденное солнце пригревало землю. Вирджиния сбросила куртку и немного понежилась в теплых лучах, однако комары не заставили себя ждать, они летели со всех сторон и кусали нещадно. Пришлось подняться, свистнуть собак и отправиться домой.

Она была на кухне, когда вернулся Эдмунд. Курица уже зажарилась, Вирджиния толкла сухари, чтобы приготовить хлебный соус. Услышав шум подъехавшей машины, она удивленно взглянула на часы – всего лишь половина шестого. Как рано сегодня вернулся Эдмунд! Обычно он возвращался из Эдинбурга не раньше семи. Может, что-то случилось?

Утешая себя мыслью, что ничего плохого случиться не могло, Вирджиния ссыпала толченые сухари в кастрюльку, где уже были все необходимые ингредиенты: молоко, лук, чеснок, и начала размешивать соус. В коридоре, ведущем из холла, раздались шаги. Дверь отворилась, Вирджиния с улыбкой, но все еще слегка встревоженная повернула голову.

– Сегодня я рано приехал, – сообщил Эдмунд, хотя это и так было ясно.

Вирджиния, как всегда, с удовольствием задержала взгляд на своем муже, и, как всегда, он ей понравился: синий костюм в полоску, светло-голубая рубашка с белым воротничком, шелковый галстук от «Диора» – ее рождественский подарок, в руке портфель. Надо думать, он немного устал: успел ведь и поработать, да и дорога не близкая. Но по нему не скажешь, как всегда, выглядит бодрым и свежим, впрочем, он никогда не жалуется на усталость, а его матушка уверяет, что она ему вообще неведома.

Он был красивый – высокий, с юношеской фигурой, словно и не вступил уже в достаточно солидный возраст, морщины тоже щадил его. Только волосы изменились. Когда-то они были очень черные, а теперь серебристые, но такие же густые и блестящие, как прежде. Молодое лицо и седина, этот контраст придавал ему еще большую привлекательность.

– Что-то случилось? – спросила Вирджиния.

– Кое-что. Я тебе расскажу. – Он подошел поцеловать ее, заглянул в кастрюльку. – Вкусно пахнет! Хлебный соус? У нас жареная курица?

– Угадал.

Эдмунд положил портфель на кухонный стол:

– А где Генри?

– У Эди, придет после шести. Он у нее полдничают.

– Вот и хорошо.

Вирджиния насторожилась:

– Почему хорошо?

– У меня к тебе разговор. Оставь соус, и пойдем в библиотеку, доделаешь его потом...

С этими словами Эдмунд направился к двери. Похоже, и правда что-то случилось. Озадаченная и несколько встревоженная, Вирджиния поставила кастрюльку на маленький огонь и последовала за мужем. Когда она вошла в библиотеку, он, присев на корточки, разжигал камин.

Это ее задело – уж не в упрек ли ей?

– Эдмунд, я и сама собиралась затопить камин, как только приготовлю соус и почищу картофель, но сегодня какой-то сумбурный день. У нас было собрание церковного комитета, мы сидели в столовой, сюда не заходили...

– О чем ты? Какое это имеет значение.

Огонь занялся, поленья разгорались все ярче и ярче. Эдмунд выпрямился, отряхнул руки и теперь стоял, глядя на огонь. Вирджиния взглядела в его профиль, и ей показалось, что он совершенно спокоен.

– В июле мы хотим устроить распродажу. – Вирджиния присела на ручку кресла. – Я получила самое плохое задание – набрать всяких безделушек и прочей мелочи для продажи. Арчи попросил меня дать ему какой-то конверт из управления по лесному хозяйству, сказал, что ты в курсе дела. Конверт лежал у тебя на столе.

– Да-да, совершенно верно. Забыл тебе сказать.

– ...И еще одна новость, очень приятная: в сентябре Стейнтоны дают бал в честь Кэти.

– Знаю.

– Уже знаешь?

– Сегодня в клубе я завтракал с Энгусом Стейнтоном. Он мне и сказал.

– Знаешь, бал будет по всем правилам: оркестр, танцы в шатре, официанты и все прочее.

А у меня будет повод купить себе новое вечернее платье – что-нибудь сногшибательное!

Эдмунд повернулся и скользнул по ней рассеянным взглядом. Вирджиния смолкла. Похоже, он ее и не слушает. Выждав немного, она спросила:

– В чем дело, Эдмунд?

– Знаешь, после обеда я не поехал больше в офис. Я ездил в Темплхолл. Разговаривал с Колином Хендерсоном.

Темплхолл. Колин Хендерсон. Сердце у Вирджинии упало, во рту пересохло.

– Зачем ты туда ездил, Эдмунд?

– Хотел подробно все обсудить. Я еще не решил насчет Генри, но теперь я уверен, что это будет правильно.

– Что будет правильно?

– Отправить его туда в сентябре.

– Чтобы он там жил?

– Но мы ведь не можем возить его туда ежедневно.

Так вот оно что! Гнев поднялся в ней медленной волной, гнев и возмущение. Она была вне себя. Ну да, она знала, Эдмунд в их союзе был главным, пожалуй, даже диктатором, но прежде он никогда не действовал тайно. На сей раз он проделал все за ее спиной, он предал ее!

Он даже не дал ей возможности защититься, битва была проиграна ею прежде, чем она успела сделать хотя бы один выстрел.

– Ты не имел права! – Вирджиния не узнала свой собственный голос. – Эдмунд, ты не имел права!

Брови его поползли вверх.

– Не имел права? Что ты хочешь этим сказать?

– Ты не имел права ехать туда один. Не имел права отправиться туда, ничего не сказав мне. Я должна была присутствовать при разговоре. Генри не только твой ребенок, но и мой. Как ты смел поехать тайком и все решить за моей спиной, не сказав мне ни слова!

– Я и не думал делать что-то тайком – я же все тебе рассказываю как есть.

– Ну да, только постфактум. Я для тебя ничто, меня и слушать-то незачем. Должна тебе сказать – мне не нравится такое отношение. Почему, скажи на милость, все решения должен принимать ты один?

– Думаю, потому, что я всегда их принимал.

– Но на сей раз ты действовал тайком! – Вирджиния поднялась с кресла и стояла, крепко сжав на груди руки, словно с трудом удерживалась, чтобы не ударить мужа. Это была разъяренная тигрица, готовая сражаться за своего детеныша, былой уступчивости как не бывало. – Ты прекрасно знаешь, и знал всегда, что я не хочу отправлять Генри в Темплхолл. Он еще очень маленький и не отличается крепким здоровьем. Знаю, тебя отправили в интернат, когда тебе исполнилось восемь лет, знаю, что Хэмиш Блэр уже там, но почему мы все должны непременно следовать этому обычаю? Что это – закон природы? Она ушла в прошлое, эта викторианская традиция, в наши дни маленьких детей не отсылают из дома. И что плохого, если мы нарушим это правило? Генри прекрасно может оставаться в Страткрое, пока ему не исполнится двенадцать – тогда и поедет в интернат. Это будет разумно. Но не раньше, Эдмунд. Не сейчас.

Он искренне не понимал ее.

– Почему ты хочешь, чтобы Генри отличался от всех других мальчиков? Почему он должен сидеть дома до двенадцати лет? Хочешь сделать его белой вороной, чтобы все показывали на него пальцем? Может, ты путаешь его с американскими мальчишками, у них уже усы пробиваются, а их все еще за ручку водят.

Вирджиния вспыхнула:

– К Америке это не имеет никакого отношения. Как ты можешь такое говорить? Любая разумная, нормальная мать чувствовала бы то же, что и я. Это ты ошибаешься, Эдмунд. Но ты и мысли не допустишь, что можешь быть не прав. Ты будто живешь в прошлом веке. Ты старомоден, упрям и высокомерен.

Никакой реакции на этот выпад не последовало. Вид у Эдмунда был непроницаемый, как всегда в таких случаях: застывшее лицо, сонные глаза, плотно сжатые губы. Лучше бы он дал себе волю, вспылil, повысил голос, подумала Вирджиния. Но это было не в характере Эдмунда Эрда. В деловых кругах он славился своей невозмутимостью и хладнокровием. Он умел владеть собой, его невозможно было ничем пронять.

– Ты думаешь только о себе, – сказал он.

– Нет, я думаю о Генри!

– Ты думаешь о себе. Для тебя главное – чтобы он был рядом с тобой. Главное – настоять на своем. Жизнь была к тебе благосклонна, ты всегда поступала, как тебе заблагорассудится, родители баловали тебя, они тебя испортили. И похоже, я продолжал тебя баловать. Но для всех рано или поздно наступает пора, когда приходится взрослеть. Полагаю, для тебя она наступила. Генри – не твоя собственность, и ты должна его отпустить.

Она ушам своим не поверила. В чем он ее обвиняет!

– Я и не считаю Генри своей собственностью. Ты оскорбляешь меня. Он уже самостоятельная личность, и это я сделала его таким. Но ему всего восемь лет, он еще совсем малень-

кий. Ему нужен дом. Ему нужны мы. Он должен находиться в привычной обстановке, чувствовать себя в безопасности, ему нужен его Му под подушкой. Его нельзя отсылать в интернат. Я не хочу, чтобы он уезжал.

– Это я знаю.

– Он слишком мал.

– Но ему надо расти.

– Он не должен расти вдали от меня.

Эдмунд молчал. Вирджиния чувствовала, что потерпела поражение, к глазам у нее подступали слезы. Чтобы скрыть их, она отвернулась от мужа и подошла к окну. Прижав лоб к холодному стеклу, она невидящим взглядом смотрела на деревья за окном.

Молчание длилось долго. Но вот Эдмунд снова заговорил, как всегда спокойно и рассудительно:

– Темплхолл – хорошая школа, уверяю тебя, Вирджиния, и Колин Хендерсон – хороший директор. Детей там не муштруют, а учат работать. Жизнь теперь трудная, и Генри предстоит ее прожить. наших мальчиков ждет жестокая конкуренция, и чем скорее они поймут это и научатся не пасовать перед трудностями, тем лучше. Подумай, Вирджиния, прошу тебя! Постарайся взглянуть на все это моими глазами. Генри слишком полагается на тебя.

– Я его мать.

– Излишней опекой ты задерживаешь его развитие. – С этими словами Эдмунд спокойным шагом вышел из библиотеки.

7

Генри шел домой. Улицу еще заливал золотистый солнечный свет, но было уже около шести часов, и прохожие почти не попадались – все ели у себя дома. Генри представил эту картину: у кого-то на столе тарелка супа, за ней последует жареная треска или отбивная котлета, далее – кусок пирога или печенье, и все это запьют крепким горячим чаем. Он-то сам уже неплохо закусил сосисками. Но может быть, прежде чем он отправится в постель, в него еще поместится кружка какао.

Генри ступил на горбатый мостик, перекинувшийся через Крой между двумя церквями. На середине моста он остановился и, перегнувшись через древний каменный парапет, стал смотреть на бегущий поток. От обильных дождей, принесших столько огорчения фермерам, вода поднялась, внизу в быстром потоке проносились ветки, солома, щепки – все, что подобрали переполнившаяся река на своем пути. Однажды Генри увидел мертвого ягненка, проплывшего под мостом. Ниже по течению местность выравнивалась, речка становилась шире, спокойно вилась посреди пастбищ, и под вечер мирные коровы подходили к берегу и пили из нее воду, но в этом месте она устремлялась круто вниз, бурля на камнях, падая водопадами, под которыми образовывались глубокие заводи.

Шум бегущего Кроя – первое, что запечатлелось в памяти Генри. Он слышал этот шум по ночам через открытое окно своей спальни, под говор бегущей воды пробуждался утром. Вверх по течению была заводь, где Алекса научила его плавать. Какие крепости строил он со своими друзьями на берегу, какие они отводили каналы и возводили плотины! А на берегу разбивали палатку и устраивали пикники.

На колокольне пресвитерианской церкви колокол гулко отбил шесть ударов. Генри нехотя отошел от парапета и зашагал по дорожке, протянувшейся вдоль берега. Высоко над головой зеленели ветви вязов, гомонили грачи.

Генри вошел в ворота Балнеда и вдруг заторопился и бросился бежать; ранец колотил его по боку. Завернув за угол дома, он увидел синий «БМВ» отца и очень обрадовался. Какой приятный сюрприз! Обычно папа приезжал домой, когда Генри уже лежал в постели, а сейчас он, конечно же, найдет родителей на кухне – мама готовит ужин, папа пьет чай, и они рассказывают друг другу всякие новости.

Но они были не на кухне. Генри это понял, как только вошел в дом, – из библиотеки доносились голоса, дверь туда была закрыта, и почему-то Генри сразу почувствовал неладное. Все было не так, как он ожидал.

Во рту пересохло. Он на цыпочках прокрался по коридору и у двери в библиотеку остановился. На самом-то деле он намеревался войти и насладиться их удивлением и радостью, но почему-то остановился и прислушался.

– ...Он еще такой маленький. Ему нужен дом. Ему нужны мы.

Генри никогда не слышал, чтобы мама говорила таким голосом, – она почти кричала и, казалось, вот-вот заплачет.

– ...Нельзя отсылать в интернат. Я не хочу, чтобы он уезжал.

– Это я знаю.

– Он слишком мал.

– Но ему надо расти.

– Он не должен расти вдали от меня.

Они ссорились. У них скандал. Невероятно, в это невозможно поверить – они были врагами. Холодея от ужаса, Генри ждал, что произойдет дальше. Немного погодя папа заговорил снова:

– Темплхолл – хорошая школа, уверяю тебя, Вирджиния, и Колин Хендерсон – хороший директор. Детей там не муштруют, а учат работать. Жизнь теперь трудная, и Генри предстоит ее прожить...

Так вот почему они ссорятся – его хотят отправить в Темплхолл! В интернат!

– ...Стараются научить не пасовать перед трудностями...

Вдали от друзей, от Страткроу, от Балнеда, от Эди, от Ви! Ну да, Хэмиш Блэр уже там, но он ведь куда старше меня, думал Генри, воображает о себе невесту что и такой жестокий. Как это он сказал? *«Только младенцы играют с плюшевыми мишками»*.

– ...Генри слишком полагается на тебя.

Больше Генри не мог слушать, это было невыносимо. Так страшно ему еще никогда не было. Он попятился от двери библиотеки и кинулся бежать. Все так же бегом он взлетел по лестнице на второй этаж, добежал до своей спальни, захлопнул за собой дверь, сорвал с плеча ранец и бросился на кровать. Он сунул руку под подушку и нащупал Му.

«Генри слишком полагается на тебя».

Так, значит, его отошлют из дома!

Генри сунул в рот большой палец, прижал к щеке Му, и ему стало спокойнее. Пока что он в безопасности. Он не станет плакать. Генри закрыл глаза.

8

Гостиная в Крое была огромная, ее использовали только в торжественных случаях. Высокий потолок и лепные карнизы были белые, стены затянуты красной клетчатой тканью, изрядно поблекшей, на полу большой турецкий ковер, кое-где потертый, но все еще ласкающий глаз своими теплыми тонами. На диванах и креслах чехлы, лишь на нескольких креслах сохранилась их первоначальная плюшевая обивка, и все они разные. Тут и там стояли небольшие столики с фотографиями в серебряных рамках и стопками старых номеров «Кантри лайф». Стены увешаны старинными картинами – пейзажи, портреты, цветы, на столике за диваном китайский фарфоровый кувшин с веточками расцветших рододендронов. За каминной решеткой ярко горели поленья. Коврик перед решеткой – белая овечья шкура – порядком излохматился, и когда на него усаживались мокрые псы, сильно пахло овцой. Камин обрамляли мраморные колонны, на массивной полке стояли золотые с эмалью подсвечники, две дрезденские фарфоровые статуэтки и массивные викторианские часы. С мелодичным перезвоном они отбили одиннадцать ударов.

Это всех удивило. Миссис Франко, в элегантном вечернем наряде – черные шелковые брюки и креповая блузка оливкового цвета, сказала, что она и представить не могла, как уже поздно. За разговором они не заметили, как пролетел вечер. Пора ей отправляться спать, и ее мужу также, если он не хочет опоздать завтра на гольф в Глениглес. Супруги Франко поднялись из кресел. То же самое сделала миссис Хардвик.

– Мы прекрасно поужинали и чудесно провели вечер... Спасибо вам обоим за гостеприимство...

Все пожелали друг другу спокойной ночи. Изабел, в зеленом шелковом платье – ее парадном туалете, которому исполнилось уже два года, – проводила гостей до лестницы и удостоверилась, что они благополучно поднялись вверх. В гостиную она не вернулась. Арчи остался наедине с Джо Хардвиком, который явно не склонен был обрывать беседу и ложиться спать так рано. Напротив, он устроился поудобнее в кресле и, судя по бодрому виду, готов был поговорить еще часа два.

Но и Арчи был не прочь побеседовать с ним. Джо Хардвик ему понравился – интеллигентный человек либеральных взглядов и не без чувства юмора. Вообще-то, сидение после ужина бывает довольно утомительно. Сегодня Арчи уже внес в него свою лепту и даже неожиданно для себя рассказал две очень смешные истории, проявив большие познания по части вин. За вторым блюдом только и говорили что о винном погребе, унаследованном им от отца.

Арчи плеснул в бокалы еще вина – «на сон грядущий», затем подбросил пару поленьев в огонь и, погрузившись в кресло, вытянул ногу на овечью шкуру. Джо Хардвик начал расспрашивать его о Крое. Американец был просто очарован старинным поместьем. Как давно семейство Балмерино поселилось здесь? Кому первому из Балмерино был пожалован титул лорда? Какова история этого дома?

Чувствовалось, что ему и вправду интересно это узнать, и Арчи охотно отвечал на вопросы. Его дед, первый лорд Балмерино, был известным фабрикантом, разбогател на мануфактуре. За богатством последовало возведение в сословие пэров, и в конце девятнадцатого века он купил Кроу и окрестные земли.

– Жилого дома здесь тогда не было, только крепостная башня, возведенная в шестнадцатом веке. Это мой дед построил дом, присоединив к нему и древнюю башню. Так что дом в основном викторианский, хотя есть в нем и старинная часть.

– Он довольно большой.

– Да, тогда жили с размахом.

– А поместье?

– В основном оно теперь сдано в аренду. Верески ушли синдикату под охотничьи угодья. Ими управляет мой друг Эдмунд Эрд, но у меня есть своя доля. Когда начинается охота, я к ним присоединяюсь. И для друзей у меня есть свои участки. Ну а ферма тоже сдана в аренду, – Арчи улынулся. – Так что, видите, на мне никакой ответственности.

– А чем же занимаетесь вы?

– Помогаю Изабел. Кормлю собак, выгуливаю их, когда могу. Обеспечиваю дом дровами – использую упавшие деревья и те, которые приходится вырубать. У нас имеется циркулярная пила, и у меня есть помощник, приходит ко мне из городка. Подстригаю газон... – Арчи остановился. Пожалуй, он не совсем ответил на вопрос, но ничего больше не приходило в голову.

– А как насчет рыбалки?

– Это я люблю. Есть у меня одно место на нашей речке, в двух милях от деревни, вверх по течению, и одно озеро в горах. Там под вечер хорошо ловится. На этом озере и лодка на приколе. Приятное занятие. А зимой, когда в четыре уже темно, мастерю что-нибудь, у меня в подвале оборудована мастерская. Работы в доме хватает: делаю шкафчики для Изабел, обновляю плинтусы, чиню калитки. Много чего делаю. Я люблю работать с деревом. Его так приятно держать в руках, оно целебное. Наверное, вместо того чтобы идти в армию, мне надо было стать столяром.

– Вы служили в шотландском полку?

– В Королевском полку шотландских горцев, пятнадцать лет. Два года стояли в Берлине вместе с американцами...

Разговор перешел на политику, они выпили еще по «прощальной» и забыли про время. Когда же наконец решили поставить точку, шел уже второй час ночи.

– Я вас заговорил, – сказал Джо Хардвик извиняющимся тоном.

– Вовсе нет. – Арчи взял пустые стаканы и пошел к роялю поставить их на поднос. – Сплю я неважно. Чем короче ночь, тем лучше.

– Я надеюсь... – Джо колебался, – ...надеюсь, вы не сочтете за бестактность, но я вижу, вы хромаете. Несчастный случай?

– Нет. Северная Ирландия. Отстрелили мне ногу.

– У вас протез?

– Да. Алюминиевый. Чудо инженерной техники. Так, значит, когда вам подавать завтрак? Вас устроит, если в четверть девятого? Тогда у вас останется время на сборы. Разбудить вас?

– Если не трудно, разбудите около восьми. В этом горном воздухе я буду спать как убитый.

Арчи двинулся, чтобы открыть дверь. Джо Хардвик предложил отнести на кухню поднос с бокалами. Арчи поблагодарил его, но был тверд:

– Ни в коем случае! Такое у нас правило – вы гости, вам не позволено и пальцем шевельнуть.

Они вышли в холл.

– Спасибо за приятный вечер, – сказал Джо Хардвик, остановившись у подножия лестницы.

– Спасибо и вам. Спокойной ночи и приятных снов.

Арчи подождал, пока за американцем захлопнулась дверь спальни, только тогда вернулся в гостиную, притушил камин, загородил его решеткой, раздвинул тяжелые шторы, опустил шпингалеты на рамах. Сад был залит лунным светом. Арчи послушал, как кричит сова, и пошел в столовую, оставив поднос с бокалами на рояле, только выключил свет в гостиной. Обеденная посуда была убрана, стол накрыт для завтрака. Арчи почувствовал угрызения совести, это была его обязанность – убирать со стола, а он сидел болтал с американцем. Изабел пришлось все сделать самой.

Он пошел на кухню. Та же картина – чистота и порядок. Возле газовой печки спали в круглых корзинах две черные лабрадорши. Они подняли головы и застучали об пол своими обрубками – тук-тук.

– Вы погуляли? – спросил он их. – Вывела вас Изабел, прежде чем ушла спать?

Тук-тук. Вид у обеих был довольный и умиротворенный. Значит, работы для него не осталось.

Ну что ж, пора и ему в постель. Только тут Арчи почувствовал, как устал. Он поднялся по лестнице, выключая по пути свет. В гардеробной снял смокинг, галстук-бабочку, отстегнул запонки и стянул с себя белую рубашку, затем ботинки и носки. Труднее было управиться с брюками, но он уже отработал и этот процесс. Большое зеркало в стенке гардероба отражало его во весь рост, но он никогда не смотрел в него – в раздетом виде он не мог на себя смотреть, это было невыносимо: культя, блестящий металл, пряжки и петли, пояс и ремни, державшие протез, – все бесстыдно и оскорбительно оголялось.

Арчи поскорее достал и натянул на себя ночную рубашку – ее было легче надевать, чем пижаму. Потом пошел в соседнюю с гардеробной ванную комнату, умылся, почистил зубы. Все лампы в спальне были выключены, но занавески не задернуты, и лунный свет заливал всю огромную комнату. Изабел спала на своей половине кровати; когда он вошел в спальню, она зашевелилась:

– Это ты, Арчи?

Он сел на кровать:

– Я.

– Который час?

– Двадцать минут второго.

Изабел помолчала, потом спросила:

– Поговорили?

– Поговорили. Извини, я не помог тебе.

– Это не важно. Кажется, приятные люди.

Арчи расстегнул ремни, осторожно отвел обтянутый кожей вогнутый конец протеза от культи, потом наклонился и положил ненавистное сооружение на пол, возле кровати, аккуратно расправив все ремни и пряжки, чтобы утром удобнее было надевать. Культя побаливала – долгий выдался день.

Арчи улегся рядом с Изабел, натянул на плечи прохладное одеяло.

– Как ты себя чувствуешь? – Голос у Изабел был сонный.

– Все хорошо.

– Ты уже знаешь, что Верена Стейнтон в сентябре устраивает бал? Для Кэти...

– Вайолет сказала мне.

– Хорошо бы мне купить новое платье.

– Вот и купи.

– Мне просто нечего надеть на этот бал, – добавила Изабел и снова погрузилась в сон.

Как только сон начался, Арчи уже знал, что случится дальше. Сон всегда был один и тот же. Пустынные, холодные улицы, надписи на стенах. Темное небо, дождь. На нем камуфляжная куртка, он в бронированном «лендровере», но что-то не так, и он знает что: с ним должен быть напарник, а его нет, он один.

Все, что ему предстоит сделать, это благополучно доехать до казармы. Реквизированная у ольстерской полиции казарма набита оружием, это настоящая бронированная крепость. Лишь бы они не появились на его пути; если он благополучно доедет до казармы – он спасен. Но они появились. Они всегда появляются. Четыре фигуры на дороге впереди, в пелене дождя. Лица закрыты черными масками, автоматы нацелены на него. Он протянул руку за своей винтовкой,

но она исчезла. «Лендровер» остановился. Он не помнил, чтобы сам останавливал машину. Они уже распахнули дверь, набросились на него, выволокли на мостовую. Неужели на этот раз они забьют его до смерти? Нет, то же, что уже было прежде: бомба. По виду сверток в оберточной бумаге, но это бомба, и они кладут ее на заднее сиденье «лендровера», а он стоит и смотрит. И вот он снова за рулем, и тут-то и начинается настоящий кошмар, потому что, когда он въедет в ворота казармы, она взорвется и убьет всех его товарищей.

Он едет как в бреду, в голове все путается, по-прежнему льет дождь, и он ничего не может разглядеть, но знает: скоро казарма. Ему надо только проехать ворота, загнать начиненный бомбой «лендровер» в специальную яму, как-то выкарабкаться оттуда самому и бежать сломя голову, пока бомба не взорвалась.

Страх парализовал его, в ушах хрипит его собственное дыхание. Ворота распахнулись, и он проехал в них, съехал по пандусу в бомбовую яму. По обе стороны поднимаются бетонные стены, свет сюда не проникает. Скорее бежать отсюда! Он нажал на ручку дверцы, но она не поддавалась, ее заклинило, она не откроется, он в ловушке! На заднем сиденье зловеще тикала бомба, а он не мог выбраться из машины. Он закричал. Никто ведь не знает, что он тут. Он закричал еще громче...

Он проснулся, пронзительно крича, как женщина, с открытым ртом, по лицу его струился пот... чьи-то руки обхватили его...

– Арчи!

Она была здесь, она крепко прижимала его к себе. Потом осторожно опустила его голову на подушку. Она баюкала его, как ребенка, что-то шептала, целовала в глаза.

– Все хорошо, хорошо. Это был сон. Ты дома, ты со мной. Все прошло. Ты проснулся.

Сердце его стучало в груди, как молот, он весь покрылся испариной. Она не выпускала его из объятий, и постепенно дыхание его начало выравниваться. Он протянул руку, чтобы взять со столика стакан с водой, но она опередила его, дала ему попить и поставила стакан обратно на столик.

Когда он успокоился, она сказала с легкой усмешкой в голосе:

– Надеюсь, ты их не разбудил. Они могли подумать, что я тебя убиваю.

– Прости меня...

– Все тот сон?

– Да. Всегда один и тот же. Дождь, черные маски, бомба и эта проклятая яма. Почему мне снится то, чего со мной никогда не случалось?

– Не знаю, Арчи...

– Как я хочу, чтобы это прекратилось! – Он повернулся к ней, уткнулся в ее мягкое плечо. – Если бы кончились эти кошмары, быть может, я смог бы снова любить тебя.

Август

1

Понедельник, 15 августа

Прибытие утренней почты в Крой всегда было радостным событием. Том Драйстоун, местный почтальон, покрывал за день на своем ярко-красном фургончике внушительные расстояния. Узкие проселочные дороги взбирались сквозь леса в горные долины к овцеводам, изгибами спускались к одиноким сельскохозяйственным фермам. Молодые хозяйки, развешивая на дворе белье, издали замечали красный фургон и ждали его на холодном ветру. Одиноким старики встречали Тома с надеждой – им он вместе с почтой поставлял лекарства и всегда задерживался поговорить о том о сем, выпить чайку. Зимой он менял красный фургончик на «лендровер», и только совсем уж неистовый буран мог помешать ему доставить долгожданное письмо из Австралии или новую кофточку, заказанную по «Литлвудскому каталогу», а когда северо-западный ветер рвал телефонные провода, для многих он оставался единственной связующей нитью с внешним миром.

Будь Том угрюмым молчуном, не способным ни поболтать, ни пошутить, его все равно встречали бы с радостью. Но он был веселым парнем, родившимся и выросшим в Туллочарде, а потому ветры и бури его не пугали. И любили его не только за то, что он честно нес свою службу, – он к тому же замечательно играл на аккордеоне и был заметной фигурой на всех праздниках и вечеринках. Он сидел на помосте, поставив возле табурета кружку пива, и едва кончался один танец, как его аккордеон уже заводил другой. И в пути он насвистывал свои любимые песенки – музыка сопровождала его повсюду.

Была уже середина августа. Понедельник. Ветреный день, по небу плывут облака. Не очень-то тепло, но хоть нет дождя. Изабел, нацепив на себя большой фартук, сидела у кухонного стола и ощипывала перепелок. Настреляли их в пятницу, и они три дня провисели в кладовке. Стоило поддержать их подольше, но Изабел хотелось поскорее покончить с этим муторным делом и заложить ощипанные и выпотрошенные тушки в морозильник до приезда следующей партии американцев.

Кухня в Крое была просторная, викторианская, полная свидетельств того, что хозяйка проводит здесь немало времени. Кухонный буфет полон столовой посуды, на стене прищиплены открытки, адреса, записка-напоминание, чтобы позвонить водопроводчику. Возле большой газовой плиты с духовкой стояли две корзины, в которых спали собаки. С потолка, с крючьев, на которых когда-то подвешивали для копчения окорока, теперь свисали пучки трав. Над плитой помещалась сушиллка – рама с натянутыми шнурами, на ней просушивалась влажная после походов по холмам одежда или выглаженное, но еще не совсем просохшее белье. Не очень это было удобное приспособление – когда на завтрак жарилась селедка, наволочки начинали пахнуть рыбой, но вытяжки у Изабел не было, и приходилось мириться со всеми ароматами.

С этой сушилкой была связана давняя история, которая вошла в семейный эпос, и смеялись над ней по сей день. В ту пору еще жива была леди Балмерино, а поварихой в доме служила миссис Харрис. Кулинарка она была отменная, но всякие там глупые правила гигиены ее ничуть не беспокоили. На плите у нее с утра до вечера кипела огромная черная кастрюля, в которую она бросала кости и остатки овощей. Из этих обрезков и остатков у нее получа-

лись замечательные супы. Однажды в доме собралась большая охотничья компания. Зарядил дождь, и сушилка над плитой была увешана мокрыми куртками, гольфами, свитерами и шерстяными носками. Суп в ту неделю становился день ото дня все вкуснее и вкуснее. Гости просили добавки. «Как вы его варите, миссис Харрис? – спрашивали гости. – Какой аромат! И как вкусно!» Миссис Харрис только улыбалась с довольным видом и говорила, что секрет приготовления этого супа она унаследовала от своей матушки. Охотничья неделя кончилась, гости разъехались, вложив в сморщенную красную ладонь миссис Харрис солидные чаевые. Кастрюля наконец была опорожнена для чистки, и только тут на дне ее обнаружился свалившийся с сушилки и отнюдь не идеально чистый охотничий носок.

Ну вот, готова и четвертая птица, осталось ощипать еще две. По кухне порхали перья. Изабел осторожно собрала их на газету, свернула ее и сунула в черный пластиковый пакет для мусора. Расстелила на столе еще одну газету и взялась за пятую птичку, но тут услышала свист.

Задняя дверь кухни распахнулась, в ней с веселой улыбкой на лице появился Том Драйстоун. От сквозняка перья на столе облаком взметнулись вверх, Изабел испуганно вскрикнула, и Том поспешно захлопнул дверь.

– Похоже, хозяин не оставляет вас без работы.

Перья снова осели на стол, Изабел чихнула. Том положил на буфет пачку писем.

– Я так понимаю, Хэмиша помогать не заставишь?

– Его нет дома. Поехал на недельку погостить к своему школьному другу в Аржилл.

– Удачная была в пятницу охота?

– Пожалуй что, нет.

– Но вроде бы в Гленшандре они неплохо постреляли?

– Похоже, наших перепелок и постреляли. Они полетели к соседям в гости, а там их только и ждали, да вот незадача – не дружки и подружки, а охотники. Выпьете кофе?

– Спасибо, нет. Сегодня у меня полно почты. Совет графства рассылает какие-то циркуляры. Так что до свидания...

И Том, начав насвистывать очередную песенку еще до того, как за ним захлопнулась дверь, удалился.

Изабел продолжала ощипывать перепелок. Ей хотелось поскорее посмотреть почту, но она заставила себя сначала покончить с работой. Потом она соберет все перья, вымоет руки и только тогда посмотрит письма. А потом возьмется за самое противное дело – выпотрошит птиц.

Почтовый фургон уже уехал. В коридоре, ведущем из холла, слышались неровные, тяжелые шаги. Потом по каменным ступенькам лестницы на кухню, с остановкой на каждой ступеньке. Дверь отворилась, на пороге стоял ее муж.

– Это Том приезжал?

– Ты не слышал, как он насвистывал?

– Я жду письмо из лесного управления.

– Я еще не просмотрела почту.

– Что же ты не сказала мне, что будешь ощипывать перепелок? – Вопрос прозвучал упреком. – Пришел бы тебе помочь.

– Тогда помоги мне их выпотрошить.

Но тут на лице Арчи появилась гримаса отвращения. Стрелять птиц – пожалуйста, свернуть шею подстреленной – да, ощипать, наконец, если его попросят, но разрезать им брюшки и вынимать внутренности – нет уж, увольте, его просто стошнит. От этой грязной работы он всегда старался увильнуть, как бы Изабел на него ни наседала. Он поскорее переменял тему. А она заранее знала, что переменит.

– Где почта?

– Том положил на буфет.

Прихрамывая, Арчи пошел к буфету, собрал все конверты и стал их перебирать, пристроившись на другом конце стола, подальше от перепелок.

– Из управления письма нет. Хорошо бы они поторопились... Но есть письмо от Люсиллы...

– Слава богу, я его так ждала.

– ...и какой-то большой твердый конверт, не иначе как приглашение на королевский прием.

– Почерк Верены?

– Очень может быть.

– Это приглашение на бал.

– И еще два таких же конверта, один для Люсиллы, второй... – Арчи запнулся, – ...для Пандоры. Нам предстоит надписать адреса и отправить дальше.

Руки Изабел замерли. Они смотрели друг на друга с разных концов длинного, усыпанного перьями стола.

– Пандора? Они приглашают Пандору?

– Судя по конверту, да.

– Странно, Верена даже не сказала мне, что собирается пригласить ее.

– А почему она должна была сказать?

– Надо поскорее переслать конверт. Открой-ка наш, посмотрим, как выглядит приглашение.

Арчи распечатал конверт.

– Очень внушительно. – Брови у него поползли вверх. – Тисненая надпись, золотой обрез. Шестнадцатое сентября. Однако Верена затянула с приглашениями, тебе не кажется? Всего один месяц остался.

– Дело в том, что вышла задержка. Первую партию по ошибке отпечатали на оборотной стороне карточки, и Верена отослала весь заказ обратно, чтобы переделали.

– Как она разглядела, что не на той стороне?

– Верена в таких вещах разбирается, и она очень дотошная, все обязательно проверит. Так что там написано?

– ...Лорду и леди Балмерино... Миссис Энгус Стейнтон... первый бал Кэти. И так далее: когда, где... Танцы начнутся в десять. – Арчи поднял вверх приглашение. – Ну как, впечатляет?

Очки лежали где-то далеко, и Изабел, сощурившись, стала разглядывать карточку с золотым обрезом.

*Миссис Энгус Стейнтон
Приглашает
на первый бал Кэти
Пятница, 16 сентября. 1988 года
Коррихил, Туллочард
Релкиркиш
Танцы в 10 вечера*

– Я польщена. А как прекрасно эта карточка будет выглядеть на камине! Американцы подумают, нас приглашает королева. Теперь прочти мне письмо Люсиллы, оно для меня куда важнее.

Арчи вскрыл конверт с французской маркой и развернул два тоненьких, сероватого цвета листочка.

– Ну и бумага! Уж не туалетная ли?

– Читай, Арчи.

Париж. Шестое августа

Дорогие мама и папа!

Прошу прощения за то, что так редко пишу, совсем нет времени. В этой короткой записочке хочу сообщить вам о моих предполагаемых передвижениях. Через пару дней я уеду из Парижа, хочу отправиться на юг. Поеду автобусом, это лучше, чем голосовать на дороге. Со мной едет парень из Австралии, Джефф Хоулэнд. Он не художник, а фермер-овцевод из Квинсленда. Решил год побездельничать в Европе. У него друзья в Ивисе, может быть, мы заедем к ним. Не знаю, как все получится, но если мы проедем через Мальорку, хотите ли вы, чтобы я навестила Пандору? Если хотите, пришлите мне ее адрес, потому что я его потеряла. И, увы, денег у меня маловато, не могли бы вы одолжить мне немного до получения стипендии? И адрес, и деньги шлите на имя Ганса Бергдорфа, п/о, ящик 73, Ивиса. Париж изумителен, но сейчас тут одни туристы, все парижане умчались на пляжи или в горы. На днях была на потрясающей выставке Матисса. Очень вас люблю, дорогие мои, и НЕ БЕСПОКОЙТЕСЬ!

Люсилла

Р. С. Не забудьте про деньги.

Арчи сложил письмо и снова всунул его в конверт.

– Австралиец... – сказала Изабел.

– Фермер-овцевод.

– Слоняется по Европе.

– Но хоть автобусом путешествуют.

– Что ж, ладно, могло быть и хуже. Подумать только, может быть, она увидит Пандору... не удивительно ли? Мы последнее время и не вспоминали о ней, и вдруг сразу и это приглашение, и Люсилла собирается к ней заехать. А Ивиса – это далеко от Мальорки?

– Не очень.

– Я хочу, чтобы Люсилла приехала домой.

– Ей хорошо, Изабел, у нее интересная жизнь.

– Мне неприятно, что у нее нет денег.

– Я пошлю ей чек.

– И я так скучаю по ней...

– Знаю.

Перепелки были ощипаны, перья собраны в черный пластиковый пакет. Шесть маленьких тушек рядом лежали на столе. Изабел взяла остро наточенный нож и решительно вонзила его в мягкое тельце, сунула руку внутрь и вытянула длинную полоску жемчужно-серых внутренностей. В нос ударил тошнотворный запах.

Арчи поспешно поднялся из-за стола и собрал конверты.

– Пойду-ка я выпишу чек, покуда не позабыл. – И Арчи направился в кабинет, плотно притворив за собой дверь кухни.

Сев за письменный стол, он минуту-другую держал в руке конверт, предназначенный для Пандоры, решая, вложить в него записочку от себя или не надо. «Такое приятное событие – бал, – написал бы он, – будет весело. Отчего бы тебе не приехать в Крой? Мы будем тебе так рады! Приезжай, Пандора, доставь нам удовольствие...»

Но сколько раз он писал ей прежде, а она не дала себе труда хоть раз ответить. И на это письмо не ответит. Он вздохнул и аккуратно вывел на конверте адрес Пандоры, добавил несколько марок, наклеил ярлычок «авиа» и отложил конверт в сторону.

Затем выписал чек Люсилле Блэр на сто пятьдесят фунтов. И начал писать дочери письмо.

Крой, 15 августа

Моя дорогая Люсилла!

Очень рады весточке от тебя, мы получили ее сегодня утром. Надеюсь, поездка на юг Франции будет приятной и тебе хватит денег, чтобы добраться до Ивисы. Чек вкладываю в этот же конверт. Ты спрашиваешь про Пандору. Уверен, что она будет рада повидать тебя, но все же позвони ей заранее и предупреди, что собираешься к ней.

Ее адрес: «Каса Роса», Пуэрто-дель-Фуэго, Мальорка. Телефона я не знаю, но ты наверняка найдешь его в телефонной книге в Пальме.

Посылаю тебе также приглашение Стейнтонов на первый бал Кэти. Он должен состояться через месяц, и, может быть, у тебя более увлекательные планы на эти дни, но я знаю, как была бы счастлива мама, если бы ты приехала.

Двенадцатого выпал для меня хороший денек – ездил на утреннюю охоту. Скрадок мне выделили в низине, один из лучших, и я был всем очень благодарен. Хэмиш поехал со мной, он нес ружье и ягдташ и помог мне взобраться на холм. Эдмунд Эрд стрелял очень удачно, но не так уж много настрелял к концу дня: около сорока штук и два зайца – вот и вся добыча. Хэмиш вчера уехал в Аржилл погостить у своего школьного друга, пробудет там неделю. Взял с собой удочку, хочет половить форель, а может, им удастся порыбачить и в море.

Целую тебя, моя девочка.

Папа

Арчи прочитал письмо, аккуратно его сложил, отыскал большой плотный конверт и засунул все в него: письмо, чек и приглашение Верены, запечатал конверт, наклеил марки и написал адрес в Ивисе, который сообщила ему Люсилла. Отнес оба письма в холл и положил на стоявший возле двери комодик. Кто-нибудь поедет в деревню и отправит письма.

2

Среда, 17 августа

На той же неделе, в среду, приглашение от Стейнтонов было доставлено на Овингтон-стрит. Алекса, босая, в купальном халате, стояла на кухне в ожидании, когда закипит чайник. Дверь в сад была распахнута, Ларри, как всегда по утрам, обнюхивал каждый кустик. Иногда он находил следы кота и приходил в невероятное возбуждение. Утро было пасмурное. Может быть, позднее появится солнце и разгонит туман. Алекса услышала, как что-то упало, и посмотрела в окно – по ногам, прошагавшим мимо, она заключила, что приходил почтальон.

Она поставила на поднос кружки, опустила в заварочный чайник пакетик чая. На плите закипела вода, Алекса заварила чай и, оставив Ларри за его увлекательным занятием, понесла поднос в спальню. На коврик под дверью лежали письма. Держа поднос в левой руке, она изогнулась, протянула правую руку за письмами и сунула их в просторный карман халата. И пошла наверх, утопая босыми ногами в толстом ковре. Дверь спальни была открыта, занавески раздвинуты. Комната была небольшая, и чуть ли не всю ее занимала унаследованная от бабушки кровать – широченная, с высокими медными столбиками в изголовье и в изножье. Алекса поставила поднос на тумбочку и забралась под одеяло.

– Ты проснулся? Я принесла чай, – сказала она.

Бесформенная фигура на другой стороне кровати откликнулась не сразу. Потом раздался стон, фигура шевельнулась, из-под одеяла протянулась голая рука, и Ноэль повернулся к ней лицом.

– Который час? – На белой подушке его взъерошенные волосы казались особенно черными, подбородок порос темной щетиной.

– Четверть восьмого.

Еще один стон. Он провел пятерней по волосам.

– Доброе утро, – сказала Алекса и наклонилась поцеловать его небритую щеку.

Он обхватил рукой ее затылок и притянул к себе.

– Ты дивно пахнешь, – пробормотал он.

– Лимонным шампунем.

– Нет, не лимонным шампунем. Самой собой.

Он отпустил ее, она еще раз поцеловала его в щеку, потом занялась чаем. Ноэль взбил подушки и принял сидячее положение. Грудь у него была загорелая, как будто он только что вернулся с тропических островов. Алекса протянула ему кружку дымящегося чая.

Ноэль молча, медленными глотками пил чай. Он не сразу входил в дневной ритм и до завтрака, случалось, не произносил ни единого слова. Одна из его привычек, утром Алекса с ним и не заговаривала. Кофе он пил маленькими глотками и как-то очень уж тщательно смешивал сухой martini и чистил ботинки. Вечером Ноэль опорожнял все свои карманы, выкладывая их содержимое на туалетный столик, всегда в одной и той же последовательности: кошелек, кредитные карточки, перочинный нож, аккуратно столбиком складывал монеты. Приятно было лежать в постели и наблюдать за ним в ожидании, когда он придет к ней.

Каждый день она узнавала о нем что-то новое; каждая ночь приносила еще неизведанные блаженные открытия. Каждая новая минута, каждый час были лучше предыдущих. Живя в этом чудесном соединении спокойной домашней жизни и страсти, Алекса впервые поняла, зачем люди женятся – чтобы так было всегда. А ведь когда-то – всего три месяца назад! – ей казалось, что она вполне довольна своей жизнью. Жила одна, если не считать Ларри, ее единственного компаньона, с удовольствием занималась своей работой, держала в порядке дом, по

вечерам иногда куда-то ходила, навещала друзей. Но это ведь не вся жизнь, только половина. Как она это терпела?

«*Нельзя потерять то, чего не имела*». Голос Эди, ясный и громкий. Алекса улыбнулась, налила кружку чая для себя, поставила рядом на столик и достала из кармана письма. Она разложила их на одеяле. Счет от Питера Джонса; рецепт: как покрывать кондитерское изделие двойной глазурью; почтовая открытка от женщины из Барнса: она хотела бы, чтобы какая-нибудь умелая хозяйка настряпала ей разных блюд и заложила их в морозильник. И наконец, большой жесткий конверт.

Шотландская марка. Приглашение? Наверное, на чью-то свадьбу... Алекса вскрыла конверт и извлекла карточку.

– Боже мой!

– Что это?

– Приглашение на бал. «Ты должна поехать на бал», – сказала крестная Золушке!

Ноэль протянул руку и взял у нее карточку.

– Кто такая миссис Стейнтон?

– Это наши соседи в Шотландии. Живут в десяти милях от нас.

– А кто Кэти?

– Разумеется, их дочь. Она работает в Лондоне. Очень может быть, ты ее и встречал где-то... – Алекса подумала и отвергла это предположение. – Нет, вряд ли. Ей нравятся молодые военные, скачки...

– Шестнадцатого сентября. Ты поедешь?

– Думаю, нет.

– Почему же?

– Потому что не хочу ехать без тебя.

– Но меня не приглашают.

– В том-то и дело.

– Может, ты им напишешь: «Я приеду, если вы позволите мне привезти с собой моего любовника»?

– Никто не знает, что у меня есть любовник.

– Ты до сих пор не сообщила своим, что я поселился в твоём доме?

– Пока нет.

– По каким-то особым соображениям?

– Ах, Ноэль... Не знаю.

Но она знала.

Она хотела как можно дольше сохранить свою тайну. С Ноэлем она жила в сказке, в волшебном мире любви и чудесных открытий, и боялась, что, если позволит кому-то вторгнуться в этот мир, он уже не будет таким, как прежде, чары разрушатся.

К тому же – к сожалению, приходилось это признать – ей не хватало храбрости. Ну да, ей уже исполнился двадцать один год, но что толку, взрослее она не стала. Она по-прежнему чувствовала себя пятнадцатилетней девочкой, и ей по-прежнему хотелось, чтобы все были ею довольны. От одной только мысли о том, как семья отнесется к ее сообщению, Алекса приходила в ужас. Она представила себе, как расстроится отец, как неприятно удивится Ви, как озабочится Вирджиния. И как они начнут ее расспрашивать: «Кто он? Где ты его встретила? Вы живете вместе? На Овингтон-стрит? Но почему ты сразу не сказала? Чем он занимается? Как его зовут?»

А Эди! «*Леди Черитон перевернется в гробу*».

Нет, они все поймут, конечно. Они отнюдь не ханжи и не такие уж пуритане. И они искренне любят ее, но она просто не хотела их огорчать.

Алекса отпила немного чая.

– Но ты ведь уже не маленькая девочка, – сказал Ноэль.

– Ну да, я совершеннолетняя, но только еще не совсем взрослая. Хотелось бы мне окончательно повзрослеть.

– Ты стыдишься нашего греховного сожительства?

– Я ничего не стыжусь. Дело в моей семье. Я не хочу их огорчать.

– Милая моя, но они куда больше огорчатся, если узнают об этом от кого-то постороннего.

– Как они могут узнать? – спросила она.

– Это Лондон. Все судачат обо всех и вся. Удивительно, что твоему отцу еще до сих пор никто ничего не сообщил. Послушай моего совета и будь храброй девочкой. – Он отдал ей кружку и чмокнул в щеку, потом спустил ноги по другую сторону кровати, встал, накинул на себя халат. – К тому же напиши миссис Стиффден – или как ее там? – что ты с удовольствием приедешь на бал и привезешь с собой прекрасного принца.

Алекса невольно улыбнулась:

– Ты и правда поедешь?

– Скорее всего, нет. Боюсь, народные танцы не моя стихия.

С этими словами он скрылся в ванной, и Алекса услышала шум душа.

Что они, собственно, обсуждают? Алекса снова взяла приглашение и, нахмурившись, перечитала его. «Лучше бы мне его вовсе не получать, – подумала она. – Теперь вот буду мучиться, решать: ехать – не ехать?»

3

Понедельник, 22 августа

Август в этом году выдался небывало жаркий, остров окутала пелена зноя. Жара начиналась с утра, а к полудню столбик термометра поползал до такой высоты, что здравомыслящие люди предпочитали до вечера не выходить из дома и лежали в постели, почти бездыханные, или спали на затененных террасах. Спал и старый город меж холмов – окна домов закрыты ставнями, улицы пусты, магазинчики не работают.

Но внизу, в порту, картина была другая. Слишком много понаехало курортников, слишком много тратилось денег, чтобы следовать старинному обычаю. Туристы знать не хотели ни о какой сиесте. Спать, когда столько заплачено за каждый час, за каждую минуту? А туристам, заглянувшим сюда на денек, и вовсе некуда было податься. Обливаясь потом, с красными лицами, они группами сидели в кафе под открытым небом или бесцельно слонялись в оборудованных кондиционерами галереях. Берег пестрел зонтами из пальмовых листьев и полуобнаженными телами, коптившимися под солнцем. Яхты и моторные лодки, обычно без устали бороздящие гавань, лениво покачивались на маслянистых волнах, а на палубах, под тентами, недвижно, точно неживые, лежали коричневые тела.

Проснулась Пандора поздно. Всю ночь она проворочалась без сна, в четыре утра все-таки выпила снотворное и погрузилась наконец в тяжелый, полный тревожных сновидений сон. Она поспала бы и подольше, но на кухне застучала посудой Серафина и разбудила ее. Звяканье тарелок разбило сон, и минуту спустя Пандора с неохотой открыла глаза.

Сон был о дожде, о коричневых реках, о холодном влажном воздухе и о ветре. О глубоких озерах и темных холмах и топких тропках, ведущих к покрытым снегом вершинам. Но главным во сне был дождь. Он не обрушивался грохочущим ливнем, как здесь, он был нежным, как туман. Он незаметно, точно дым, приплывал на облаках...

Она шевельнулась, и видения исчезли. Почему ей снится Шотландия? Почему, спустя столько лет, эти воспоминания возвращаются и тревожат ее? Может, страшная августовская жара тому виной, беспощадное солнце, которое печет с утра до вечера, пыль и сушь, резкие, черные тени полдня? Как хочется вдохнуть в себя нежный душистый туман!

Она повернула голову – за раздвижной стеклянной дверью, которая была открыта всю ночь, виднелась балюстрада террасы, ярко краснели герани, голубело небо. Без единого облачка, раскаленное наглое небо.

Пандора оперлась на локоть и, потянувшись через широкую кровать, достала со столика часы. Девять. Стук и звяканье на кухне усилились. Зашумела посудомоечная машина. Серафина давала знать о своем присутствии. А если она была здесь, значит и Марио, ее муж и садовник Пандоры, уже скребет своей допотопной мотыгой где-то в саду, и нагишом не поплаваешь. Марио и Серафина жили в старом городе и каждое утро приезжали на мопеде. Взявшись в гору, мопед натужно ревел. Позади Марио, обхватив мужа сильными загорелыми руками, возвышалась в дамском седле Серафина. Странно, что шум и треск, возвещавший об их прибытии, не разбудил Пандору раньше, но, как видно, в это время еще действовало снотворное.

Жарко было лежать в смятой постели, она и так провалилась допоздна. Пандора откинула тонкую простыню и голая прошла к комоду. Она соорудила себе из носовых платков бикини, проделала обратный путь через спальню, прошла через террасу, спустилась по ступеням и нырнула в бассейн.

Вода была прохладная, но не настолько, чтобы освежить по-настоящему. Пандора плыла и представляла, как она ныряет в озеро возле Кроя и с визгом выскакивает на берег, потому что холод пронзил все тело и у нее перехватило дыхание. И как только она могла плавать в такой ледяной воде? Как могла она, Арчи и вся их компания предаваться этим мазохистским удовольствиям? Но зато до чего же было весело! Наскоро растеревшись, они натягивали на себя теплые свитера, разжигали на прибрежной гальке костер и жарили на тлеющих углях потрясающе вкусную форель. Такой вкусной форели нет больше нигде в мире.

Пандора плавала из конца в конец по длинному бассейну. И снова перед ней была Шотландия, теперь уже не во сне, а в воспоминаниях. Ну и пусть. Она не будет гнать их от себя. Пусть они ведут ее по ухабистой, поросшей дерном дорожке вдоль берега ручья, бегущего вниз по холму, чтобы в конце концов соединиться в Кроем. Текущая по торфяному руслу коричневая, вспенивающаяся, как пиво, вода бурлила на камнях и разливалась в заводи, в темных глубинах которой таилась форель. Столько веков здесь бежал этот поток, что проложил себе узкую долину с россыпью цветов и зарослями чертополоха на зеленых берегах. Была тут и заветная лощинка, укрытая от северных ветров. Зимой и весной, когда у озера был лютый холод, они разжигали костер и пировали в этой лощинке.

Воспоминания вели Пандору все дальше и дальше. Тропа шла круче, петляла между валунами, огибала гранитные скалы, которые, наверное, вздымались здесь со дня сотворения мира. Но вот последний поворот, и внизу, залитая солнцем, во всей своей красе открывалась дивная долина. Вдаль уходила серебристая лента Кроя, сквозь деревья виднелись два арочных мостика, деревня, уменьшенная расстоянием, казалась игрушечной, точно ее построили на ковре в детской.

Пандора попыталась отвлечься, но воспоминания не отпускали ее. Вот дорога выравнивается. Там, впереди, будет высокая ограда от оленей и ворота. Видны уже первые деревья. Шотландские сосны, а за ними зеленеют буки. Еще дальше дом Гордона Гиллока, на веревке полощется белье, и охотничьи собаки, услышав чье-то приближение, поднимают яростный лай.

Но вот уже и их дом близко. Дорога превратилась в гудронированное шоссе. Оно идет меж фермерских домов, мимо сараев и коровников. Пахнет скотом и навозом. Еще одни ворота, дом, цветник перед ним, переливающийся яркими красками, каменная ограда, увитая жимолостью. Загон для скота. Аллея, обсаженная рододендронами...

Крой.

Стоп. Она не хотела идти дальше. Отодвинула воспоминания вспять, загнала их в угол, точно непослушных детей. Не надо расслабляться. Не надо думать о Шотландии. Она проплыла последнюю прямую, поднялась по пологим ступенькам и вышла из бассейна. Каменные плиты под ногами были уже горячие. Пандора прошла в ванную, приняла душ, вымыла волосы, надела свободное, без рукавов, платье – самое легкое из ее гардероба. Потом пошла на кухню.

– Серафина!

Серафина повернулась от раковины, где чистила моллюсков. Низенькая, коренастая, загорелая, на голых ногах сандалии на веревочных подошвах, черные волосы собраны в пучок и заколоты на затылке. Она всегда ходила в черном, потому что не вылезала из траура. Едва кончался траур по бабушке, как умирал какой-нибудь дальний родственник из их клана, и Серафина снова надевала черное. Черные платья были так похожи одно на другое, что невозможно было отличить, надела она старое или сшила себе новое. Зато фартуки у Серафины всегда были яркие, с веселым рисунком, как будто ей хотелось хоть как-то оживить свои мрачные платья.

Серафина досталась Пандоре вместе с «Каса Роса». До того она пятнадцать лет прослужила у английской четы, построившей эту виллу. Два года тому назад у супругов начало пошаливать здоровье, и по настоянию родственников они, хоть и не очень охотно, возвратились в Англию. Пандора в то время как раз искала, где поселиться, и купила у них дом. Лишь въехав

в него, она обнаружила, что унаследовала Серафину и Марио. Поначалу Серафина не была уверена, хочет ли работать у Пандоры, а Пандора не могла решить, оставить ли ей Серафину. Смотреть на нее не доставляло особого удовольствия, да и ее угрюмость не предвещала ничего хорошего. Но обе они решили попробовать. Прошел месяц, потом три, а потом и год. Вопрос решился сам собой, без обсуждения – женщины были вполне довольны друг другом.

– Señora. Buenos días⁸. Проснулись...

Проработав пятнадцать лет у прежних хозяев, Серафина вполне прилично говорила по-английски. Для Пандоры это было очень кстати. По-французски она говорила свободно, но испанского не знала вовсе. Ее уверяли, что испанский дается легко, поскольку в школе все учат латынь, но Пандору латыни не учили, а начинать учить теперь не хотелось...

– Завтрак готов?

– Стоит на столе. Сейчас принесу кофе.

Стол был накрыт на террасе, затененной деревьями, овеваемой морским ветерком, когда он дул. Проходя по гостиной, Пандора бросила рассеянный взгляд на лежавшую на кофейном столике книгу. Большая, шикарно изданная. Подарок Арчи, он прислал ей ко дню рождения. «Ремесла в Шотландии». Пандора понимала, почему Арчи подарил ей эту книгу: он никогда не перестанет зазывать ее домой. Милый, милый Арчи, он все еще надеется. Именно по этой причине она так и не открыла книгу. Но сейчас вдруг остановилась. «Ремесла в Шотландии». Опять Шотландия. Похоже, сегодня Шотландия ее не отпустит, похоже, сегодня ей предстоит грустный день. Пандора улыбнулась: что это на нее вдруг нашло? Впрочем, почему бы и не посмотреть, что там за ремесла в Шотландии? Пандора захватила фолиант со столика и понесла на террасу. Села к столу, начала чистить апельсин и раскрыла книгу.

Ее только и листать за кофе. Рисунки пером, прекрасно вычерченные карты, простой текст. На каждой странице цветная фотография. Серебристые пески Морара. Бен Ворлих. Дохартский водопад. Старые названия звучали раскатами барабанной дроби.

Пандора принялась за апельсин. Капал апельсиновый сок, она небрежно смахивала его, на страницах оставались пятна. Серафина принесла кофе, но Пандора и глаз не подняла – книга ее увлекла.

«Река в этом месте, после долгого спокойного путешествия, вдруг приходит в ярость, бурный пенистый поток несется по широкому каменистому туннелю и обрушивается вниз гремящим водопадом. Чуть дальше на пути быстрины встают два поросших лесом островка, один из которых был местом захоронения клана Мак-Наб; кроны прекрасных деревьев накрывают остров зеленым шатром, что придает ему особую прелесть».

Пандора налила в чашку кофе, перевернула страницу и продолжила читать.

«Ремесла в Шотландии» помогли ей скоротать день. Она перенесла книгу от стола к шезлонгу на краю бассейна, а потом, после обеда, забралась вместе с ней в кровать и, дочитав до конца, положила на пол.

Повеяло прохладой, но не жара тяготила сегодня Пандору. Она выбралась из постели, еще раз поплавала в бассейне, потом оделась: белые хлопчатобумажные брюки, белая в синюю полоску рубашка. Причесалась, подвела глаза, выбрала сережки, золотой браслетик. Белые сандалии. Брызнула на себя духами, заметив при этом, что они уже на исходе. Надо купить новый флакон. Предвкушение маленькой дорогой покупки доставило ей удовольствие.

Пандора попрощалась с Серафиной и, выйдя из парадной двери, направилась к гаражу. Села в машину, съехала по вьющейся спиралью дороге с холма на просторное шоссе, которое вело в порт. Она забрала свою корреспонденцию, положила конверты в сплетенную из кожаных ремешков корзинку и, оставив машину во дворе почты, неспешно двинулась по все еще люд-

⁸ Добрый день, сеньора (исп.).

ным улицам, разглядывая витрины магазинчиков; полюбовалась изысканным костюмом, оценилась к прелестной кружевной шали. Зашла внутрь парфюмерного магазинчика и купила флакон духов «Пуазон», затем снова пошла по направлению к морю. Наконец она вышла на широкий, обсаженный пальмами бульвар, протянувшийся вдоль берега. В конце дня на пляже былолюдно, как всегда, многие еще купались, другие бродили по кромке воды. Подальше от берега, ловя вечерний бриз, бороздили волны любители серфинга, точно птицы взмахивали крыльями над водой.

Пандора подошла к маленькому кафе, расположившемуся прямо на набережной, села за столик и заказала себе кофе с коньяком. Откинувшись на спинку неудобного железного стульчика, она сдвинула очки на макушку и вынула из корзинки почту. Одно письмо из Парижа, еще одно из Нью-Йорка. Открытка из Венеции от Эмили Рихтер. Она все еще живет в гостинице «Каприани». Большой жесткий белый конверт, адресованный в Крой и переадресованный на Мальорку. Почерк Арчи. Пандора вскрыла конверт и с удивлением прочла приглашение Верены Стейнтон:

«...на первый бал Кэти...»

Невероятно! Словно зов из другого века, из другого мира. Однако, по какому-то странному совпадению, весь день сегодня она провела в этом мире. Что это? Знак судьбы? И она должна внять этому зову? Но верит ли она подобным предзнаменованиям?

Первый бал Кэти... Она вспомнила другие приглашения, «картонки», как они с Арчи их называли, прислоненные к фигуркам на каминной полке в библиотеке Кроя. Приглашения на пикники, коктейли в саду, состязания в крокет, танцы. Танцам не было конца. Одну неделю в сентябре они, можно сказать, вообще не спали, разве что прикорнешь на заднем сиденье автомобиля или подремлешь на солнышке, пока дожидаясь своей очереди в теннис. Гардероб полон бальных нарядов, а она все время жалуется матери, что ей нечего надеть. В льдисто-голубом шелковом платье она была на Северном балу, все ее в нем уже видели, к тому же кто-то из кавалеров залил ей весь перед шампанским, а с шелка пятно не выведешь. Темно-розовое? Но там оторвана подшивка и совсем растянулась одна ляпка. И ее мать, сама доброта и терпение, вместо того чтобы предложить Пандоре вооружиться иголкой, подшить подол розового платья и укоротить ляпку, сажала дочь в машину и ехала с ней с Релкирк или Эдинбург, потакала ее причудам, таскалась с ней из магазина в магазин, пока они не находили какое-нибудь потрясающе красивое платье – и конечно же ужасно дорогое.

Какая она, Пандора, была испорченная, как обожали ее родители, как баловали. А в ответ...

Пандора положила приглашение на столик и засмотрелась на море. Официант принес ей на маленьком подносе кофе и коньяк. Она поблагодарила его и заплатила. Медленно глотая горячий крепкий кофе, Пандора разглядывала гуляющую публику. Вечернее солнце скользило в море, заливая его гладь расплавленным золотом.

А она даже ни разу не навестила родителей. Так она решила. Они не требовали, не настаивали, но никогда не обрывали с ней связь. Их письма отыскивали ее, где бы она ни была, письма, полные любви. Когда умерли родители, она было подумала, что письма кончатся, но нет, теперь стал писать Арчи. Подробные описания охоты, рассказы о детях, местные сплетни. Все письма кончались одинаково: «Мы очень по тебе скучаем. Почему бы тебе не погостить у нас хоть несколько дней? Мы так давно тебя не видели».

От причала медленно отплывала яхта, вот ветер надул паруса, и она плавно заскользила по синей глади. Пандора смотрела ей вслед, но перед ее внутренним взором возникали картины Кроя. Снова ее мысли обратились к родному дому, и на сей раз она не стала гнать их от себя. Вот ступеньки крыльца, ведущие к парадной двери... Она распахнута настежь. Ничто не мешает ей войти в нее...

Пандора со стуком поставила на столик чашку. Что это на нее нашло? Прошное всегда предстает в идиллическом свете, потому что запоминается только хорошее. А если вспомнить плохое? Нет, то, что случилось с ней тогда, лучше там и оставить, засунуть все воспоминания в сундук, закрыть крышку и повернуть ключ. К тому же прошлое – это люди, а не места. Места без людей подобны железнодорожным станциям, от которых ушли все поезда. Ей тридцать девять. Ностальгия отнимает энергию, а она нужна для настоящего. Слишком она стара для ностальгии.

Пандора протянула руку к рюмке. На столик легла тень – кто-то встал, загородив собой отблеск заката. Удивленная Пандора подняла глаза, стоявший перед ней мужчина поклонился:

– Добрый вечер, Пандора.

– А, Карлос! Вы так тихо ко мне подкрались...

– Я заехал в «Каса Роса», но вас там не было. Коль скоро вы не пришли ко мне, я вынужден был прийти к вам сам.

– Я очень извиняюсь.

– Не обнаружив никого дома, я решил поискать вас в порту, подумал, что вы решили прогуляться.

– Мне нужно было кое-что купить.

– Можно мне присесть?

– Конечно.

Он отодвинул стул и сел напротив. Высокий мужчина, ближе к пятидесяти, в светлом пиджаке; белая рубашка, галстук. Волосы, как и глаза, черные. Даже в этот знойный вечер от него веяло прохладой и свежестью. По-английски он говорил безупречно, а похож был, как Пандоре всегда казалось, на француза. На самом деле он испанец.

Очень привлекательный мужчина. Пандора улыбнулась.

– Позвольте мне заказать вам рюмку коньяка, – сказала она.

4

Среда, 24 августа

Вирджиния Эрд прошла в крутящийся турникет «Харродса» и ступила на тротуар. Не было больше сил выносить жару и толкотню в магазине. Но и на улице не лучше. День был душный, тяжелый влажный воздух насыщен выхлопными газами, и столько народу вокруг, что кружится голова. По Бромптон-роуд двигался сплошной поток машин, а по тротуарам сплошной людской поток. Она и забыла, что городские улицы могут вмещать такое количество людей. Наверное, тут есть и лондонцы, спешат по своим делам, но все же такое впечатление, что народ собрался со всех концов света. Туристы, эмигранты, ужас сколько приезжих! Вот мимо прошагала группа рослых светловолосых студентов с рюкзаками за спиной. Вот целое семейство – то ли итальянцы, то ли испанцы; две индианки в сари. Ну и конечно, полным-полно американцев. «Моих соотечественников», – с усмешкой подумала Вирджиния. Их отличаешь мгновенно по одежде и по экипировке: у каждого на шее висит либо фото-, либо киноаппарат. Какой-то верзила нахлобучил на голову огромную фетровую шляпу – это в такой-то душный день!

Половина пятого пополудни. Весь день она таскалась по магазинам и накупила уйму вещей, в обеих руках пакеты, свертки. Ноги гудели. Вирджиния в нерешительности стояла на тротуаре, раздумывая, куда ей двинуться дальше.

Вариантов было два. Либо без промедления, любым видом транспорта, какой только подвернется, отправиться в Кэджвит-Мьюз, где она остановилась у своей подруги Фелисити Кроув в большом комфортабельном доме. Ключ у нее есть, и, даже если Фелисити ушла за покупками или прогуливает свою таксу, в дом она попадет, и, боже мой, какое это будет счастье – сбросить с ног туфли, приготовить чашку горячего чая и растянуться на кровати. Заманчивая перспектива. Либо поехать на Овингтон-стрит, вдруг да застанет Алексу дома. Стоит рискнуть. Визит к Алексе не был запланирован, но нельзя же вернуться в Шотландию, не поговорив со своей падчерицей хотя бы по телефону. Она и пыталась это сделать вчера вечером – позвонила от Фелисити, но Алекса не отвечала, и Вирджиния, выждав несколько гудков, в конце концов положила трубку. «Похоже, Алекса наконец-то стала ходить на вечеринки», – решила она. На следующее утро Вирджиния позвонила снова, позвонила еще раз днем из ресторана и еще от парикмахера, пока сушилась. Алекса не отвечала. Может быть, ее нет в Лондоне?

Вирджиния стояла в нерешительности, и тут на нее налетел маленький японец, который шел, глаза по сторонам. Один из свертков упал на землю. Японец рассыпался в извинениях, подобрал сверток, сдул с него пыль, вернул ей, заулыбался, склонился в поклоне чуть ли не до земли, приподнял шляпу и пошел глазеть дальше. Это положило конец раздумьям Вирджинии, и к тому же как раз подъехало такси, пассажиры выгрузились, и Вирджиния поспешила занять машину.

– Куда прикажете вас доставить?

Она приняла решение:

– Овингтон-стрит.

Такси она не отпустит и, если Алексы не окажется дома, поедет к Фелисити. Решение было принято, теперь можно и расслабиться. Вирджиния опустила окно, откинулась на спинку сиденья и даже подумала, не снять ли ей туфли.

Ехать было недалеко. Такси свернуло на Овингтон-стрит, и Вирджиния стала высматривать машину Алексы. Если она на стоянке, значит Алекса почти что наверняка дома. Вот она – белый мини-фургон с красной полосой на боку стоит на мостовой неподалеку от синей парадной двери. Вот и хорошо. Она сказала шоферу, куда подъехать.

– И пожалуйста, подождите минутку. Я проверю, есть ли кто дома.

– Не беспокойтесь, подожду непременно.

Вирджиния собрала пакеты и свертки, вытащила их из машины, поднялась по ступенькам и нажала кнопку звонка. Она услышала, как залаял Ларри и раздался голос Алексы, прикрикнувшей на пса. Вирджиния свалила покупки на крыльцо, раскрыла сумочку и пошла плачливаться с таксистом.

Алекса была на кухне, разбирала и мыла соусники, пластиковые контейнеры, деревянные миски для салата, яйцерезки, ножи, бокалы, которые она извлекала из ячеек картонной коробки, – приводила в порядок всю свою утварь, которую доставила домой из Чизуика. Вымоет все, вытрет, уберет и тогда поднимется наверх, стянет с себя мятую ситцевую юбку и кофту, примет душ и переоденется во все свежее. Потом приготовит себе чашку чая с ломтиком лимона... потом выведет на короткую прогулку Ларри, а уж дальше будет думать об обеде. На обратном пути из Чизуика она заехала в рыбную лавку и купила радужную форель, Ноэль ее обожает. Хорошо поджарить ее на решетке, с миндалем. И может, еще...

К дому медленно приближалась машина, но от мойки ее было не разглядеть. Машина остановилась, послышался женский голос, раздался стук каблучков по мостовой. Алекса закрыла кран, прислушалась. Звонок в дверь.

Яростно затыкал Ларри, он ненавидел звонки. Алекса досадливо поморщилась: кто это? Ей еще столько посуды надо перемыть. «Да замолчи ты, глупый пес!» – прикрикнула она на Ларри и, стянув с себя фартук, пошла открывать дверь. Хорошо бы не слишком обременительный визитер. Дверь уперлась в грудку пакетов. Такси развернулось и укатило. И...

Алекса ахнула: мачеха! Принарядилась для Лондона: черное платье, красный жакет, туфли-лодочки, но Алекса все же узнала ее с первого взгляда. Причесалась, как видно, у какого-то именитого мастера, по последней моде: волосы зачесаны назад и заколоты черным бархатным бантом.

Ее мачеха. Выглядит сногшибательно, но не предупредила о своем приезде, свалилась как снег на голову. «Ноэль!» – мелькнуло у Алексы в голове, прежде чем она раскрыла мачехе свои объятия.

– Вирджиния!

– Не падай в обморок, Алекса. Я не отпускала такси – не знала, застану ли тебя дома.

Она расцеловала Алексу.

– Приехала кое-что купить, – без надобности пояснила Вирджиния и нагнулась, чтобы собрать все пакеты и свертки. Алекса стала помогать ей.

– Но я даже не подозревала, что ты в Лондоне...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.